П. Г. КОЗЛОВСКИЙ

КРЕСТЬЯНЕ БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII - XVIII в.

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

П. Г. КОЗЛОВСКИЙ

КРЕСТЬЯНЕ БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII—XVIII в.

(по материалам магнатских вотчин)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА»
МИНСК 1969

9(c)14+9(C3)
К 59

Монография — первое в белорусской исторической науке исследование, посвященное крестьянству магнатских вотчин. Магнаты составляли главную политическую и экономическую силу в Белоруссии второй половины XVII и XVIII в. Их хозяйство особенно четко реагировало на происходившие в этот период экономические процессы, в их вотчинах находила наиболее полное выражение эксплуататорская политика класса феодалов по отношению к крестьянству.

В книге исследуется развитие производительных сил — рост численности сельского населения, эволюция земледелия, животноводства, промыслов и ремесла. На этой основе автор рассматривает динамику земельного надела, изменения форм феодальной ренты и усиление эксплуатации крестьянских масс, характеризует рыночные связи деревни, раскрывает процесс разложения феодальных производственных отношений и зарождения капиталистического уклада в сельском хозяйстве, освещает обострение классовой борьбы.

Книга представляет интерес для научных работников, преподавателей и студентов.

Под редакцией
доктора исторических наук
Н. Н. УЛАЩИКА

1-6-4
4-69

ВВЕДЕНИЕ

В исторической литературе имеется ряд работ по аграрной истории Белоруссии и Великого княжества Литовского XVI—XVIII вв. Хотя большинство этих работ посвящено государственным крестьянам, в них содержится немало положений, которые могут быть отнесены ко всему крестьянству, включая и население магнатских вотчин.

Буржуазные историки конца XIX — начала XX в. (В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов, Ф. И. Леонтович, М. К. Любавский, В. И. Лаппо) с формально-юридических позиций осветили вопросы развития крепостного права, крестьянского землепользования и повинностей в Великом княжестве Литовском до конца XVI в.[1]

Историей XVIII в. занимались В. А. Мякотин и А. О. Турцевич[2]. Очерк В. А. Мякотина содержит некоторый мемуарный материал о феодальном гнете в Речи Посполитой. А. О. Турцевич систематизировал данные опубликованных инвентарей феодальных владений

---

[1] См. В. Б. Антонович. Предисловие. Архив Юго-Западной России, ч. VI, т. II. Киев, 1870; М. Ф. Владимирский-Буданов. Крестьянское землевладение в России до половины XVI в. Киев, 1892; Ф. И. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. СПб, 1897; К истории административного строя Литовско-Русского государства. Варшава, 1899; М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915; В. И. Лаппо. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Юрьев, 1911.

[2] См. В. А. Мякотин. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб, 1889; А. О. Турцевич. Предисловие. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов (АВАК), т. XXXV. Вильна, 1910; Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши. Вильна, 1911.

Великого княжества Литовского, положив начало использованию этого важного источника.

Зарождение советской историографии аграрных отношений Белоруссии связано с именем В. И. Пичеты. Им были раскрыты экономические и политические условия возникновения фольварочно-барщинной системы на землях Великого княжества Литовского, начато изучение производительных сил сельского хозяйства Белоруссии (до XVI в.) [1].

Особое место в белорусской историографии занимает М. В. Довнар-Запольский. Большинство его трудов относится к XVI в.[2] В советский период М. В. Довнар-Запольский написал очерк о социально-экономической структуре Великого княжества Литовского в XVI—XVIII вв., в котором впервые были затронуты важнейшие вопросы о численном составе крестьянского двора, крестьянском хозяйстве. Однако он располагал весьма скромной источниковедческой базой — опубликованными разрозненными инвентарями феодальных владений — и не мог на такой основе дать правильный ответ на эти вопросы. М. В. Довнар-Запольский предпринял попытку определить общее направление экономического развития Белоруссии. Находясь под влиянием ложной буржуазно-националистической концепции В. Б. Антоновича, согласно которой Великое княжество Литовское до Люблинской унии переживало период некоего «золотого века», он представил последующее развитие Белоруссии в виде все углублявшегося упадка. Между тем даже приведенные им самим данные не подтверждают такого вывода [3].

В 20—30-х годах XX в. были опубликованы работы нескольких белорусских историков, воспитанных В. И. Пичетой. Среди них выделяются исследования К. И. Керножицкого и Ф. И. Забелло. К. И. Керножиц-

---

[1] См. В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. I (до конца XVI в.). Минск, 1927; Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958; Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961.

[2] См. М. В. Довнар-Запольский. Западно-русская сельская община в XVI в. СПб, 1897; Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901; Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Киев, 1905.

[3] См. М. В. Доўнар-Запольскі. Социяльна-эканомічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII сталецьцях. «Зборнік гісторычна-археолегічны». Менск, 1927, № 1.

кий избрал объектом изучения несколько королевских староств и проанализировал основные показатели крестьянского хозяйства, отраженные в инвентарях этих владений. Впервые в белорусской историографии он составил обстоятельные таблицы, которые послужили прототипом для дальнейших исследований. К. И. Керножицкий применил метод сопоставления однородных источников по одному и тому же объекту. Такая методика дала ему возможность сделать выводы об углублении имущественной дифференциации крестьян во второй половине XVIII в., о близости положения бояр и земян в этот период. Однако научная деятельность К. И. Керножицкого осуществлялась в сложных условиях, когда над исследователями довлела теория «торгового капитализма». Поэтому в его работах переплетались верные выводы, полученные на основании анализа документов, и бездоказательные утверждения, порожденные принятой им схемой. Встречаются у него и прямые противоречия [1]. К. И. Керножицкий почти не касался других видов феодальных владений. Только в очерке «Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі» он затрагивает Дубровненскую вотчину.

Ф. И. Забелло написал одну статью о помещичьем и крестьянском хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в., в которой систематизировал материалы около 100 инвентарей имений, опубликованных в актах Виленской археографической комиссии. Статья построена в виде констатации некоторых явлений без попытки дифференцированного подхода к королевским и частным владениям. Магнатские вотчины им не исследовались [2].

В 40-е годы появились научно-популярные очерки, посвященные главным образом показу классовой и нацио-

---

[1] См. К. І. Кернажыцкі. Гаспадарка староставў на Беларусі і экономічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII сталецьця. У зб. «Досьледы і матар'ялы па вывучэньні гісторыі», серыя 2, вып. 2. Менск, 1928; Брожаскі ключ 1639—1810. Соцыяльна-экономічны нарыс з гісторыі Бабруйшчыны. У зб. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук». Працы клясы гісторыі, кн. 8, т. III. Менск, 1929; Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і экономічнае становішча яго насельніцтва з XVII да палавіны XIX ст. Менск, 1931; Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст. Менск, 1935.

[2] См. Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства. У зб. «Запіскі Аддзелу гуманітарных навук». Працы клясы гісторыі, кн. 3, т. II. Менск, 1928.

нально-освободительной борьбы белорусского и украинского народов против шляхетской Речи Посполитой (В. И. Пичеты, И. Ф. Лочмеля).

В. И. Пичета высказал существенную мысль о значительном оживлении экономики Речи Посполитой во второй половине XVIII в. Однако эта мысль не получила аргументированного обоснования[1].

Интересен по замыслу очерк И. Ф. Лочмеля. К сожалению, он не раскрывает социально-экономических корней развернувшейся борьбы. Вряд ли автор имел основание свести антифеодальную борьбу белорусского крестьянства к национальной борьбе всего народа против польских панов. Тем самым выпадает главное — классовая борьба как следствие внутренних противоречий между основными классами феодального общества Белоруссии[2].

Новым этапом белорусской советской историографии был послевоенный период. Он характеризуется поисками общих оценок социально-экономического развития, созданием обобщающих трудов (История БССР, издания 1 и 2), появлением ряда монографических исследований и статей[3]. В некоторых из них содержится спорное, на наш взгляд, изложение процесса социально-экономического развития крестьянства Белоруссии в XVIII в.

Принципиальное значение для изучения аграрной истории Белоруссии имеют исследования Д. Л. Похилевича. В них затронуты все вопросы истории крестьянства Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. В центре внимания Д. Л. Похилевича находились королевские экономии и староства, на материалах которых главным образом по-

---

[1] См. В. И. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940.

[2] См. И. Ф. Лочмель. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940.

[3] См. История БССР, т. 1, изд. 1. Минск, 1954; изд. 2. Минск, 1961; А. П. П'янкоў. Перыядызацыя гісторыі феадальнага грамадства Беларусі. «Полымя», 1948, № 10; Асноўныя рысы гаспадарчага развіцця Беларусі ў XVII—XVIII стагоддзях. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1956, № 3; В. М. Горцаў. Аб эканамічным становішчы беларускага сялянства ў складзе Рэчы Паспалітай. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1958, № 3; Уз'яднанне Беларусі з Расіяй у перыяд падзелаў Рэчы Паспалітай (другая палавіна XVIII стагоддзя). «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1958, № 4.

строены все его теоретические положения, раскрывающие исторические пути белорусского и литовского крестьянства в феодальную эпоху.

В своих работах Д. Л. Похилевич доказывает ошибочность укоренившихся представлений о прогрессировавшем упадке всей экономики Белоруссии на протяжении XVII—XVIII вв. Периодами упадка были 50—60-е годы XVII и начало XVIII в., что обусловливалось двукратным опустошением территории Белоруссии во время длительных войн. Но в обоих случаях упадок сменялся восстановлением сельского хозяйства и всей экономики. Особенно заметен был экономический рост в середине и во второй половине XVIII в.

Анализируя условия восстановления сельского хозяйства, Д. Л. Похилевич выступил против утвердившейся в исторической науке схемы беспрерывного нарастания барщинного гнета. «Между барщиной XVI в. и XVIII в.— говорит он — лежит период в 75—125 лет, когда крестьяне, в особенности государственные, в значительной мере были переведены на денежную ренту как основную форму эксплуатации» [1]. Когда же крестьянское хозяйство окрепло, произошел возврат к барщинной системе.

Д. Л. Похилевич в своих работах расширил представление о процессе закрепощения, показав, как в его орбиту оказался вовлеченным верхушечный слой крестьянства, объединенный им в понятие «крестьян — слуг». Он уделял большое внимание показу классовой борьбы белорусского крестьянства, деятельности крестьянской общины и ряду других важных проблем аграрной истории [2].

---

[1] Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957, стр. 109.

[2] См. Д. Л. Похилевич. Государственные крестьяне западных воеводств Великого княжества Литовского в XVI—XVIII вв. Автореферат докторской диссертации. Львов, 1950; Движение феодальной земельной ренты в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв., «Исторические записки», т. 31. М., 1950; Перевод государственных крестьян Великого княжества Литовского с отработочной ренты на денежную в XVII в. «Исторические записки», т. 37. М., 1951; Землеустройство и поземельный кадастр в Белоруссии, Литве и Украине в XVI—XVII вв. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», т. I. М., 1952; Перевод государственных крестьян Литвы и Белоруссии в середине XVIII в. с денежной ренты на отработочную. «Исторические записки», т. 39. М., 1952; Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в. — вторая половина. М., 1956; Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в. — вторая четверть. М.,

Крестьяне магнатских вотчин не стали в работах Д. Л. Похилевича предметом особого рассмотрения. Правда, по материалам некоторых инвентарей он высказал отдельные суждения, но вся проблема исторических судеб магнатского крестьянства нуждается в специальном исследовании.

Вопросы эволюции феодальной ренты, фольварочного и отчасти крестьянского хозяйства в XVII—XVIII вв. исследовал Е. П. Шлоссберг, изучавший архивные материалы как по государственным, так и по нескольким частным владениям [1].

Дальнейшее изучение аграрных отношений Белоруссии в эпоху позднего феодализма было связано с разработкой других проблем социально-экономической истории XVI—XVIII вв. З. Ю. Копысский в связи с рассмотрением вопросов развития ремесла, промыслов и торговли дал общую оценку фольварка, игравшего двойную (отрицательную и положительную) роль в развитии сельского хозяйства, рассмотрел торговые связи города и села [2].

А. М. Карпачев разработал положение об экономическом оживлении городов Белоруссии во второй половине XVIII в. и о расширении внутреннего рынка. На основании изучения истории городского ремесла и торговли, вот-

---

1957; Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв.; Аграрная реформа А. Тизенгауза и Шавельское восстание. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.» Таллин, 1959; «Капиталистические» зигзаги в истории феодального поместья. В кн. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М., 1961; Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII веках. Сб. «Средние века», вып. 21. М., 1962; Плебейский люд (лезные) в деревне Речи Посполитой. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.» Минск, 1964.

[1] См. Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.»; Фольварочно-барщинное хозяйство и движение феодальной ренты в Белоруссии в XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г.» Киев, 1962; Дальнейший рост крупного землевладения. Усиление власти феодальной знати. История БССР, т. 1, изд. 2; Состояние сельского хозяйства. Усиление феодально-крепостнического гнета. История БССР, т. 1.

[2] См. З. Ю. Копысский. Города Белоруссии в XVI — первой половине XVII вв. История БССР, т. 1; Рыночные связи сельского хозяйства Белоруссии XVI — первой половины XVII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.»; Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII вв. Минск, 1966.

чинной мануфактуры, наемного труда на помещичьих предприятиях А. М. Карпачев первым выступил против сложившегося в историографии взгляда на вторую половину XVIII в. как на период углублявшегося экономического упадка и социального застоя Белоруссии. Им был сделан вывод о деформации феодальных производственных отношений в мануфактурах с принудительным трудом, о вступлении Белоруссии во второй половине XVIII в. в «нисходящую» стадию развития феодализма [1].

В дальнейшем, в результате исследований, произведенных по магнатским вотчинам, были установлены новые явления в господском хозяйстве и обнаружено начало процесса классового расслоения белорусского крестьянства во второй половине XVIII в.[2]

Наиболее полное освещение эти новые явления (преимущественно в государственных владениях Белоруссии и Литвы) получили в статьях и монографии Д. Л. Похилевича [3].

В. И. Мелешко, исследуя поместье восточной Белоруссии, обнаружил в староствах большое количество бедноты, жившей за счет найма. На основании данных о преобладании денежной ренты, развитии промыслов,

[1] См. А. М. Карпачев. Мануфактуры с принудительным трудом. История БССР, т. 1; Города, История БССР, т. 1; Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8; О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.»; Минск в период упадка шляхетской Речи Посполитой. История Минска. Минск, 1957; Эканамічнае развіццё Мінска ў XVIII стагоддзі (да пытання аб эканамічным развіцці гарадоў Беларусі). «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1962, № 2.

[2] См. П. Г. Козловский. Земельный надел и повинности крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г.» Рига, 1963; Динамика урожайности и посевных площадей, изменения структуры посевов в крупных поместьях Белоруссии в XVIII — первой половине XIX вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964, г.» Кишинев, 1966; Крестьянское хозяйство и положение крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Минск, 1965.

[3] См. Д. Л. Похилевич. Наймана праця в сільскому господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серія історична, 1962, № 1; Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.»; Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Вильнюс, 1966.

значительных торговых связях между городом и деревней он пришел к выводу, что восток Белоруссии не был отсталым районом и в экономическом отношении не уступал центру и западу [1].

Интересные данные об оживленных торговых связях между Слуцком — центром одной из магнатских вотчин и селом содержатся в работах А. П. Грицкевича, исследовавшего судьбы сельского военно-служилого населения в Слуцком княжестве [2].

Рост ремесленного и торгового населения в городах Белоруссии во второй половине XVIII в. и связь этого явления с развитием товарно-денежных отношений и внутреннего рынка отмечает в своей монографии А. П. Игнатенко [3].

По-новому рассмотрена тема классовой борьбы крестьянства в работах Л. С. Абецедарского. Автор не только четко разграничил сущность и содержание антифеодальной и народно-освободительной борьбы, но и правильно раскрыл совокупность социально-экономических и политических причин, обусловивших каждый из этих процессов. Вместе с тем он впервые в историографии показал внутреннюю связь этих двух сторон исторического развития и определил их значение в последующей истории белорусского народа [4].

---

[1] См. В. И. Мелешко. О феодальной ренте и развитии товарно-денежных отношений в королевских экономиях Восточной Белоруссии в конце XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.»; Основные черты развития аграрных отношений Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.»; Из истории аграрных отношений в Восточной Белоруссии в период упадка Речи Посполитой (с середины XVII в. до 1772 г.). «Acta Baltico—Slavica», t. V. Białystok, 1967.

[2] См. А. П. Грицкевич. Слуцк. Исторический очерк. Минск, 1960; Местный рынок сельскохозяйственных продуктов в Слуцком княжестве в Белоруссии в конце XVII — начале XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г.»; Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.»

[3] См. А. П. Игнатенко. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Минск, 1963.

[4] См. Л. С. Абецедарский. Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII в. Сб. «Воссоединение Украины с Россией». М., 1954; Борьба народных масс Белоруссии против феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета в конце XVI—первой половине XVII в. История

Классовую борьбу крестьянства в XVIII в. изучали А. М. Карпачев и В. М. Горцев [1].

История белорусской деревни первой половины XIX в. исследовалась Н. Н. Улащиком и В. В. Чепко [2]. Для изучения аграрных отношений Белоруссии XVII—XVIII вв. большое значение имеют труды историков Украины и Литвы (В. А. Маркиной, И. Д. Бойко, Ю. М. Юргиниса, М. А. Ючаса), поскольку крестьяне всех этих земель находились тогда в аналогичных социально-политических условиях [3].

Существенный вклад в исследования о крестьянах Белоруссии внесли некоторые польские буржуазные ученые, несмотря на ошибочность их общей методологии. И. Барановский по документам второй половины XVII — первой половины XVIII в. изучил три магнатские вотчины и констатировал преобладание денежного чинша в Поднепровье (Быховское и Шкловское графства) [4]. Я. Рутков-

БССР, т. 1; Освободительная война белорусского народа. Борьба за воссоединение Белоруссии с Русским государством в середине XVII в. История БССР, т. 1; Борьба белорусского народа за соединение с Россией (вторая половина XVI—XVII в.). Автореферат докторской диссертации. Минск, 1965.

[1] См. А. М. Карпачев. Крестьянское движение. История БССР, т. 1; В. М. Горцаў. Барацьба народных мас Беларусі за свае сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне ў XVIII стагоддзі. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1962, № 1.

[2] См. Н. Н. Улащик. Орудия производства и системы земледелия в помещичьем хозяйстве Литвы и Западной Белоруссии в период разложения феодально-крепостнического строя. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959 г.» М., 1961; Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965; В. В. Чепко. Некоторые вопросы состояния хозяйства помещичьих крестьян в первой половине XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г.»; Рост товарности помещичьего хозяйства в Белоруссии в первой половине XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.»; Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в. Минск, 1966.

[3] См. В. А. Маркина. Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в. Киев, 1961; І. Д. Бойко. Селянство України в другій половині XVI — першій половині XVII ст. Київ, 1963; Ю. М. Юргинис. Закрепощение крестьян в Литве. Автореферат докторской диссертации. Вильнюс, 1963; О земледельческой системе, предшествовавшей трехполью. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.»; М. А. Ючас. Аренда земли вольными людьми в Литве во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г.»

[4] I. Baranowski. Epigon feudalizmu na Białej Rusi. «Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1909», t. III. Wilno, 1910; Wieś i folwark. Studia z dziejów agrarnych Polski. Warszawa, 1914.

ский обнаружил два пути восстановления сельского хозяйства: «через фольварк», путем расширения господской запашки и «через деревню», путем перевода крестьян с барщины на чинш [1]. Массовое очиншевание крестьян королевских экономий было установлено С. Косцялковским [2]. В дальнейшем эти положения получили глубокую разработку в трудах Д. Л. Похилевича.

Состояние фольварочного хозяйства и положение крестьян Великого княжества Литовского в XVIII в. изучалось В. Вечореком. Им сделана попытка выявления порайонных особенностей в аграрных отношениях [3].

Первый исследователь проблемы найма в сельском хозяйстве Великого княжества Литовского в XVIII в.— А. Жабко-Потопович. Огромный архивный материал, накопленный этим автором преимущественно по государственным имениям до настоящего времени используется советскими историками. А. Жабко-Потопович изучил условия быта наемных работников, дал как фон общее развитие аграрных отношений в XVII—XVIII вв., ввел периодизацию экономической истории этой эпохи на чередующиеся периоды разорения и восстановления [4].

Работы названных польских авторов по аграрной истории Великого княжества Литовского дополняются локальными исследованиями. О. Гедеманн на материалах Браславского повета затронул проблемы аграрной структуры, правового и экономического положения отдельных групп сельского населения [5].

В социалистической Польше продолжаются исследования аграрных отношений Великого княжества Литовского. Ведущая роль в этих исследованиях принадлежит Г. Ловмяньскому. Еще до войны он написал очерк о Новогрудской земле, в котором по сопоставимым источникам за разные годы рассмотрены изменения численности

---

[1] J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski (do 1864 r.). Warszawa, 1953; Studia z dziejów wsi polskiej XVI—XVIII w. Warszawa, 1956.

[2] S. Kościałkowski. Ze studiów nad dziejami ekonomii królewskich na Litwie. Wilno, 1914.

[3] W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w. Poznań, 1929.

[4] A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku osiemnastym na tle ewolucji stosunków w rolnictwie. Warszawa, 1929.

[5] O. Hedemann. Historia powiatu brasławskiego. Wilno, 1930.

населения и крестьянских повинностей. После войны Г. Ловмяньский изучал демографию Великого княжества Литовского [1].

Ряд трудов Г. Ловмяньского по раннему феодализму послужил основой для разработки его учениками проблемы возникновения и развития фольварочно-барщинной системы в литовских и белорусских землях (Е. Охманьский, С. Касперчак) [2]. Демографические исследования Г. Ловмяньского продолжил Ю. Можи [3]. Им определены на основании новых источников огромные потери населения литовских и белорусских земель в результате войн, голода и эпидемий в середине XVII столетия. Как и все польские историки, этот автор не выделяет Белоруссию в самостоятельный объект изучения.

Из работ историков других стран заслуживает внимания книга немецкого автора В. Конце. В ней опубликованы результаты переписи населенных дворов, проведенной в 1790 г. в западной части Великого княжества Литовского, сделана попытка по материалам королевских владений определить динамику численности населения в XVII—XVIII вв. [4]

В аграрной истории Белоруссии второй половины XVII и XVIII в. остается еще много недостаточно разработанных или спорных проблем. Широко освещены вопро-

[1] H. Łowmiański. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. I. Wilno, 1931, t. II, 1932; Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795). Wilno, 1935; Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953; Popisy wojska Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w., jako źródło do dziejów zaludnienia. Mediaevalia. W 50-ą rocznicę pracy naukowej Jana Dąbrowskiego. Warszawa, 1960.

[2] J. Ochmański. Gospodarka folwarczna w dobrach hospodarskich na Kobryńszczyźnie. Studium z dziejów folwarku na Białorusi. Koniec XV, początek XVII w. «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», r. VI, 1958; Położenie społeczno-gospodarcze i walka klasowa chłopów w ekonomii kobryńskiej w drugiej połowie XVI i pierwszej połowie XVII w. Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, t. XIX, 1957, Poznań, 1958; Renta feudalna i gospodarstwo dworskie w dobrach biskupstwa wileńskiego od końca XIV do połowy XVI wieku. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, № 34, 1961; Powstanie i rozwój latyfundium biskupstwa wileńskiego (1387—1550). Poznań, 1963; S. Kasperczak. Rozwój gospodarki folwarcznej na Litwie i Białorusi do połowy XVI wieku. Poznań, 1965.

[3] J. Morzy. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII wieku. Poznań, 1965.

[4] W. Conze. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weissrussland, I Teil. Leipzig, 1940.

сы эволюции феодальной ренты в государственных имениях, положение и классовая борьба государственных крестьян. Спорными и малоосвещенными являются вопросы о развитии производительных сил в сельском хозяйстве. Что же касается магнатских вотчин как специального объекта исследований, то по данной теме имеются лишь упоминавшаяся работа польского историка И. Барановского и ряд статей автора настоящей книги[1]. Однако в кратких статьях проблемы магнатского крестьянства не могли быть рассмотрены в комплексе.

Основными источниками настоящего исследования явились инвентари — хозяйственные описания вотчин и другие экономические документы. Инвентари представляют собой наиболее ценный вид источников. Они содержат в комплексе важнейшие данные о крестьянстве: исходные сведения для определения земельного надела, численность рабочего, а иногда и продуктивного скота у крестьян, количество крестьянских дворов, а также (в документах последней четверти XVIII в.) поименное перечисление состава семей. Эти данные сгруппированы по деревням и волостям. Кроме того, в большинстве инвентарей имеются уставы с подробным описанием крестьянских повинностей. В связи с тем что инвентари в магнатских вотчинах составлялись периодически, при обнаружении инвентарей одного и того же владения за разные годы можно получить сопоставимые данные по важнейшим сторонам крестьянского хозяйства. На таких сопоставлениях основаны главные показатели, приведенные в книге.

Несмотря на то что инвентари являются нормативными актами, они в основном верно отражают уровень крестьянских повинностей, хотя несколько хронологически отстают от фактического положения. Если повинности увеличивались, они включались в новый инвентарь, составлявшийся в ближайшие годы. Превышение инвентарных норм порождало судебные тяжбы магнатов-вотчинников с временными держателями владений. Да и крестьяне признавали лишь те повинности, которые были записаны в инвентарях.

---

[1] См. П. Г. Казлоўскі. Зямельныя надзелы і павіннасці сялян у магнацкіх уладаннях Беларусі ў другой палавіне XVII — першай палавіне XVIII стагоддзя. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1961, № 4 и др.

Близки к инвентарям люстрации, составлявшиеся ревизорами при проверке ими по поручению магната состояния дел в отдельных вотчинах.

В инвентарях и люстрациях ничего не говорится об орудиях труда, о товарности хозяйства и быте крестьян. Эти данные восполняются за счет других источников. Так, в инструкциях, издававшихся магнатами, можно найти многочисленные сведения об агротехнике, взаимоотношениях крестьян с фольварочной администрацией. Бухгалтерские документы фольварков характеризуют не только помещичье, но также и крестьянское хозяйство: торговые сделки, работу крестьян по найму. Особый интерес представляют сводные бухгалтерские книги магнатских латифундий, так называемые «суммариуши», содержащие данные за многие годы. Обнаруженные книги учета барщинных дней по ряду магнатских владений — совершенно новый вид источников, отражающий фактическое использование крепостного труда в поместье. Книги сбора денежных и натуральных повинностей, реестры недоимок способствуют выяснению имущественного положения крестьян [1].

Чрезвычайно важными документами для исследования положения крестьян являются их жалобы. Они наиболее полно раскрывают картину феодального гнета и во многом дополняют инвентари.

Некоторый интерес для изучения истории крестьянства представляют мемуары, дневники путешественников и публицистические произведения современников. Однако их широкому использованию в специальном историко-экономическом исследовании препятствует литературный характер, субъективность восприятий авторов, отсутствие конкретных экономических показателей. Этих недостатков в значительной мере лишена деловая переписка магнатов с управляющими имений.

Наряду с частноправовыми документами нами исследованы некоторые публично-правовые акты, характеризующие общие политические и экономические условия развития сельского хозяйства.

[1] Более подробный анализ перечисленных источников опубликован автором ранее. См. П. Г. Козловский, В. В. Чепко. Инвентари и хозяйственные документы магнатских владений Белоруссии XVI—XVIII вв. и инвентари помещичьих имений первой половины XIX в. как исторический источник. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.»

При всем своем разнообразии источники по истории крестьянства XVII—XVIII вв. страдают существенными недостатками. Подавляющее их большинство исходило от феодалов. Классовый характер документов сказывался, между прочим, и в том, что в них регистрировались лишь те данные о крестьянах, которые феодалов интересовали. Поэтому сведения о неработоспособных членах семьи крестьянина, о наличии у него наемных работников учитывались крайне неполно. Данные о крестьянских посевах и урожаях, о крестьянской торговле составляют редкость.

Как правило, магнаты не фиксировали в документах многочисленные факты произвола и издевательств над крестьянами, в которых они сами непосредственно были повинны.

Следует отметить, что источники по магнатским вотчинам Белоруссии сохранились в архивах СССР не по всем владениям и далеко не за все годы. Особенно это сказывается в отношении восточных вотчин Белоруссии. Несравненно полнее представлены материалы по центральным и западным вотчинам. Однако и по этим зонам нельзя считать научный поиск исчерпанным. По мере обработки в наших архивах пока еще не доступных исследователям фондов и расширения обмена документами с зарубежными архивами сведения по аграрной истории феодальной Белоруссии будут пополняться.

Большинство источников, на основании которых написана данная работа,— архивные материалы, за немногими исключениями, ранее не использованные и впервые вводимые в научный оборот. Они хранятся в Центральном государственном историческом архиве БССР в г. Минске (ЦГИА БССР), Центральном государственном историческом архиве в г. Гродно (ЦГИА БССР в г. Гродно), Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР в г. Вильнюсе (ЦГИА ЛитССР), Рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета (РОБВУ), Рукописном отделе библиотеки Академии наук Литовской ССР (РОБАН), Центральном историческом архиве Украинской ССР в г. Львове (ЦГИА УССР в г. Львове), Рукописном отделе Львовской государственной научной библиотеки Министерства просвещения УССР (ЛНБ Ро), а также в Польше, в Хозяйственном архиве музея Чарторысских в г. Кракове (AG). Микро-

фильмы документов Варшавского архива Радзивиллов находятся в Минске, в ЦГИА БССР.

По мере возможности использовались также источники, опубликованные в сборниках документов (Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов — АВАК, Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Могилевской и Витебской — ИЮМ, «Белоруссия в эпоху феодализма» и др.). Однако в связи с тем что опубликованные источники по аграрной истории Белоруссии представляют собой совершенно разрозненные документы, относящиеся к различным имениям и разным видам феодального землевладения, они малопригодны для освещения истории крестьянства магнатских вотчин.

Документы, используемые в книге, отражают с неодинаковой полнотой положение крестьян в 286 имениях, насчитывавших 44 133 крестьянских двора (табл. 1). Такой материал на данном этапе исследований дает достаточно широкую основу для выводов.

Книга охватывает два периода исторического развития Белоруссии: вторую половину XVII — первую половину XVIII в. и вторую половину XVIII в. При всем различии этих периодов их связывают общие политические условия, основа которых — нахождение Белоруссии в составе Речи Посполитой.

В исторической литературе обычно принято деление Белоруссии в XVI—XVIII вв. на две экономико-географические области: восточную, соответствующую территории, которая вошла в состав России в 1772 г., и западную. Данные о крестьянском хозяйстве дают основание разделить западную область еще на две зоны: западную и центральную, включающую Минский, Мозырский, Пинский и Новогрудский поветы, т. е. примерно территорию, впоследствии составившую Минскую губернию. Таким образом, в работе рассматривается история крестьянства по трем зонам: центральной, западной и восточной. Главное внимание обращено на центральные и западные магнатские вотчины.

Несмотря на отсутствие какого-либо обобщающего учета по экономике Белоруссии до воссоединения с Россией, автор стремился по возможности применять статистический метод. По техническим причинам в книге не могли быть приведены полностью все ссылки на исполь-

зованные архивные источники (некоторые таблицы составлены на основании изучения свыше 300 документов). Более полный научный аппарат дан в кандидатской диссертации автора [1].

Работая над книгой, автор получил ряд ценных советов и замечаний от доктора исторических наук профессора Д. Л. Похилевича, члена-корреспондента АН БССР, доктора исторических наук профессора К. И. Шабуни, кандидата исторических наук А. М. Карпачева, доктора исторических наук З. Ю. Копысского. Пользуюсь случаем выразить им свою глубокую признательность.

---

[1] П. Г. Козловский. Крестьянское хозяйство и положение крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII вв. Минск, 1965. Кандидатская диссертация.

Глава I

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И XVIII в.

1. Общее экономическое состояние Белоруссии. Эволюция магнатского поместья

Вторая половина XVII — первая половина XVIII в. представляют собой период экономического и политического упадка Речи Посполитой, в состав которой входила тогда Белоруссия. Основной чертой развития аграрных отношений и государственного строя Речи Посполитой на этом этапе было дальнейшее расширение магнатского землевладения и усиление политического могущества магнатов [1]. В Белоруссии оба эти процесса проявлялись особенно ярко. В то время, когда многочисленная мелкая шляхта совсем не имела крепостных либо обладала одним-двумя крестьянскими дворами, крупнейшие земельные магнаты (Радзивиллы, Сапеги, Вишневецкие, Пацы, Глебовичи, Чарторысские, Огинские, Поцеи и др.) владели огромными вотчинами, насчитывавшими тысячи крепостных.

Магнаты содержали свои собственные вооруженные силы. С их помощью они подавляли сопротивление крестьян, а также вели между собой борьбу за влияние в государстве. Немалую роль в усилении власти магнатов играли их судебные полномочия, распространявшиеся на все население латифундии [2].

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. государственная казна и армия Великого княжества Литовского находились попеременно в руках представителей все той же маленькой группы олигархов, которые

---

[1] Под термином «магнаты» подразумеваются здесь все члены знатных родов, представители которых в ту эпоху занимали высшие должности в Великом княжестве Литовском. J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski (do r. 1864), s. 201.

[2] J. Jaroszewicz. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII, część II. Wilno, 1844, s. 164; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 83, лл. 1—123.

расшатывали центральный аппарат. Они парализовали деятельность сейма Речи Посполитой, срывая сессии через подставных лиц. Основную социальную опору магнатов составляла беднейшая шляхта, которая зависела от них экономически. Из безземельной и малоземельной шляхты состояли контингенты военных и гражданских слуг магнатов. Чиншевая шляхта проживала на магнатских землях. Значительное количество шляхтичей арендовало у магнатов отдельные фольварки. Все эти группы поддерживали политическое и военное могущество магнатов.

Магнаты соперничали между собой, стремясь вырвать друг у друга высшие государственные должности и доходные староства. В 1700 г. в Белоруссии разразилась междоусобная война. С одной стороны выступили наиболее могущественные в то время магнаты — Сапеги, а с другой — конфедерация шляхты, возглавлявшаяся Вишневецкими, Огинским, Поцеем.

Военные действия, которые магнаты вели друг против друга, наезды на имения, совершавшиеся ими под предлогом исполнения судебных решений, постой войск приносили народу неслыханные бедствия. Они сопровождались ограблением крестьян, жителей городов и местечек, убийствами и насилиями. Особенно ярко проявлялась феодальная анархия в военные годы, а также в периоды междуцарствий. В мирное время наезды на имения случались реже, преобладали судебные тяжбы, что меньше сказывалось на развитии сельского хозяйства.

Как ни велики были внутренние неурядицы в Великом княжестве Литовском, они не могли причинить населению столько бед, сколько приносили с собой долголетние войны. С середины XVII в. и до 20-х годов XVIII столетия Речь Посполитая, а с ней и Белоруссия дважды становилась ареной опустошительных войн. Первой полосе войн положила начало Освободительная война украинского и белорусского народов против феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета (1648—1653 гг.). Крестьяне и мещане Белоруссии, особенно в южных и восточных районах, с оружием в руках выступили против угнетателей. Непосредственное участие населения в военных действиях было сопряжено с немалыми людскими жертвами. Народное восстание было подавлено феодалами, которые массами истребляли жителей не-

покорных городов и деревень. Многие крестьяне оставляли насиженные места и уходили из Белоруссии в пределы Русского государства.

С 1654 по 1667 г. Речь Посполитая вела две войны: с Русским государством и со Швецией. Белоруссия служила театром военных действий, ее территория переходила из рук в руки. Большинство городов и местечек было разорено, некоторые полностью сожжены. Население страдало не только от военных действий, но и от постоянных реквизиций и грабежей. В реестрах понесенного крестьянами ущерба фигурируют скот, зерно, все виды продуктов, одежда и деньги. Зачастую мародеры бессмысленно уничтожали все, чего не могли взять с собой, в том числе домашнюю утварь, сельскохозяйственные орудия, сжигали дома и хозяйственные постройки.

В постановлении сейма 1661 г. говорится, что Ошмянский повет «вконец разрушен неприятелем», Браславский — «до основания разрушен вражеской армией», Гродненский — «в результате военных действий обращен в руины и преобладающая часть его сожжена», Слонимский — «почти дотла сожжен и разграблен неприятелем, а также разорен постоянными переходами войск...» и т. д.[1] Не только иностранные армии, но и войска Речи Посполитой в военное время бесцеремонно грабили и разоряли белорусскую деревню. Не помогали грозные решения сеймов против самовольных поборов и грабежей, принимавшиеся каждые несколько лет (1655, 1658, 1659, 1678 гг.) [2].

Потеря рабочего скота и сельскохозяйственных орудий, резкое уменьшение числа рабочих рук вызвали сокращение посевов, ухудшение качества обработки почвы и снижение урожайности. В таких условиях периодические недороды приводили к катастрофическим голодовкам. Современник этих событий Цедровский писал в мемуарах, что в 1656 г. на Минщине был страшный голод, продолжавшийся до осени 1657 г. На почве голода и скитаний обездоленного населения разразилась эпидемия, свирепствовавшая с 1653 по 1658 г. и повторившаяся в 1664 г.[3]

[1] Сб. «Белоруссия в эпоху феодализма», т. II. Минск, 1960, стр. 181—185.

[2] «Volumina Legum», t. V. Petersburg, 1860, s. 303.

[3] A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, s. 66—68, 75.

Заключение Андрусовского (Андросовского) перемирия в 1667 г. положило конец войне на территории Белоруссии. Последовало более 30 лет относительно мирного развития. Бежавшие крестьяне возвращались в деревни, выросло зерновое производство, отстраивались города.

Дальнейшее развитие сельского хозяйства было прервано потрясениями, связанными с участием Речи Посполитой в начале XVIII в. в Северной войне. На территории Белоруссии сражались армии Карла XII и Петра I, саксонские полки Августа II, войска Речи Посполитой, вооруженные силы магнатов и ополчения шляхетских конфедераций. Воюющие стороны взимали с крестьян непосильные контрибуции.

Военное разорение усугубило последствия засухи, постигшей сельское хозяйство. С 1708 по 1711 г. (а местами и до 1717 г.) в Литве и Белоруссии снова свирепствовала жестокая эпидемия. Тысячи людей умирали в домах и на улицах.

События 50—60-х годов XVII в., а затем периода Северной войны подорвали производительные силы сельского хозяйства Белоруссии. Однако масштабы разорения в разных местах были далеко не одинаковыми. Наибольший урон понесли районы непосредственных военных действий и территории, на которые распространялась эпидемия. Иногда высокое общественное положение магнатов, их связи с иностранными дворами предохраняли магнатские вотчины от разорения [1].

После окончания Северной войны и до 90-х годов XVIII в. Речь Посполитая в войнах не участвовала. Полное господство олигархии, беспомощность центрального аппарата характеризуют следующее пятидесятилетие как период глубокого политического упадка Речи Посполитой. Вместе с тем длительный мир создавал благоприятные условия для восстановления сельского хозяйства. С 1717 по 1760 г. в Великом княжестве Литовском не было эпидемий [2].

---

[1] W. Kula. Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963, s. 651.

[2] См. В. П. Грицкевич. Социальное значение голода и эпидемий в Белоруссии и Литве в XI—XVIII вв. «Тезисы докладов и сообщений седьмой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1964, стр. 68.

Несмотря на значительную убыль населения в городах и селах, во второй половине XVII — первой половине XVIII в. сохранялись условия для существования внутреннего рынка. Экспорт сельскохозяйственных продуктов в Западную Европу по сравнению с первой половиной XVII в. сократился. Тем не менее вывоз из Белоруссии зерна, льна, пеньки, льняного и конопляного семени, лесотоваров через порты Крулевец, Ригу, Гданьск продолжался. Положительное влияние на экономику Белоруссии оказывали развивающиеся русско-белорусские торговые связи.

Таким образом, на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. сельское хозяйство Белоруссии дважды подвергалось разорению и дважды восстанавливалось. При этом необходимо иметь в виду, что крепостничество и феодальная эксплуатация, господствовавшие во всех землях Речи Посполитой, а также внутренние неурядицы тормозили возрождение села [1].

Характеризуя Речь Посполитую в XVIII в., Ф. Энгельс писал: «Эта основанная на грабеже и угнетении крестьян дворянская республика находилась в состоянии полного расстройства» [2].

Неодинаково проходило восстановление сельского хозяйства в королевских и магнатских земельных владениях и в разных местах Белоруссии. В королевских экономиях казна отказалась от собственной запашки. Фольварочная земля была роздана крестьянам, с которых взималась денежная и натуральная рента. Освобожденные от барщины крестьяне сумели поднять экономику села. Опираясь на окрепшую деревню, королевская казна в середине XVIII в. вновь принялась расширять фольварочное хозяйство. Подобную эволюцию прошли также многие староства и некоторые частные поместья [3].

По иному пути пошли магнаты в западных и центральных вотчинах. В большинстве своих владений они сохранили фольварки на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. (табл. 2). Это объя-

[1] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 129.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 18.

[3] S. Kościałkowski. Ze studiów nad dziejami ekonomii królewskich na Litwie, s. 39—44, 50—55; Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 144—147, 151, 153.

снялось тем, что магнатские вотчины здесь меньше пострадали от войн, чем другие феодальные владения. Правда, и они понесли значительный урон. В некоторых владениях количество фольварков в годы разорения сократилось, посевы уменьшились (Давид-Городок, Островчицы). Однако иногда наблюдалось и обратное явление, когда в тяжелые послевоенные годы господские посевы в ряде магнатских вотчин возрастали (Тимковичи, Сопотвин). В этих случаях рост посевов был вызван попыткой господского двора освоить огромные пустоши, образовавшиеся в результате разорения деревни и сокращения крестьянских посевов. Таким образом, в магнатских вотчинах применялись оба пути восстановления сельского хозяйства: как «через деревню», так и «через фольварк».

Для сохранения фольварочной системы и восстановления разрушенного хозяйства магнаты использовали преимущество, которое давала разбросанность принадлежавших им имений по разным районам Великого княжества Литовского. По мере необходимости они переправляли скот, зерно из сохранившихся имений в разоренные и таким образом поддерживали последние[1]. Немалую роль в восстановлении хозяйства играло политическое влияние магнатов, которое давало им возможность компенсировать свои потери и добывать денежные средства за счет государства. И все же в условиях послевоенного разорения магнаты не всегда располагали собственными ресурсами в количестве, достаточном для восстановления фольварочного хозяйства, и вынуждены были привлекать денежные средства со стороны. Поэтому начиная с 60—70-х годов XVII в. большое распространение получила аренда поместий.

В 30—40-х годах XVIII в. господское хозяйство в магнатских вотчинах окрепло, фольварки были отстроены, посевы увеличились, особенно на западе и в центре.

Во второй половине XVIII в. произошли значительные изменения внутренних условий экономического развития Белоруссии. Прежде всего к этому времени возросла численность населения. Если в 1717 г. в Белоруссии насчитывалось около полутора миллиона человек, то к 1790 г.

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 257; д. 4986, л. 44; д. 5434, л. 21.

население увеличилось до 3,6 млн.[1] Рост численности населения должен был положительно сказаться на развитии товарно-денежных отношений и внутреннего рынка. В конце XVIII в. в городах и местечках проживало около 10% общего числа населения (350 тыс.). Основная масса горожан приобретала продукты питания и сырье для ремесленного производства на внутреннем рынке.

Значительно оживилась во второй половине XVIII в. ремесленная и торговая деятельность городского населения. В городах стали возникать мануфактуры, основанные на эксплуатации труда наемных работников. Росли помещичьи промышленные предприятия в местечках и селах, на которых также частично применялся наем[2]. Все это увеличивало спрос на сельскохозяйственные продукты и стимулировало рост их производства.

Существенно улучшилась экспортная конъюнктура. Об этом свидетельствует рост цен на рожь в Гданьске. В 1731—1740 гг. средняя экспортная цена лашта ржи составляла 122 злотых, в 1741—1750 гг.—133 злотых, в 1761—1770 гг.—195 злотых, а в 1771—1780 гг. цена выросла до 237 злотых[3]. В Западной Европе существенно увеличился спрос на строевой и мачтовый лес, лен и пеньку из Белоруссии.

Во второй половине XVIII в. заметно изменилась внутриполитическая обстановка в Речи Посполитой. К этому времени у крупных землевладельцев, развивавших предпринимательскую деятельность и пытавшихся рационализировать сельское хозяйство в своих имениях, возросла заинтересованность в дальнейшем развитии рыночных отношений. Поэтому они стремились к определенному ограничению феодальной анархии. С ростом и все большей товаризацией фольварочного хозяйства усиливается внимание и широких слоев средней шляхты к улучшению этого хозяйства и общих условий развития экономики в стране. Возросло стремление средней шляхты обуздать своеволие магнатов.

[1] Подсчитано А. М. Карпачевым и П. Г. Козловским.

[2] См. А. М. Карпачев. Города. Мануфактуры с принудительным трудом. История БССР, т. 1, стр. 205—215; А. П. Игнатенко. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв., стр. 14, 20, 26, 83.

[3] Расчеты сделаны на основании таблиц Т. Чацкого. T. Czacki. O litewskich i polskich prawach. Kraków, 1861, s. 269—270.

Во второй половине XVIII в. в Польшу, Литву и Белоруссию проникли новые экономические учения. Публицистическая литература, получившая широкое распространение в Речи Посполитой, отражала взгляды физиократов и других экономических школ этого периода. Давая критическую оценку общего состояния страны, прогрессивные публицисты требовали проведения социальных и экономических реформ, изменения положения крестьянства и горожан, создания условий для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Под воздействием всех этих факторов упорядочивается работа государственного аппарата. Судебные органы на местах, находившиеся в руках средней шляхты, стали действовать более решительно. В 60—70-е годы были проведены административные реформы, усилившие центральный аппарат государственной власти, был наведен некоторый порядок в работе сеймов, созданы коллегиальные административные органы по отдельным отраслям управления. В помощь судебным органам при исполнении решений суда стали привлекаться воинские команды. Это устраняло предлог для наездов. В улучшении условий хозяйственной деятельности Речи Посполитой важное значение имело учреждение государственных скарбовых комиссий. Скарбовая комиссия, созданная в Великом княжестве Литовском, сосредоточила в своих руках управление финансами, судебные функции по финансовым делам, надзор за торговлей, путями сообщения.

Начиная с середины 60-х годов XVIII в. правительство и сеймы стали уделять больше внимания вопросам развития промышленности и торговли. В Белоруссии были проложены два тракта через полесские болота: пинско-слонимский и пинско-волынский. Строительство проводилось за счет средств казны и владельцев окрестных поместий, заинтересованных в облегчении перевозок сельскохозяйственной продукции. Под руководством Скарбовой комиссии были проведены большие мероприятия по очистке и регулировке рек (в том числе производилась очистка Немана, одной из важнейших сплавных артерий Белоруссии), сооружению речных портов, строительству дорог и мостов. В 1765 г. началось, а в 1784 г. в основном закончилось сооружение канала, соединявшего Неман через реки Щару, Ясельду, Припять с Днепром (ка-

нал Огинского). В 1781—1784 гг. Литовская Скарбовая комиссия начала строительство второго («Королевского») канала из Припяти в Западный Буг. В 1764 г. были приняты меры по улучшению работы почты, перевозившей как письма, так и пассажиров. Дорожное и водное строительство в Белоруссии способствовало дальнейшему усилению внутренних и внешних торговых связей.

Аналогичное значение имело введение в Белоруссии единых мер. Постановлением сейма в 1766 г. вместо множества местных мер, затруднявших торговые расчеты, для всего Великого княжества Литовского были установлены единые меры веса, объема, длины. Воеводам и старостам предписывалось обеспечить «проведение в жизнь этого необходимого для края порядка». Во второй половине XVIII в. в Речи Посполитой устанавливается единая пошлина (впервые в 1764 г., а окончательно в 1775 г.), обязательная для всех, в том числе и для освобождавшихся ранее от пошлины шляхты и духовенства. Внутренние пошлины, взимавшиеся землевладельцами незаконно, отменялись [1].

Некоторые изменения были внесены в организацию кредита. Для ограничения ростовщичества сейм в 1775 г. установил на территории Великого княжества Литовского долговой процент в пределах 6% в пользу духовных и до 7% в пользу светских заимодателей [2].

Все эти мероприятия содействовали экономическому развитию Белоруссии. Однако они не устраняли, а только ослабляли тормозящее влияние на это развитие таких черт общественного строя Речи Посполитой, как политическое господство магнатов и необычайно широкие привилегии шляхты.

Значительно дальше в переустройстве общественно-политических порядков в стране пошел Четырехлетний сейм (1788—1792 гг.). Его решения предусматривали укрепление верховной власти (конституция 3 мая 1791 г.). Они улучшили правовое положение городов и расширили сословные права мещан. Сейм принял и ряд других прогрессивных постановлений. Однако все эти постановле-

[1] Сб. «Белоруссия в эпоху феодализма», т. II, стр. 354—356; J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski (do 1864 r.), s. 252—269.

[2] Сб. «Белоруссия в эпоху феодализма», т. II, стр. 204.

ния лишь частично были проведены в жизнь[1]. Их реализации препятствовали реакционные устремления значительной части магнатов и шляхты и внешнеполитические события.

Международная обстановка во второй половине XVIII в. складывалась для Речи Посполитой весьма неблагоприятно. Несмотря на некоторый экономический прогресс, это государство отставало от своих соседей, развивавшихся быстрее. К тому же социальные и политические противоречия внутри страны дважды принимали форму вооруженной борьбы, в которую вмешивались войска иностранных держав («колиивщина», Барская конфедерация). В 1792 г. Речь Посполитая потерпела поражение в войне против Российской империи. В 1794 г. вспыхнуло национальное восстание под руководством Тадеуша Костюшко, также окончившееся поражением. Отдельные районы Белоруссии в ходе этих войн и восстаний становились ареной военных действий. Население несло значительные расходы на содержание проходивших и находившихся на длительном постое армий.

В 1772 г. Речь Посполитая потеряла третью часть своей территории, которая была присоединена к соседним державам, а в 1793—1795 гг. в результате раздела страны между Австрией, Пруссией и Россией она прекратила свое существование. Вместе с тем эти события привели к воссоединению Белоруссии с Россией, что оказало благотворное влияние на дальнейшее развитие белорусского народа.

Во второй половине XVIII в. в связи с общим улучшением экономики быстро увеличивалось количество фольварков в магнатских вотчинах. На пустошах, на землях, отнятых у крестьян, на расчищенных от леса площадях магнаты строили новые фольварки, перераспределяли между ними тяглые деревни, увеличивали площадь запашки. Источники сообщают о строительстве новых фольварков в Деречинском графстве (Слонимский повет, 1788 г.), Клецком княжестве (имение «Моствиловичи», фольварк «Новоселки», 1790 г.), Тимковичском графстве (1778 г.), Друйском графстве (1793 г.), Росском графст-

[1] Характеристика внутренних условий развития Белоруссии во второй половине XVIII в. разработана совместно с А. М. Карпачевым.

ве (Волковысский повет) [1]. Рост господской запашки отражен в табл. 2.

Изменился в фольварках и характер хозяйства. Место экстенсивного хозяйства с односторонним зерновым направлением заняло многоотраслевое хозяйство, в котором значительную роль стали играть животноводство и огородничество. Бурно развивалось вотчинное предпринимательство магнатов, а фольварочное производство было нацелено на сбыт или промышленную переработку сельскохозяйственной продукции. Во владении Поставы, принадлежавшем А. Тизенгаузу, в 1783 г. действовало 50 предприятий, в том числе 2 мануфактуры, 9 кирпично-черепичных и известковых заводов, 10 винокуренных и пивоваренных. У Радзивиллов в конце XVIII в. было 32 предприятия в Лахве (1794 г.), 31 в Смядыне (1781 г.). Все эти изменения касались в первую очередь западных и центральных районов Белоруссии. В восточных районах в некоторых вотчинах также появилась тенденция к расширению фольварочного хозяйства (см. табл. 2). Однако в целом удельный вес господской пашни на востоке был невелик [2].

Таким образом, рост фольварочного хозяйства на западе и в центре можно считать главным направлением развития магнатских вотчин этих районов во второй половине XVIII в. Вместе с тем по всей территории Белоруссии наблюдались и такие случаи, когда магнаты ликвидировали фольварки и раздавали землю крестьянам при условии уплаты денежного чинша. Окончательно были упразднены немногочисленные фольварки Шкловского графства (Оршанский повет), Туровского графства Яна Соллогуба (Пинский повет), в имениях Сапег «Обчуга» и «Добосна» (Оршанский и Речицкий поветы). В Друйском графстве (Браславский повет) в 1793 г. построили новый фольварк «Александрия» и одновременно наметили

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4665, л. 20; д. 8437, лл. 2—8; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 351, л. 3; РОБВУ, А-1275, л. 42; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I. Wrocław, 1958, s. 408.

[2] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 257, 271; A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, s. 81, 123; В. И. Мелешко. Из истории аграрных отношений в Восточной Белоруссии в период упадка Речи Посполитой (с середины XVII в.—до 1772 г.). «Acta Baltico-Slavica», t. V, s. 46—47.

упразднение фольварка «Идолта», поскольку в последнем почвы были «не наилучшие и постройки в плохом состоянии, а возведение новых потребовало бы значительных затрат». В Деречинском графстве (Слонимский повет) в 1795 г. планировалось укрупнение фольварков, цель которого — лучшая организация полевых работ и сокращение расходов по управлению[1]. Подобные явления наблюдались и в других владениях.

Как видим, фольварочное хозяйство и система эксплуатации крестьян без фольварков в магнатских вотчинах не были отделены непроницаемой стеной. В зависимости от того, что им представлялось выгоднее в конкретных условиях, магнаты в тех же вотчинах создавали или упраздняли фольварки.

2. Численность и социальный состав сельского населения магнатских вотчин

Процессы разорения и восстановления крестьянского хозяйства нашли свое отражение в динамике численности сельского населения. По расчетам Ю. Можи, демографические потери Литвы и Белоруссии в 1648—1667 гг. составили 50%, а за период Северной войны — около 30% населения[2]. Для получения сопоставимых данных о численности сельского населения магнатских вотчин в XVII—XVIII вв. необходимо обратиться к такой единице учета, как крестьянский двор («дым»), поскольку подушная перепись стала практиковаться лишь к концу XVIII в.

Имеются два понятия дымов или, вернее, два вида их учета: для фискальных целей (обложение государственным налогом, так называемым «подымным») и для нужд феодала. Фискальный учет не всегда правильно отражал действительное наличие крестьянских дворов. Что же касается учета, производившегося в инвентарях феодалами, то не приходится сомневаться в его точности и достоверности. Крепостные составляли основное бо-

[1] ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1305, оп. 1, д. 96, л. 467; РОБВУ, А-1275, лл. 32, 42, 55, 61; А-1410, л. 5; I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 258—259.

[2] J. Morzy. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII wieku, s. 216.

гатство магнатов, поэтому они регистрировали своих подданных самым тщательным образом. Этот инвентарный учет использован в дальнейших исследованиях. Во второй половине XVII и в XVIII в. дым составлял, как правило, одно крестьянское хозяйство. Нами термины «дым» и «крестьянский двор» употребляются как равнозначные.

Чтобы от хозяйственной единицы — двора перейти к численности населения, необходимо предварительно определить количество душ, в среднем приходившееся на один дым, а затем применить эту цифру как множитель. Расчеты такого рода по Белоруссии не производились. В литературе имеются подсчеты средней населенности дыма в Великом княжестве Литовском. При этом различные авторы называют самые разнообразные цифры: от 4—5 душ (М. В. Довнар-Запольский, С. Косцялковский) до 6—6,5 (Т. Корзон, Г. Ловмяньский), от 5 до 8 душ (В. Конце, Ю. Можи) [1].

Названные цифры получены авторами при изучении сравнительно небольшого материала. Поэтому использовать эти показатели было невозможно. Нами производилось исследование средней численности населения дыма по материалам только белорусских феодальных владений. Были использованы инвентари 58 владений конца XVIII в., содержащие сведения как о числе дымов, так и о количестве душ крестьян. Поскольку женщины в них учитывались неполно, для получения общей численности населения было подсчитано количество лиц мужского пола и умножено на два. Критерием полноты отбираемых инвентарей являлось наличие в них сведений о детях в возрасте одного года. Результаты подсчета показали, что в 60 объектах (744 деревни) было 9697 дымов и 65 424 жителя. Таким образом, средняя населенность дыма составляла бы 6,7 человек. Эту цифру надо увеличить, так как дети, хотя и учитывались в изученных инвентарях, но неполно. Поэтому средний показатель следует принять

[1] См. М. В. Доўнар-Запольскі. Сацыяльна-эканамічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы, стар. 23; T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. I. Kraków—Warszawa, 1897, s. 67—68; S. Kościałkowski. Ze studiów nad dziejami ekonomii królewskich na Litwie, s. 33; H. Łowmiański. Popisy wojska Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w. jako źródło do dziejów zaludnienia. Mediaevalia. W 50-ą rocznicę pracy naukowej Jana Dąbrowskiego, s. 433; W. Conze. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weissrussland, I Teil, s. 200.

в размере 7 человек на дым[1]. Таким он был в конце XVIII в. и, видимо, в другие периоды мирного развития белорусских земель на протяжении XVII—XVIII вв. Но в годы войн и разорения (60—70-е годы XVII в. и первая четверть XVIII в.) численный состав населения дыма, несомненно, уменьшался. Для этих лет более правильным было бы принять множитель 6,5[2].

Теперь, применяя найденные коэффициенты к данным о численности дымов в магнатских вотчинах, мы получим сведения о динамике населения в этих объектах (табл. 3). Как видно из таблицы, во всех владениях, по которым имеются соответствующие сопоставимые данные, численность населения к 70-м годам XVII в. резко сократилась по сравнению с первой половиной XVII в., иной раз наполовину (Клецк, Моствиловичи, Давид-Городок, Сморгонь). Последняя треть XVII в. повсеместно дала прирост населения. Новые потери обнаруживаются в первые десятилетия XVIII в. (Греск, Давид-Городок, Деречин, Сморгонь, Глуск), после чего вновь повсюду наблюдается заметный рост.

К сожалению, не по всем владениям имеются сведения за все интересующие нас переломные годы. Тем не менее общая тенденция прослеживается совершенно отчетливо: крестьянское население магнатских вотчин дважды сокращалось в периоды войн середины XVII и начала XVIII в. и возрастало после их окончания.

Рост численности населения вотчин ускорился во второй половине XVIII в.: из 20 объектов, по которым имеются соответствующие данные, в 19 оно значительно возросло. В отдельных владениях на протяжении XVIII в. было отмечено увеличение в полтора раза и более (Тим-

[1] Использованы инвентари следующих владений: Дубровно, Островно, Черея, Друя, Должаны, Поставы, Малынка, Деречин, Чернавчицы, Лахва, Радзивилмонты, Моствиловичи, Малево, Озерное, Бровчин, Городня, Путилово, Менница, Рутки, Голенищево, Николаево, Каменец, Вядца, Русиново, Кеймино, Котлово, Ревятичи, Головачи, Залечаны, Олексичи, Вилейка, Островок, Яблоновщина, Карабановщина, Дзергели, Мархачевщина, Турки, Куцки, Якунское Дудское, Бочечники, Четырки, Заньковщина, Домброво и Кошаны, Станиславово, Светляны, Вороново, Лососин, Ледцы, Новики, Шульцово, Высокое, Песчанка, Щеглицы, Дубоя, Скипоровщина, Ходилонь, Бридишки, Струково и Шоломея (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА; РОБВУ; АВАК; ИЮМ).

[2] Уменьшение коэффициента на 0,5 для периода разорения производит Ю. Можи. J. Morzy. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII wieku, s. 129—132.

ковичи, Зельва, Сария Друйская, Дубровно). Если суммировать данные по населению рассматриваемых 20 вотчин, окажется, что общая его численность на протяжении XVIII в. возросла с 32 057 до 48 328 человек, т. е. на 50%.

Для сравнения с первой половиной XVII в. мы располагаем небольшим числом объектов. Однако характерно, что лишь в одном из них (Мостиловичи) численность населения во второй половине XVIII в. оказалась меньшей, а в Давид-Городке после восстановления достигла прежнего уровня.

Во всех же остальных объектах (Греск, Клецк, Лахва, Деречин, Сморгонь) населенность первой половины XVII в. была значительно превзойдена.

Рассматривая динамику численности населения по данным табл. 3, необходимо учесть, что в эту таблицу для достижения строгой сопоставимости включены данные за различные годы по одним и тем же деревням. Поэтому они отражают только увеличение числа жителей в пределах деревни. Но рост населения этим не исчерпывался.

Очень часто создавались новые выселки и деревни на расчищенных из-под леса пахотных массивах. Особенно заметно выступает это явление во второй половине XVIII в. Поэтому показатели роста населения, полученные по нашим расчетам, являются минимальными. Если же учесть процесс освоения новых земель и возникновение новых поселений, станет очевидным, что к концу XVIII в. в магнатских вотчинах Белоруссии крестьян было намного больше, чем в первой половине XVII в.

Значительный рост крестьянского населения в этот период был замечен современниками. В одном из судебных документов (1780 г.) представители магната Пшездецкого пояснили, что население владения Вязынь, принадлежавшего Радзивиллам, за последние 15 лет существенно «увеличилось в результате рождений». У крестьян часто бывало по нескольку сыновей, которым приходилось отводить новые наделы в пущах [1]. Весьма любопытно, что аналогичное увеличение крестьянства в тот же период наблюдалось в России. С 1742 по 1796 г. количество крепостных по подсчетам В. И. Семевского возросло на 62% [2].

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5858, л. 299.

[2] См. С. Г. Струмилин. Статистика и экономика. М., 1963, стр. 124.

Численный рост крестьянства стимулировал развитие крестьянского хозяйства, освоение новых площадей, способствовал распространению найма, отходничества. В целом он отражал развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

Большой и совершенно неисследованный вопрос — состав крестьянских семей по полу и возрасту. Этот вопрос имеет немалое значение для понимания условий сельскохозяйственного производства и быта крестьян, поскольку раскрывает удельный вес работоспособных в крестьянском дворе. Однако исследовать половозрастной состав крестьянских семей затруднительно из-за неполноты записей в источниках. Данные о «сыновьях», которые часто приводятся в инвентарях XVII — первой половины XVIII в., трудно использовать в сравнительном плане. Ведь нет никаких гарантий, что разные авторы документов исходили из одной и той же возрастной границы при включении крестьянских сыновей в список. К тому же в инвентарях второй половины XVIII в., в которых перечислен состав семьи крестьян, возраст указывается далеко не у всех членов семьи.

Тем не менее нам удалось обнаружить некоторые документы с полным учетом населения по полу и возрасту. Так, по данным люстрации за 1789 г., в имении «Уречье» крестьянское население 5 деревень и 5 застенков распределялось следующим образом [1].

А. Распределение по возрастным группам

	количество душ		% к общему числу	
от 1 года до 16 лет	—546		41	
от 16 лет до 30 —»—	—399	682	30	51
от 30 лет до 45 —»—	—168		12	
от 45 лет до 60 —»—	—115		9	
свыше 60 лет	—103		8	
	1331		100	

Б. Распределение по полу

	количество	%
мужчин	688	51
женщин	643	49
	1331	100

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1776, лл. 17—18.

Эти цифры требуют дополнения группой детей в возрасте до 1 года. Однако в целом они не вызывают сомнений и подтверждаются геронтологией. По сообщению Бине и Бурльера, во Франции в 1778 г. возрастная группа от 0 до 19 лет составляла 42,6% всего населения, а по нашему источнику группа от 1 года до 16 лет — 40,1% [1].

Данные нашего расчета говорят о том, что работоспособная по возрасту группа крестьян Уречской волости (с 16 до 60 лет) составляла 51% всего населения. Стало быть, крестьянская семья обладала значительной рабочей силой. Это обстоятельство, несомненно, учитывалось феодалами при определении размеров отработочных повинностей. Характерно, что именно в Уречье в 1763 г. Радзивиллы перевели крестьян с денежной ренты на отработочную, а барщину исчисляли не с площади надела, а с крестьянского двора [2].

Что касается соотношения мужчин и женщин, то оказывается, что их количество было приблизительно равным. Небольшое отклонение обусловлено, видимо, менее точной переписью женщин.

Основную часть сельского населения магнатских вотчин составляли крепостные крестьяне. Проживавшие в волости представители других сословных групп: шляхта-арендаторы, духовенство, корчмари (преимущественно евреи), военно-служилые люди, которые пользовались правами шляхетства, по своей численности значительно уступали крестьянам. Правовое положение крестьян определялось крепостным правом.

Известно, что крепостное право в Белоруссии окончательно утвердилось еще в XVI в. Его основные черты соответствовали той характеристике, которую дают крепостничеству классики марксизма. «Итак, — говорит К. Маркс,— необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней; крепостная зависимость (Hörigkeit) в настоящем смысле этого слова» [3]. Не подлежит сомнению, что на положении крепостных находилась основная масса крестьян. С начала XVII в. в источниках исчезает деление крестьян на

[1] См. П. Бине и Ф. Бурльер. Основы геронтологии. М., 1960, стр. 92.
[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9014, л. 160.
[3] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1951, стр. 803—804.

3*

две большие группы: «непохожих» и «похожих», из которых последние были свободными людьми. Крестьяне магнатских волостей в своей массе одинаково именуются «подданными» феодала. Вместе с тем мы находим в этих волостях группу крестьян «захожих», пользовавшихся свободой перехода.

В этот период захожие могли пополняться преимущественно за счет беглых крестьян и притока переселенцев из-за границы. До сих пор в исторической литературе отмечалось наличие захожих, главным образом в период восстановления сельского хозяйства во второй половине XVII— первой половине XVIII в.[1] Нами обнаружено в магнатских владениях некоторое количество захожих и во второй половине XVIII в.

Так, в 1753 г. на севере Белоруссии, в Сарьянском имении, проданном Сапегой Лопатинскому, из 284 крестьянских дворов 44 были дворами захожих крестьян. Проживали они в 1760 г. и в принадлежавшем Сапегам Заславле, расположенном в Минском воеводстве, в радзивилловской Лошице и Курасовщине (1785 г.). В Несвижском княжестве (Новогрудское воеводство), в д. Белики в 1793 г. проживало двое захожих — Стефан и Василий Лагоши, о которых сказано, что они «вольные люди, поскольку захожие»[2].

Наряду с захожими, оседавшими на крестьянских наделах в качестве новоселов, в магнатской деревне XVII—XVIII вв. жили многочисленные пришлые люди, не имевшие постоянной оседлости. Это были так называемые «бродячие» («лезные» или «люзные») люди, преимущественно беглые крестьяне, но иногда и выходцы из мещан и шляхты, которые занимались каким-либо ремеслом или нанимались на работу. Часто меняя место жительства, они сохраняли личную свободу[3].

Таким образом, наряду с основной массой крепостных крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII в. имелась небольшая группа

[1] A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, s. 73—77.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2255, лл. 6—7; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1305, оп. 1, д. 97, лл. 351—354; ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 14, д. 178, лл. 1—11; РОБВУ, А—1586, л. 26.

[3] См. Д. Л. Похилевич. Плебейский люд (лезные) в деревне Речи Посполитой. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 161—171.

людей, которые обладали личной свободой. После воссоединения Белоруссии с Россией захожие и люзные вместе с другими различного происхождения лицами, не причисленными к крепостным, были выделены в особую категорию так называемых «вольных людей» [1].

Характерной чертой феодального способа производства наряду с собственностью феодала на землю является единоличная собственность крестьян на орудия производства, на их частное хозяйство. Как указывал В. И. Ленин, в условиях феодализма «необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землей в частности» [2].

Известно, что крестьяне Белоруссии в эпоху феодализма обладали земельным наделом и орудиями производства, хотя владельцем всей земли в вотчине, включая и крестьянскую, считался феодал. Более того, и сам крестьянин являлся собственностью землевладельца.

При этом крестьянский надел беспрепятственно передавался по наследству. Крестьяне продавали скот и продукты, произведенные ими в своем хозяйстве. В случае необходимости магнаты сами закупали у своих крепостных зерно, скот и другие продукты. Часто такие закупки производились на рынке по складывавшимся там ценам. В 1793 г. администрация графства Тимковичи купила у крепостного из д. Деречино постройку, заплатив за нее 1 бочку ржи [3].

Однако с XVI в. по мере развития фольварочного хозяйства магнаты все более и более ограничивали возможность крестьян распоряжаться своим имуществом. Стремясь к сохранению среднего крестьянского хозяйства, способного выполнять отработочные повинности, они устанавливали тяжкие наказания за самовольную передачу крестьянами земли и продажу рабочего скота. С целью увеличения доходов магнаты расширяли свои торговые монополии [4].

---

[1] См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 73.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4992, лл. 1—8; д. 8450, л. 15.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 86; д. 3606, л. 30; д. 4360, л. 4; д. 4653, л. 42; д. 5920, л. 19; д. 5924, л. 3; д. 8066, лл. 29, 39; д. 8149, л. 63; оп. 3, д. 4197, лл. 16—17; оп. 7, д. 222, л. 14; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 401, 444.

Стеснение хозяйственной инициативы крестьян особенно резко стало проявляться во второй половине XVIII в. Оно тормозило прогрессивное развитие экономики села, противодействовало стихийно нараставшей имущественной дифференциации.

Крестьянство магнатских вотчин в XVII — XVIII вв., составляя в основном одно сословие, не было однородным. Как и повсюду в Белоруссии, оно делилось на несколько разрядов:[1] тяглые крестьяне, чиншевые или куничные, огородники, а также ряд групп, объединяемых в исторической литературе общим названием «крестьян-слуг». Различия между разрядами крестьян определялись характером выполнявшихся ими феодальных повинностей.

Основной формой эксплуатации тяглых крестьян была барщина, а куничных или чиншевиков — денежный оброк. Огородники, проживавшие на карликовых наделах вблизи господского двора, выполняли, как и тяглые, отработочные повинности, но в меньшем объеме. Крестьяне-слуги несли как основную повинность особую службу господскому двору: воинскую, курьерскую, хозяйственную или административную. В зависимости от характера этой службы среди них выделялись земяне, бояре, лесники, осочники, бортники, должностные лица сельской администрации. К слугам примыкали сельские ремесленники, выполнявшие взамен барщины заказы господского двора.

Возникновение разрядов крестьянства, их отличительные черты широко освещены в исторической литературе. Поскольку в магнатских вотчинах крестьянство делилось на те же разряды, что и в других феодальных владениях, в этой работе нет необходимости подробнее останавливаться на самих понятиях разрядов.

Кроме основных категорий крестьянства (тяглые, чиншевые, огородники, «слуги»), в белорусской деревне XVII—XVIII вв. имелась еще сравнительно небольшая группа неимущих, безземельных крестьян, которая в восточных и северных районах именовалась, как и в России, «бобылями», а в центральных и западных районах — «коморниками», «кутниками» и «халупниками». Бобыли

---

[1] Термин «разряды» приведен по В. И. Ленину. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 96.

представляли собой объект, малопригодный для феодальной эксплуатации. Обычно с них взимался небольшой денежный чинш, иногда они выходили на толоку. Поэтому если огородники по форме ренты были наиболее приближены к тяглым, то бобыли скорее примыкали к чиншевым крестьянам. Среди крестьян в магнатских волостях Белоруссии выделялись старообрядцы, переселившиеся из России. Их именовали по-разному: «москали», «филипповцы». Как правило, они прочно оседали на земле, охотнее всего на чистом чинше [1].

Распространение в Белоруссии смешанной формы ренты выдвигает перед исследователем задачу избрать критерий для определения, в каких случаях считать крестьянина тяглым, а в каких — чиншевым. В. Вечорек относит к тяглым крестьянам тех, которые «обязаны были отбывать хотя бы один день в неделю барщины» [2]. Этот критерий принят и нами, с той разницей, что имеется в виду регулярная барщина на протяжении года. Крестьяне, значащиеся в инвентарях тяглыми, но фактически не отбывавшие барщины из-за отсутствия господского хозяйства, отнесены к чиншевым.

Обычно принадлежность крестьян к тому или иному разряду была устойчивой и наследовалась вместе с земельным наделом. Вместе с тем разряды крестьянства не представляли собой каких-либо неизменных, замкнутых групп. В зависимости от степени развития фольварочного хозяйства, а, стало быть, от потребности в рабочих руках, магнаты переводили крестьян из чиншевых в тяглые или из тяглых в чиншевые. Переводились как целые села, так и отдельные крестьяне. В Тимковичском графстве князей Радзивиллов в 1757 г. с барщины на чинш была переведена д. Воробеевичи. Из инвентаря владения Моствиловичи за 1730 г. видно, что залоговому держателю предоставлялось право переводить в тяглые неплатежеспособных чиншевиков, а в инвентаре 1790 г.

---

[1] См. А. О. Турцевич. Предисловие, АВАК, т. XXXV, стр. XXXII; Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства, стар. 133, 138; В. А. Маркина. Магнатское поместье Правобережной Украины второй пол. XVIII в., стр. 31; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, лл. 19, 23; ф. 3258, оп. 1, д. 23, л. 37; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1142, лл. 9—17.

[2] W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w., s. 94.

говорится, что тяглый Семка Дудак, «если не будет работать на барщине, пусть платит чинш 13 злотых 13 грошей». Зажиточный крестьянин Демьян Шиш из д. Секеричи Клецкой ординации в 1779 г. просил перевести его с барщины на чинш.

Не было стабильным и положение слуг в магнатских владениях. В инвентаре графства Глуск за 1727 г. разрешается арендатору, получившему это владение на три года, «тиунов, войтов, стрельцов, рыбаков, полазников и других людей, если они непригодны к услугам, смещать и на их место назначать более подходящих». Такой бывший стрелец, а ныне барщинный крестьянин числится в инвентаре владения Маньковичи за 1776 г.[1]

В определенные периоды переводы крестьян из одного разряда в другой становились массовыми; они отражали эволюцию форм феодальной ренты. Изменения в соотношении различных разрядов крестьян магнатских вотчин на протяжении XVII—XVIII вв. отражены в табл. 11, 12, 13. Из них видно, что более половины крестьян в западных и центральных районах Белоруссии были тяглые. Чиншевики составляли примерно 1/3—1/4 всех крестьян, однако на востоке они преобладали. Не менее 1/10 крестьян принадлежало к высшей прослойке «бояр»и «земян». Остальное количество (4—7%)—прочие крестьяне, освобожденные от барщины и отбывавшие взамен ее со своего надела особые повинности (невоенные слуги: войты, тиуны, лесники и т. п.). В источниках их наделы, а иногда и их самих именуют «вольными». Данный термин сохранен нами как условный, хотя в действительности они были крепостными в отличие от «вольных людей» — некрепостных, о которых говорилось выше.

На протяжении XVII—XVIII вв. изменялось не только численное соотношение, но и социально-экономическое положение отдельных разрядов крестьянства. В связи с эволюцией ренты уменьшилось различие между тяглыми и чиншевыми крестьянами, поскольку и последние принуждались к некоторым отработочным повинностям. Исчезли отдельные села крестьян-огородников. Е. П. Шлоссберг объясняет это дроблением крестьянских наделов и ухудшением положения основной массы кре-

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4533, л. 10; д. 4652, л. 12; д. 4665, лл. 13—14; д. 6066, л. 37; д. 8433, л. 13; д. 9014, лл. 171—172; оп. 7, д. 220, л. 2; РОБВУ, А-1276, лл. 2—3.

стьянства, с чем, однако, нельзя согласиться[1]. Как видно из инвентарей, наделы крестьян в огородничьих селах и обеспеченность их скотом все возрастали, и к середине XVIII в. произошло слияние прежних огородников с основной массой тяглых[2]. Но в конце XVIII в. термином «огородники» стали иногда обозначаться обедневшие крестьяне, практически не отличавшиеся от «халупников». Наибольшие изменения претерпел в XVII—XVIII вв. разряд крестьян-слуг. Эволюция этой части крестьянства во всех видах феодальных владений освещена в трудах Д. Л. Похилевича[3].

Значительный интерес представляет исследование вопроса о социально-экономическом и правовом положении бояр и земян. Удельный вес этой прослойки в составе населения магнатских вотчин был весьма значителен. В некоторых владениях во второй половине XVIII в. она даже составляла большинство населения.

В исторической литературе имеются расхождения в оценке характера и эволюции этих групп, особенно в отношении правового положения земян. О них уже высказывались А. Турцевич, М. В. Довнар-Запольский, К. И. Керножицкий, Ф. И. Забелло, С. Косцялковский, О. Гедеманн, Е. П. Шлоссберг, Д. Л. Похилевич, А. П. Грицкевич, Н. Н. Улащик, П. Г. Козловский[4].

На основании изучения работ этих ученых и исследований автора книги, произведенных по материалам магнатских вотчин, можно сделать вывод, что бояре и земяне из военно-служилых людей к концу XVIII в. превратились в оброчных крестьян, лишь кое-где сохранивших полицейские функции внутри вотчин.

По своему имущественному положению эта группа представляла верхушку крестьянства. Их сословная

[1] См. Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 120.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, дд. 8417, 8418, 8420, 8424, 8426, 8435, 8726.

[3] См. Д. Л. Похилевич. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в. — вторая четверть, стр. 559; Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII вв. Сб. «Средние века», вып. 21, стр. 141—169.

[4] Историография вопроса освещена у А. П. Грицкевича. См. А. П. Грицкевич. Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 242—253.

принадлежность была неоднородной: часть земян принадлежала к шляхте, однако основная их масса, как и бояре, не имела прав шляхетства.

Останавливаясь на социальном положении крестьянства, нельзя не вспомнить о наличии у крестьян своей организации — сельской общины. В жизни крестьянства магнатских вотчин община играла немалую роль. Она распоряжалась некоторыми земельными угодьями, выполняла судебные и административные функции. На протяжении второй половины XVII и XVIII в. эти функции возрастали, но при этом община все более превращалась из органа крестьянского самоуправления в орган господской администрации. Однако в известной мере она сохранила ту роль защитницы интересов крестьянства, которую всегда подчеркивали классики марксизма [1].

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 417—418.

Глава II

РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Землепользование. Крестьянский надел

Во второй половине XVII и в XVIII в. землеустройство белорусской деревни на большей части территории (на западе и в центре — полностью, на востоке — частично) определялось волочной реформой, проведенной в предшествовавший период. Крестьянский полевой надел представлял собой пахоту, площадь которой была равна целой волоке или ее доле. Он был разделен на три части, расположенные в разных полях севооборота. Волока как мера земельной площади составляла 21,36 гектара (19,4 десятины); она делилась на 30 моргов. Пахотные земли находились в индивидуальном пользовании крестьянских дворов. К концу XVII в. в западных и центральных районах исчезло распространенное ранее «сябринное» землепользование, когда на крестьянском наделе или на какой-то его части, кроме основного дворохозяина, вел хозяйство также другой, называемый «сяброй», «потужником»[1]. На востоке «старина» в землепользовании сохранилась дольше, частично и в XVIII в.[2]

Особо следует остановиться на так называемых «пахотных моргах». Это были небольшие участки земли, не входившие в состав основного крестьянского надела. Они

[1] См. Ф. И. Леонтович. К истории административного строя Литовского государства, стр. 57; Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве, стр. 115, 227; В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. 1, стр. 36, 104, 159; Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 12—13; Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в. — вторая половина, стр. 618.

[2] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 260; В. И. Мелешко. Основные черты развития аграрных отношений в восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.», стр. 262.

нарезались на господских или крестьянских пустошах и передавались крестьянам за определенную денежную плату. Очень часто «пахотные морги» представляли собой освоенные крестьянами новые земли, расчищенные из-под леса. В источниках пахотные морги не всегда точно регистрировались. Иногда они не отделялись от «сенокосных моргов», которых было гораздо больше. Обычно на крестьянский двор приходилось от одного до трех пахотных моргов.

Кроме полевого надела, крестьяне пользовались другими угодьями: лугами, пастбищем, лесом, водоемами. Доступ к этим угодьям предоставлялся крестьянам на различных началах. Луга, как и пахота, находились в индивидуальном пользовании крестьянских дворов. Пастбище («выгон») было общим для всей деревни. Леса и водоемы числились за господским двором, но крестьяне пользовались «входом» в эти угодья. «Вход» предполагал право рубить лес на свое строительство, отопление и другие хозяйственные нужды, собирать грибы и ягоды, пасти скот, иногда — охотиться, а в водоемах ловить рыбу. В связи с развитием господского лесного хозяйства и предпринимательства, крестьянские «входы» в магнатских владениях стали ограничиваться.

Так, в Клецком княжестве в 1679 г. крестьянам разрешали въезд в лес только в специально отведенные дни, причем за разрешение взималось по полбочки овса, считая с каждой лошади, имеющейся в хозяйстве. Указания эти повторились и в 1714 г. Во владении Давид-Городок в 1670 г. запрещалось рубить товарный лес. С середины XVIII в. ограничения стали еще строже. Во владении Горки в 1742 г. за порубку товарного дуба грозила виселица, а в инвентарях Деречинского графства за 1758 и 1775 гг. записано: «Никому, ни под каким предлогом без ассигнации господской или комиссарской не выдавать ни одного сучка». Крестьяне Ружанского и Деречинского графств Сапег сообщали, что лесничие не пускают их в пущу, отбирают лошадей и самих их задерживают. У них нет леса на ремонт построек, которые разваливаются, на заборы, на дрова [1].

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 86, 250—251; д. 4481, л. 25; д. 8220, л. 9; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 184, л. 7; д. 387, л. 5; РОБВУ, А-1101, л. 8; А-1792, л. 20; РОБАН, В₃, ед. хр. 164, лл. 15, 67—69.

Для получения правильного представления о площади крестьянской пахоты необходимо установить, не входили ли в состав крестьянского волочного надела, обозначенного в источниках, также другие виды угодий, прежде всего луга. Если обратиться к документам магнатских вотчин XVII—XVIII вв., становится очевидным, что луга фигурируют за пределами крестьянского полевого надела, обозначенного в инвентарях и измерявшегося в волоках или долях волоки. В Свислочском владении Радзивиллов Слуцкого княжества в 1676 г., в Свислочском графстве Сапег Волковысского повета в 1768 г., в разных имениях Клецкого княжества в 1704, 1713, 1773 гг. луга упоминаются (без указания площади) как принадлежность пахотного земельного надела, прикрепленная к нему, но представляющая собой дополнительную земельную площадь. Лучше всего можно убедиться в этом, изучая землеустроительные инвентари второй половины XVIII в. (Ружанского графства за 1762 г. и Тимковичского — за 1778 г.), в которых приводятся результаты обмера отдельных угодий с указанием вида использования [1].

Таким образом, для XVII—XVIII вв. полевой надел, закрепленный за крестьянином по инвентарю, следует считать только пахотой.

Правильность такого вывода подтверждается сопоставлением с исследованиями Н. Н. Улащика. На основании полной поземельной статистики им было установлено, что в 1846—1848 гг. на крестьянский двор приходилось в среднем в Гродненской губернии по 9,2 десятины одной только пашни, а в Виленской — пашни и земли под усадьбой —13,9 десятины [2], что соответствует 0,47 и 0,7 волоки. Эти цифры очень близки к нашим расчетам по западной зоне Белоруссии во второй половине XVIII в. (табл. 5), основанным на инвентарных сведениях о наделах.

Наконец, если бы даже в состав надела оказалась включенной часть каких-либо других угодий, то и в том случае при использовании массового материала надел следует считать только пахотой. Пахотные морги, оставшиеся вне надела, вполне компенсируют эту неточность.

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2085, л. 10; д. 2087, л. 3; д. 6089, лл. 17—18; д. 8208, л. 20; д. 8437, лл. 15—57; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, лл. 26—27; д. 292, л. 12.

[2] См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 313, 316.

Далее рассмотрим изменения в соотношении обрабатываемых и пустующих земель. Этот показатель позволяет наиболее отчетливо проследить эволюцию сельского хозяйства, периоды его упадка, восстановления и дальнейшего развития, о которых уже говорилось выше. Как видно из табл. 4, в периоды, непосредственно следовавшие после войн середины XVII и начала XVIII в., посевные площади в волостях магнатских вотчин резко сокращались. В Цепре, Давид-Городке, Чернавчицах, Сморгони, Островно, Дубровно в эти периоды обрабатывалась только половина всех пахотных земель, а то и менее. Степень запустения в отдельных вотчинах была различной. В то время, когда в Дубровненском графстве в 1672 г. пустовало 73% пахотных площадей, в Тимковичах в 1670 г.— только 4%. Многое зависело от случайностей — передвижения войск, распространения эпидемий и т. п. При этом одни волости больше пострадали в середине XVII в. (Давид-Городок), другие — в период Северной войны (Радзивилмонты).

В результате разорения, массового бегства крестьян резко сокращалась численность хозяйств и наделы оказывались брошенными. Так, в д. Мошуки Клецкого княжества к 1679 г. по этой причине пустовало 12 волок, которые заросли лесом [1]. Кроме того, оставшиеся крестьяне, не имея достаточного количества скота, рабочих рук, вынуждены были временно сокращать площадь своих посевов [2]. В Дубровненском графстве в 1722 г. наряду с брошенными крестьянскими дворами и наделами мы находим крестьян, которые живут на месте, но обрабатывают уменьшенный надел. Например, в д. Чирино Смыковского войтовства из 6 пустующих волок, по нашим подсчетам, более трех волок были оставлены крестьянами, продолжавшими хозяйничать в той же деревне. В д. Ивановичи пустовало две волоки из 11. В д. Быстрыевка более половины всех пустошей составляли пахотные земли, ранее принадлежавшие хозяевам, которые хотя и остались на месте, но уменьшили свои наделы. Такое же явление отмечается и в Чернавчицком графстве.

Однако далеко не всегда оставление крестьянином части надела означало сокращение его посевной площади.

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8220, лл. 16, 17.

[2] A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w w. XVIII, s. 125.

В ряде волостей крестьяне, забрасывая одни земельные участки, использовали другие из числа пустовавших. Во владении Манкевичи на Полесье Гаврило Лучич из д. Белогужа держал в 1663 г. полволоки земли. Часть этого надела он бросил, а вместо нее взял себе 1/4 волоки пустоши, ранее принадлежавшей его соседу Волыничу. В упоминавшемся Смыковском войтовстве Дубровненского графства в 1722 г. Якуб Звягин держал 1/4 волоки основного надела. Вторую четверть волоки он бросил, но взял себе 1/4 из другого участка. Так же поступили Лазарь Козырев, Савка Ловкач и десятки других крестьян [1]. Следовательно, в период упадка сельского хозяйства крестьяне, используя обилие пустошей, иногда переходили к более примитивной, залежной системе земледелия.

С наступлением мирного периода, по мере роста населения, увеличения поголовья скота крестьяне восстанавливали прежние посевные площади. Рост используемых пахотных земель наблюдается почти во всех волостях магнатских вотчин начиная с 30-х годов XVIII в. Во второй половине XVIII в. на западе и в центре Белоруссии в хозяйственный оборот были практически вовлечены все пахотные земли (табл. 4).

Особенно быстро возрастала помещичья запашка (см. табл. 2). В значительной мере она увеличивалась за счет крестьянских земель. Во второй половине XVIII в. в источниках отмечаются факты захватов крестьянской земли во владениях Тимковичи, Копыль, Ружаны, Россь. Широко применялась также принудительная замена удобренной крестьянской пахоты, которая присоединялась к фольварку, на худшие земли. Иногда эта замена превращалась в прямой грабеж. Так, в застенке «Малашевщина» Койдановского графства в 1791 г. у крестьян отняли 45 моргов «погноев», а взамен дали 28 моргов «подлого грунта» [2].

При таких обстоятельствах можно было бы полагать, что рост фольварочной пахоты сопровождался абсолютным сокращением крестьянской пашни. На самом деле, однако, ничего подобного не происходило. Крестьяне в

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4542, лл. 3—4; д. 9374, лл. 8—55; ф. 3258, оп. 1, д. 4, лл. 18—21.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2257, л. 38; д. 3388, л. 9; д. 5001, л. 87; д. 8433, л. 19; РОБАН, B_3, ед. хр. 80, л. 29; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 408.

магнатских вотчинах к концу XVIII в. сохранили, а местами увеличили земельный фонд, ранее находившийся в их пользовании. Такой результат был достигнут за счет ликвидации пустошей и значительного роста общей площади пахоты в границах латифундий. При этом решающее значение имело освоение крестьянами новых земель. Оно шло в двух направлениях: распашка заброшенных участков и расчистка из-под леса новых массивов, обращаемых в пахоту. Оба процесса развивались параллельно. Однако во второй половине XVII — первой половине XVIII в., пока пустошей было много, активнее протекал первый, а во второй половине XVIII — второй.

К обработке заброшенной пахоты крестьяне обычно приступали сразу же, когда появлялась возможность восстановления хозяйства. Орудия труда в значительной мере производились самими крестьянами. Для выращивания рабочего скота имелись достаточные просторы, а посевной материал добывался за счет жесточайшего ограничения своих потребностей. Известную роль играли льготы, которые вынуждены были предоставлять крестьянам магнаты: временное освобождение от повинностей или их уменьшение, передача в пользование или продажа в кредит рабочего скота, отпуск семенных ссуд. Без предоставления таких льгот магнаты не могли бы рассчитывать на восстановление доходности своих владений.

Расширяя пашню, крестьяне вначале использовали на один-два сезона пустующие участки, расположенные за чертой своего уменьшенного надела. В документах XVII в. они обозначались термином «яровые волоки», хотя на них высевалась и озимая рожь. Иногда временное пользование пустошами именовалось обработкой «наездом». Такое название подчеркивало отсутствие прочной связи между крестьянским хозяйством и данным участком пашни.

Широкое распространение получила обработка крестьянами пустошей с доли урожая, одна треть или же одна четверть которого отдавалась господскому двору. Такая система на востоке Белоруссии называлась «дольничеством», а в центральных и западных районах именовалась сдачей земли «со снопа» (поскольку дележка урожая производилась в снопах). С издольщиной мы встречаемся почти повсеместно в магнатских вотчинах во второй половине XVII и в начале XVIII в. (Чернавчицы — 1689 г.,

Косин Минского воеводства — 1706 г., Ивань Слуцкого княжества — 1704 г., Путилово Витебского воеводства — 1717 г., Быхов — 1742 г., Толочин — 1749 г. и др.). Во второй половине XVIII в. издольщина обнаруживается значительно реже. К этому времени она вытесняется другими формами крестьянского землепользования [1]. Издольщина как натуральная система расчетов наиболее соответствовала возможностям экономически ослабленных крестьянских хозяйств при ограниченных рыночных связях.

Постепенно пустоши, обрабатываемые крестьянами, закреплялись за ними в постоянное пользование под названием «приемных» или «боковых» земель. За эти земли крестьяне платили небольшой денежный оброк, а иногда выполняли и некоторые другие второстепенные повинности. Сдача крестьянам дополнительных участков на условиях уплаты чинша встречалась в магнатских вотчинах и в первой половине XVII в., но в малых масштабах. Лишь во второй половине XVII в. эта система получила всеобщее распространение. Документы позволяют проследить процесс развития системы приемных земель. Так, в инвентаре владения Островчицы (Клецкое княжество) в 1665 г. имеется запись: «Приемных, теперь только на чинш зачисленных, 70 волок» [2]. Значительное количество «новонаемных», «недавно раскорчеванных» волок в Шкловском графстве в 1693 г. отмечает И. Барановский [3].

По своему характеру пользование приемными землями не отличалось от обычного крестьянского держания на денежном оброке. Нет никаких оснований называть такое держание «арендой», как это делает Ф. И. Забелло [4]. Особенность приемных земель по сравнению с чиншевыми состояла в том, что они находились в руках крестьянина наряду с его основным наделом, с которого он отбывал барщину (тяглый), платил денежный чинш (чиншевик, куничный) или выполнял какую-либо другую повинность

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 82; д. 6154, л. 7; д. 9373, лл. 31—34; оп. 7, д. 947, л. 50; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 186, лл. 1—32; д. 372, лл. 65—81; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 1, д. 213, л. 1; ф. ДА, д. 112, л. 709; РОБВУ, А-1547, лл. 1—16; РОБАН, ф. TF, ед. хр. 253, л. 9; AG, д. 4575, лл. 13—52.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2243, л. 5; д. 6085, л. 15.

[3] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 260.

[4] См. Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку, стар. 125—127.

(административную, военную). Кроме того, чинш, уплачиваемый за приемные земли, был ниже куничного.

Распространение системы приемных земель привело к изменению структуры крестьянского надела, который как бы распался на две части: основную, так называемую «оседлую» и дополнительную — приемную, отличавшиеся условиями держания[1]. Вместе с тем надел представлял собой единый экономический комплекс «оседлых» и приемных участков, на которых крестьянин вел свое хозяйство, и поэтому должен рассматриваться как единое целое. Следует отвергнуть утверждение Вечорека о том, что существование крестьян основывалось главным образом на оседлой земле, а приемная представляла собой некое дополнение, не имеющее существенного значения в крестьянской экономике[2].

Из сопоставления записей за разные годы видно, что крестьяне на протяжении десятков лет в основном сохраняли свои приемные участки, иногда увеличивая их, передавали вместе с основной частью надела своим сыновьям. Это говорит о том, что приемные земли прочно вошли в состав надела. Во второй половине XVIII в. в магнатских вотчинах стала появляться тенденция к слиянию приемных земель с основной долей надела. В отдельных случаях с приемных земель начинали требовать барщину как с тяглой доли надела. Некоторые магнаты запрещали крестьянам при выделении сыновей передавать им часть тяглой земли. Новое хозяйство получало надел за счет приемной земли отцовского хозяйства; теперь эта земля становилась тяглой. Магнатам, расширявшим господскую запашку, было выгоднее иметь в волости тяглые земли, чем приемные, так как с тяглых земель крестьяне отбывали барщину[3].

В конце XVIII в. прусские власти констатировали, что в районе Белостока приемные земли почти полностью слились с тяглыми[4]. В 1804 г. Феликс Потоцкий отменил

[1] См. Д. Л. Похилевич. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в.— вторая четверть, стр. 558.

[2] W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w., s. 35—40.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4653, л. 40; д. 4665, лл. 13—14; д. 9411, лл. 12—13; оп. 4, д. 5858, лл. 55—56; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11363, л. 55.

[4] W. Conze. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weissrussland, I Teil, S. 163.

во владении Россь деление на тяглую и приемную землю и установил единый полуволочный надел для всех тяглых крестьян с едиными повинностями[1]. Все же в большинстве магнатских вотчин приемные земли сохранялись и в начале XIX в. В Тимковичском графстве в конце XVIII в. появилась даже новая категория приемных земель. Устав этой латифундии за 1789 г. предусматривал, что крестьянин сверх своего надела, включавшего всего полволоки тяглых и приемных земель, мог еще дополнительно держать «пустующие» земли за соответствующую плату[2].

Устойчивость приемных земель была, несомненно, связана с проблемой соотношения различных форм феодальной ренты. Заинтересованность магнатов не только в барщине, но и в денежном чинше, который платили крестьяне с этих земель, способствовала сохранению такой структуры надела на протяжении полутора столетий.

Издольщина и приемные земли представляли собой формы, в которых осуществлялось расширение крестьянской пашни, сначала до пределов прежнего крестьянского пользования (постепенная ликвидация пустошей), а потом и за эти пределы (освоение новых земель).

Расширение крестьянской пахоты было обусловлено не только укреплением крестьянского хозяйства, но и ростом населения. Этот рост имел два источника: естественный прирост, вызывавший деление крестьянских хозяйств, и приток в магнатские вотчины поселенцев извне. Как и другие феодалы Белоруссии, магнаты принимали различные меры для привлечения в свои владения новых поселенцев, особенно в первой половине XVIII в. В уставах владения Давид-Городок из года в год повторялись призывы к беглым крестьянам возвращаться на свои земли. Им гарантировались льготы в повинностях, возвращение прежних усадеб и наделов. Подобные предписания мы находим в документах этого периода и по другим владениям (Дубровно, Друя, Клецк, Несвиж).

Принимавшиеся меры не оставались без результата. В войтовство Побережное Дубровненского графства около 1735 г. прибыли бобыли — «человек сто, а может быть и более», изъявившие желание осесть на земле и платить чинш. Население Сарьянской волости Друйской латифун-

---

[1] Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 461.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4206-а, лл. 2—3.

дии в течение первой половины XVIII в. увеличилось более чем в полтора раза, главным образом за счет колонизации. В 1753 г. здесь насчитывалось 11% захожих крестьян, а всего прибывших из других мест, как захожих, так и потерявших уже в силу давности право перехода, было там, по нашим подсчетам, 33%. Обычно источники не сообщают, откуда прибыли новые поселенцы, поскольку феодалы переманивали крестьян друг от друга. Однако в инвентаре Сарьянской волости такие сведения приводятся. В нем указано, что часть поселенцев прибыла из других владений, принадлежавших тому же роду Сапег (Освея, Дубровно и т. п.). Многие крестьяне перешли в Сарию от посторонних феодалов (от Вольбека, Щита, из Велижского и Усвятского староств). Немало поселенцев было из других земель Речи Посполитой: Жемайтии, Латгалии, Курляндии.

Данные инвентаря владения Поцея Островно свидетельствуют о наличии «филипповцев» — старообрядцев, переселившихся из России [1].

В восточных вотчинах привлечение новых поселенцев со стороны продолжалось и во второй половине XVIII в. В Быховском графстве на базарах и ярмарках в 1760 г. оглашался специальный «универсал» Сапеги, гарантировавший новым поселенцам шестилетнюю «свободу» от повинностей [2].

В центральных и западных вотчинах в этот период главное внимание магнатов было направлено на поселение своих же местных крестьян, отделившихся от родителей. По заявлению Пшездецких, за 15 лет держания ими радзивилловских вотчин (1765—1780) «число подданых увеличилось путем рождения, а иные пришли в возраст», что вызвало необходимость отвода крестьянам новых земель. В Росси, Друе и других вотчинах молодоженам отводились земли, предоставлялся лес для построек, оказывалась помощь семенами, хлебом, рабочим скотом. Наряду с организованной происходила и самочинная колонизация. Крестьяне разрабатывали новые земли и сели-

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1701, л. 29; д. 1702, л. 41; д. 1703, лл. 32—37; д. 1706, лл. 33—34; д. 1707, л. 32; д. 1708, л. 45; д. 4652, л. 12; оп. 3, д. 4, л. 3; ф. 3258, оп. 1, д. 9, л. 87; ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 14, д. 156, л. 19; д. 178, лл. 4—11; РОБАН, $В_3$, ед. хр. 77, лл. 9—10.

[2] AG, д. 4575, л. 19; д. 4568, л. 165.

лись на них без ведома магнатской администрации, против чего последняя, конечно, возражала [1].

Иногда новые земли осваивались крестьянами с санкции магнатов, подчас даже на началах кооперации с господским двором («пущу разрабатывают для двора с доли»). Однако освоение чаще всего носило стихийный характер. В Тимковичах в 1713 г. при обмере было обнаружено у крестьян на 59 волок больше, чем значилось по инвентарю. Во владении Туров, принадлежавшем Потоцкому, как выяснилось в 1777 г., «все деревни имели в лесах новые разработки, за которые ничего не платили...». На расчищенной из-под леса земле возникали новые выселки и деревни. К их числу относятся: д. Новоселки в Тимковичском графстве, поселок в урочище Рябинов Борок в Вязыне, новые селения на Копыльщине в 70—80-х годах XVIII в.[2]

Наступление фольварка на окультивированную крестьянскую пашню заставляло крестьян активнее поднимать целину. Иногда это сознательно планировалось феодалами. В документе по Смолевичскому владению Радзивиллов, относящемуся уже к началу XIX в. (1808 г.), говорится, что «согласно нынешней регулировке, некоторым крестьянам придется разработать себе часть леса под пахоту, а заросли на луга» [3]. Процесс освоения новых земель продолжался и в первой половине XIX в. [4]

Внушительные масштабы освоения крестьянством новых земель и общего расширения пахотных площадей, раскрывающиеся по материалам магнатских вотчин, свидетельствуют о развитии производительных сил в сельском хозяйстве Белоруссии второй половины XVIII в.

Общепризнано, что средний размер земельного надела—

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5858, л. 299; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 55; РОБВУ, А-1275, л. 43; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 438.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 19—22, 299; д. 4526, л. 11; д. 4542, л. 8; д. 4665, лл. 20—21; д. 4982, лл. 29—30; д. 5001, л. 89; д. 5705, лл. 59—63; д. 5898, л. 11; д. 6085, лл. 8—9; д. 6683, л. 39; д. 8224, лл. 1—85; д. 8439, л. 7; оп. 4, д. 5858, лл. 249, 294—295; оп. 7, д. 947, л. 5; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11778, л. 169; ф. 1135, оп. 14, д. 156, л. 6; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 513.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7747, лл. 114—115.

[4] См. В. В. Чепко. Некоторые вопросы состояния хозяйства помещичьих крестьян в первой пол. XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г.», стр. 368.

один из важнейших показателей, характеризующих крестьянское хозяйство. По утвердившемуся представлению, крестьянский надел в Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII в. был близок к цифрам: 1/4 волоки тяглой и 1/4 волоки приемной земли[1]. Однако требуется выяснить, в какой мере такая общая характеристика размеров надела применима к магнатским вотчинам. Что же касается эволюции крестьянского надела, то взгляды историков по этому вопросу полностью расходятся. Я. Рутковский, О. Гедеманн, Е. П. Шлоссберг считают, что со второй половины XVII в. происходил процесс мельчания крестьянских хозяйств, а вторая половина XVIII в. была периодом общей пауперизации крестьянства. Этой концепции придерживается, видимо, и Ф. И. Забелло. Не касаясь динамики надела, он утверждает, что во второй половине XVIII в. крестьяне страдали от малоземелья, сидели зачастую на наделах, равных 1/8 волоки. Иную позицию занимает Г. Ловмяньский. По его мнению, в связи с разорением во второй половине XVII и первой половине XVIII в. население деревни уменьшилось, а площадь надела соответственно увеличилась. В 60—90-х годах XVIII в. рост населения обусловил уменьшение площади надела. А. Жабко-Потопович считает, что крестьянский надел в этот период не уменьшился[2].

Неодинаковая оценка эволюции крестьянского надела в значительной мере обусловлена различием источников, на которых основывались историки, и ограниченностью этих источников. К тому же некоторые авторы, как Е. П. Шлоссберг, при определении землепользования тяглых хозяйств, ограничиваются подсчетом лишь основной,

---

[1] См. А. Турцевич. Предисловие. АВАК, т. XXXV, стр. XIV; W. Conze. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weissrussland, I Teil, s. 162—172; Д. Л. Похилевич. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в.—вторая четверть, стр. 561.

[2] J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski (do 1864 r.), s. 189; Studia z dziejów wsi polskiej XVI—XVIII w., s. 96; O. Hedemann. Historia powiatu brasławskiego, s. 93; H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795), s. 69—70; A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w w. XVIII, s. 126; Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 120; Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства, стар. 187.

тяглой доли наделов и сбрасывают со счета приемную долю.

Принципиальные расхождения историков настоятельно требовали исследования динамики крестьянского надела по материалам магнатских вотчин. Для этого было отобрано 78 инвентарей по 15 латифундиям (по 5 на каждую экономико-географическую зону); одна из них, Клецкая, состояла из 8 владений. Всего исследовано 22 владения. Документы по этим объектам содержат полностью сопоставимые сведения за весь XVIII в. и в значительной мере за XVII в. Суммирование данных по отдельным владениям позволило получить показатели эволюции среднего надела на протяжении четырех пятидесятилетий (табл. 5). Они свидетельствуют об относительной стабильности крестьянского надела в магнатских вотчинах. На протяжении XVII—XVIII вв. площадь надела составляла от полуволоки до 0,6 волоки. А это значит, что крестьянский двор, значительно сокращавший свое землепользование в наиболее тяжелые годы разорения, вновь восстанавливал его до прежнего уровня в пределах каждого рассматриваемого пятидесятилетия.

Правда, изменилась структура надела: в его составе уменьшилась основная доля. Но сокращение основной доли компенсировалось за счет приемных земель, удельный вес которых в составе крестьянского надела возрастал. В центральных вотчинах удельный вес приемных земель увеличился с 10 до 40%, в западных — с 19 до 47%.

Подсчеты, произведенные по 47 владениям [1], свидетельствуют о том, что средний надел на западе и в центре во второй половине XVIII в. составлял около 0,6 волоки, а на востоке — около 0,65 волоки. Таким образом, обеспечение землей крестьян магнатских вотчин было несколько лучшим, чем в целом всего крестьянства Белоруссии. При рассмотрении средних данных необходимо, однако, иметь в виду, что наделы в различных владениях были далеко не одинаковыми, их размеры зависели от различия локальных почвенных условий, уровня

[1] Несвиж, Тимковичи, Смолевичи, Негорелое, Греск, Усово, Мир, Кореличи, Косин, Городок, Заславль, Уречье, Клецк, Островчицы, Денисковичи, Мостиловичи, Малево, Сухличи, Цепра, Давид-Городок, Манкевичи, Лахва, Смядынь, Койданово, Чернавчицы, Высокое, Малынка, Россь, Бытень, Каменка, Белица, Ружаны, Зельва, Деречин, Зденцел, Рутки, Сморгонь, Поставы, Чересс, Друя, Сария, Островно, Черея, Дубровно, Горы-Горки, Быхов, Глуск.

развития помещичьего хозяйства, степени и форм эксплуатации крестьянства. Самые мелкие наделы наблюдались в вотчинах с наиболее развитым фольварочным хозяйством и наличием мануфактур.

Так, в Поставах надел составлял 0,3 волоки (1783 г.), в Кореличах —0,23 волоки (1791 г.). В этих владениях крестьянские наделы к 80-м годам XVIII в. даже несколько сократились по сравнению с их размером в середине указанного столетия (Поставы — 0,4 волоки, Кореличи —0,25 волоки)[1]. Сокращение площади наделов в отдельных вотчинах было обусловлено захватом большой площади крестьянских земель под господскую запашку и резким увеличением эксплуатации барщинного труда в фольварках и на подсобных работах по обслуживанию промышленных предприятий.

Таким образом, изучение эволюции среднего надела приводит к тому же выводу, который основывался на рассмотрении динамики пахотных площадей. Крестьянство в магнатских вотчинах во второй половине XVIII в. в основном сохранило за собой средний надел периода второй половины XVII — первой половины XVIII в. При росте населения это могло быть достигнуто только за счет разработки новых земель. Однако устойчивость среднего надела отнюдь не означала имущественного равенства крестьян.

2. Крестьянское земледелие, животноводство, промыслы и ремесло

В настоящее время можно считать бесспорным, что во второй половине XVII и в XVIII в. в Белоруссии, как и ранее, господствовала трехпольная система земледелия[2]. Это положение полностью применимо к магнатским вотчинам. О существовании такой системы земледелия в фольварочном хозяйстве вотчин свидетельствуют все инвентари. В источниках встречаются также многочисленные упоминания о применении трехпольного севооборота крестьянами. Некоторые инвентари содержат

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3377, л. 9; д. 3606, лл. 2—28; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 45—131; д. 5346, лл. 866—874.

[2] См. В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. 1, стр. 143; Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства, стар. 100, 139.

данные об обмере крестьянской пахоты, разделенной на три равных по площади поля (озимое, яровое, пар), иногда даже с приложением масштабного плана. Вместе с тем встречались и отклонения от господствующей системы земледелия. У крестьян Чересской волости Браславского повета в 1778 г. наблюдалась чересполосица без строгого разграничения полей, затруднявшая соблюдение трехпольного севооборота. Подобные явления отмечались и в других местах.

В некоторых волостях магнатских вотчин отдельные деревни в XVIII в. сохраняли двухполье (в Деречинском графстве в 1711 г., в Заславском — в 1760 г.)[1]. Не были полностью ликвидированы и более примитивные формы земледелия. Как можно судить по данным о подъеме бросовых и освоении новых земель, крестьяне магнатских вотчин иногда прибегали к подсеке и временному использованию пустошей по переложной системе. Н. Н. Улащик отмечает, что смешанная трехпольно-залежная система и подсека встречались кое-где у крестьян Белоруссии и в XIX в.[2]

На полях крестьяне работали с помощью тех же орудий труда, какие они унаследовали от прошлой эпохи. Это были: деревянная двузубая соха с железными сошниками, так называемыми «нарогами», деревянная борона, железные серп и коса, деревянные грабли. Сеяли вручную. Молотили цепами, веяли решетом. О применении таких орудий на сельскохозяйственных работах мы находим множество свидетельств как в исторической литературе, так и в документах по магнатским владениям второй половины XVII и XVIII в. Известно, что эти орудия перешли и в XIX в. Вместе с тем в некоторых районах Белоруссии сохранялись совершенно примитивные сельскохозяйственные орудия. В. И. Довженок писал, что в Полесье и в XIX в. крестьяне применяли однозубую соху, состоявшую из ствола с одним сошником, насаженным на сук. В южной части Слуцкого и северной половине Мозырского уездов Минской губернии в конце

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8437, лл. 1—57; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, лл. 46—47; д. 292, л. 12; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, лл. 2—3; РОБВУ, А-1409, лл. 6—7; А-1586, л. 27.

[2] См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 325.

XIX в. преобладала двузубая соха, но для некоторых работ крестьяне пользовались древней волокушей [1].

Наличие одних и тех же сельскохозяйственных орудий на протяжении нескольких столетий не говорит еще о том, что они оставались неизменными. Стремясь как можно лучше обработать свой надел, крестьяне постоянно улучшали орудия труда. Во второй половине XVIII в. они выезжали на поля с дубовыми боронами, тщательно острили зубья перед каждым циклом полевых работ [2].

Совершенствование орудий должно было отразиться на уровне сельскохозяйственного производства. Оно было связано с происходившими в этот период времени изменениями в технике полеводства.

Во второй половине XVIII в. в Белоруссии повысилась культура земледелия. Магнаты приступили к рационализации всего фольварочного хозяйства. В принадлежавших им фольварках производилась зяблевая вспашка, рыхление тяжелых почв, улучшился уход за посевами, удалялись сорняки. На господских полях в магнатских поместьях проводились мелиоративные работы: копали рвы для сброса вод и осушки полей, расчищали луга от кустарника [3]. Подобные работы выполняли крестьяне и на своих полях. Увеличение поголовья скота давало им возможность лучше удобрять поля, чем это было раньше [4].

В источниках по магнатским вотчинам в связи с их классовым характером крайне редко отражались сведения о качестве полевых работ, производившихся крестьянами на их наделах. Однако из имеющихся данных можно сделать вывод, что крестьяне во второй половине XVIII в., как правило, тщательно обрабатывали свои по-

---

[1] См. А. К. Сержпутовский. Земледельческие орудия белорусского Полесья. В кн. «Материалы по этнографии России», т. I. СПб, 1910, стр. 45—49; В. И. Довженок. К истории земледелия у Восточных славян в первом тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Сб. «Материалы по истории земледелия в СССР». М., 1952, стр. 133—134; E. Tyszkiewicz. Opisanie powiatu borysowskiego. Wilno, 1847, s. 178—183; Ю. Юргинис. Закрепощение крестьян в Литве, стр. 10; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4542, л. 5; д. 6673, л. 568; РОБАН, $В_3$, ед. хр. 77, лл. 9—10.

[2] РОБВУ, А-4539, л. 8.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 584; д. 8149, л. 62; д. 9409, лл. 2—3; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 136; ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 1; РОБВУ, А-1410, л. 8.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2257, л. 38; д. 3388, л. 9; оп. 4, д. 5858, л. 199; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, л. 42.

ля. Люстрация Деречинского графства отмечает, что в 1795 г. из 1070 крестьянских хозяйств только 38 (3,5% общего числа) полностью или частично не посеяли озимых, отчасти из-за передвижения войск, отчасти — из-за недостатка семян или рабочих рук [1]. Один из анонимных публицистов XVIII в. писал в 1790 г., что крестьяне в Речи Посполитой располагали худшим по сравнению с фольварком посевным материалом, так как вынуждены были обращаться за получением семенной ссуды в господский двор или к корчмарям [2]. Неизвестно, к каким местностям Речи Посполитой относятся наблюдения этого автора. По данным магнатских вотчин Белоруссии, крестьяне получали ссуды на посев из господского амбара, а не в корчмах. Магнатам было невыгодно выдавать крестьянам зерно плохой всхожести, а потом самим же кормить их.

Весьма вероятно, что ссуды выдавались неочищенным зерном. Но крестьяне, несомненно, сами очищали полученный посевной материал. Поэтому, надо полагать, что крестьянские поля засевались зерном такого же примерно качества, как и господские.

О структуре крестьянских посевов до конца XVIII в. нет цифровых данных, поскольку феодалы не вели такого учета. Из документов о зерновых ссудах, полученных крестьянами в господском дворе на посев, реестров ущерба погорельцев, данных учета страховых «магазинов» и других сведений, содержащихся в источниках, видно, что крестьяне сеяли рожь, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, горох, лен и коноплю. Структура крестьянских посевов отличалась от господских. Крестьяне сеяли меньше пшеницы, но технических культур высевали, видимо, больше, чем в фольварках. Известно, что льняное и конопляное семя, лен и пенька скупались у них в большом количестве господской администрацией как в добровольном, так и в принудительном порядке [3].

Источники не содержат данных об урожайности на крестьянских полях вплоть до 80—90-х годов XVIII в.

[1] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11778, лл. 72—480; РОБВУ, А-1410, лл. 6, 11, 15, 17.

[2] A. Swiętochowski. Historia chłopów polskich w zarysie, cz. I. Lwów—Poznań, 1925, s. 314—315.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 258, 325, 417; д. 5044, л. 4; д. 6673, лл. 402, 565, 584; РОБВУ, А-1275, л. 61; А-1653, л. 3.

Поэтому об изменениях урожайности у крестьян приходится судить на основании сведений о господском полеводстве. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в магнатских фольварках собирали озимые из расчета в среднем «сам — 2,3». Поскольку господское и крестьянское поле обрабатывалось теми же пахарями, тем же инвентарем и рабочим скотом, можно полагать, что и урожай у крестьян был примерно таким же.

Во второй половине XVIII в. в результате лучшей обработки и удобрения почвы, урожаи заметно повысились. Возле г. Гродно крестьяне, по данным В. Конце, собирали в 1795—1796 гг. урожай ржи «сам — 3,5» и «сам — 4», яровых — «сам — 3» и «сам — 3,5» [1]. Согласно обследованию, проведенному в 1784 г. в деревнях Дубровненского графства (восток Белоруссии), средняя урожайность у крестьян за ряд лет составляла «сам — 3» и «сам — 4» [2]. В более плодородных районах центральной Белоруссии, особенно в ее «житнице» — Новогрудском воеводстве, урожаи в крестьянском хозяйстве должны были быть выше. Об их размерах можно составить некоторое представление опять-таки на основании данных учета фольварочного хозяйства. В последней четверти XVIII в. средний урожай озимой ржи в Радзивилловских фольварках этого района составлял «сам — 6,8», а яровых на одну треть ниже [3].

Рост урожайности в господском хозяйстве в значительной мере достигался путем его рационализации, частичного применения наемной рабочей силы, использования некоторых, более совершенных, чем у крестьян, орудий. Поэтому урожайность у крестьян должна была в этот период несколько отставать от фольварочной. Мы не ошибемся, если определим урожайность крестьянских полей Новогрудского воеводства в последней четверти XVIII в. как «сам — 4» в среднем для всех культур. Косвенным подтверждением могут служить расчеты Н. Н. Улащика, установившего, что средняя урожайность

[1] W. Conze. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weissrassland, I Teil, s. 195—196.

[2] ЦГИА БССР, ф. 3258, оп. 1, д. 21, лл. 223—293.

[3] О расчетах урожайности в фольварках см. П. Г. Козловский. Динамика урожайности и посевных площадей, изменения структуры посевов в крупных поместьях Белоруссии в XVIII — первой половине XIX вв., стр. 363—365, табл. 4 и 5.

во всем сельском хозяйстве на территории Гродненской губернии в начале XIX в. составляла «сам — 4,1» [1].

Во второй половине XVIII в. на крестьянском хозяйстве в магнатских владениях крайне отрицательно сказывался рост отработочных повинностей и отрыв рабочих рук в страдную пору на барщину.

В имении Радзивиллов «Сухличи» в 1788 г. посев господской ржи был полностью закончен 13 сентября. И только 27 сентября восемь крестьян на несколько дней получили освобождение от барщинных работ с тем, чтобы посеять у себя рожь. А малосемейные хозяева Семка, Андрей, Демьян Новик, Матвей Мойсейчик, Герасим Заяц, Михаил Авдейчик, Петр Вареник, Лаврен и Гришко Кулики досевали свои поля еще 4 октября. Иногда крестьян отрывали от работы в своем хозяйстве в самое горячее время и посылали в дальние поездки, не давая им возможности вовремя посеять яровые. В Деречине у Сапег, в Кореличах и Негорелом у Радзивиллов, как и во многих других владениях, во второй половине XVIII в. крестьянам запрещалось в воскресные и праздничные дни работать в своем хозяйстве, пахать, свозить с поля снопы и сено. Они же были вынуждены это делать, так как из-за барщины не успевали управиться в своем хозяйстве [2]. Следовательно, усиление феодального гнета тормозило развитие крестьянского полеводства.

Земледелие было основной отраслью сельского хозяйства Белоруссии в XVI—XVIII вв. Кроме того, крестьяне разводили скот, занимались промыслами и ремеслом.

Особый интерес представляет разведение рабочего скота. В. И. Ленин придавал большое значение количеству рабочего скота как показателю, характеризующему крестьянское хозяйство [3]. Этому вопросу определенное внимание уделяли все исследователи аграрной истории Белоруссии XVII—XVIII вв. Однако вопрос обеспечения крестьян рабочим скотом они рассматривали лишь попутно, ограничивались общей характеристикой или приводили отдельные примеры по некоторым объектам.

---

[1] См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 155—156.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 296, л. 53; оп. 2, д. 3606, л. 30; д. 5001, л. 34; д. 5920, л. 19; д. 8066, лл. 222—223; РОБВУ, А-1101, л. 8.

[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 76—96.

Недостаточная разработанность этой проблемы обязывала самым тщательным образом исследовать динамику обеспечения крестьян рабочим скотом по материалам магнатских вотчин. Объектами изучения явились владения, разбросанные по всей территории Белоруссии. Произведенные на основании инвентарей подсчеты сгруппированы в трех таблицах. Табл. 6 содержит данные об изменении численности рабочего скота у крестьян в отдельных владениях по материалам, сопоставимым за разные годы. Более полные данные по 39 объектам имеются за вторую половину XVIII в. (табл. 7). Они охватывают 16,6 тыс. крестьянских дворов. Наконец, для установления динамики обеспечения рабочим скотом на протяжении полутора столетий было проведено исследование по 15 латифундиям (по 5 в каждой зоне). Его результаты отражены в табл. 8.

В XVII—XVIII вв. белорусские крестьяне использовали на пахоте и других работах лошадей и волов. При этом на западе и в центре преобладали волы, а на востоке — лошади.

Наличие двух видов животных вынуждает историков искать общий знаменатель, который бы позволил определить тягловую силу крестьянского хозяйства. Такой единицей является «упряжка», состоявшая из двух волов или одной лошади. Двух волов к одной лошади в крестьянском хозяйстве приравнивал В. И. Ленин [1]. Такую упряжку, названную Н. Н. Улащиком «рабочей единицей», знает большинство историков и пользуется ею [2]. Источники по магнатским владениям постоянно говорят об упряжке — «сохе» и часто приравнивают «соху», состоявшую из двух волов, к одной лошади [3]. Эта единица фигурирует во всех наших дальнейших расчетах.

Изменения уровня обеспечения крестьян рабочим скотом на протяжении XVII—XVIII вв. можно проследить по отдельным магнатским вотчинам.

Из десяти владений, по которым имеются соответствующие данные, в семи (Тимковичи, Клецк, Мостviловичи, Малево, Цепра, Чернавчицы, Ружаны) отчетливо про-

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 134.

[2] См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 185, 320.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 317; д. 4483, лл. 2—4; д. 4542, л. 8; д. 8066, л. 220.

слеживается уменьшение численности рабочего скота в периоды войн и разорения и последующий рост в периоды восстановления (табл. 6). На протяжении XVIII в. увеличение наблюдается почти повсеместно (в 15 из 17 объектов).

Более общее представление о динамике обеспечения крестьян рабочим скотом дает табл. 8. Группировка данных по пятидесятилетиям стирает кратковременные колебания, но зато выявляет основную тенденцию: уменьшение поголовья рабочего скота у крестьян в эпоху экономического упадка и последующее его увеличение на протяжении XVIII в. Так, по 15 латифундиям во второй половине XVII в. на двор приходилась в среднем только одна упряжка, в первой половине XVIII в.— уже 1,1, а во второй половине XVIII в.—1,6 упряжки. К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом, чтобы сопоставить вторую половину XVIII в. с первой половиной XVII в. Однако из данных по отдельным владениям можно сделать вывод, что к концу XVIII в. уровень обеспечения крестьян рабочим скотом первой половины XVII в. был превзойден: Клецк — рост с 1,5 до 1,6 упряжки, Моствиловичи — с 1,5 до 1,8, Тимковичи — с 1,3 до 1,4, Цепра — с 1,0 до 1,9 (табл. 6).

Во второй половине XVIII в. среднее обеспечение крестьянских хозяйств в магнатских вотчинах Белоруссии рабочим скотом составляло 1,6—1,7 упряжки. Характерно, что расчеты по 15 латифундиям дают почти такой же результат, как и более массовые данные по 39 объектам, насчитывавшим 16 607 крестьянских дворов (см. табл. 7 и 8) [1].

Правильность этого показателя перепроверяется результатами исследований Н. Н. Улащика, определившего среднее обеспечение рабочим скотом крестьян Гродненской губернии в середине XIX в. цифрой 1,6 рабочей единицы (упряжки), а Виленской — 2,3 упряжки [2]. В условиях нараставшей феодальной эксплуатации, когда крестьянское хозяйство, по словам того же автора, «перед реформой явно шло к упадку» [3], в нем не могло

[1] Только по западу привлечение более широких данных дало заметное отклонение. Оно позволило уточнить показатель с 1,1 до 1,5 упряжки на крестьянский двор.

[2] См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 320.

[3] Там же, стр. 388.

быть роста поголовья рабочего скота. Стало быть, в конце XVIII в. показатель мог быть выше, но никак не ниже, чем в середине XIX в. Если у нас он все же получился немного ниже (1,5 для западной зоны, 1,6—1,7 — в целом), то это еще раз доказывает, что выведенный нами показатель не завышен. Поскольку наши расчеты основаны на инвентарях, при составлении которых крестьяне стремились укрыть часть скота, следует признать полученные результаты минимальными.

Таким образом, исследование по магнатским вотчинам показывает, что уровень обеспечения рабочим скотом крестьянских хозяйств во второй половине XVIII в. был выше, чем отмечали Г. Ловмяньский и Д. Л. Похилевич [1].

На основании приведенных данных следует полностью отвергнуть как ошибочное положение Е. П. Шлоссберга, который утверждает, что количество рабочего скота в крестьянском хозяйстве на протяжении XVII и XVIII вв. уменьшалось, и к концу XVIII в. «нормальным владением крестьянского хозяйства был 1 вол и реже 2 вола» [2].

Таблицы позволяют проследить порайонные различия в обеспечении крестьянских хозяйств рабочим скотом. Несмотря на то что общее направление эволюции было одинаковым во всех зонах, количественные показатели отдельных зон заметно отличались. На востоке скота насчитывалось примерно в полтора раза больше, чем на западе и в центре. Несомненно, здесь сказывалось различие в площади надела, который на востоке был несколько большим (см. табл. 5), наличие там сложных семей. Следует отметить, что различия в обеспечении рабочим скотом выступали и внутри отдельных зон. Наиболее высокое обеспечение рабочим скотом приходилось на Друй-

---

[1] Г. Ловмяньский считает, что в XVIII в. в среднем на одно хозяйство приходилась одна упряжка. H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach, s. 69.

Д. Л. Похилевич отмечал нехватку скота во второй четверти XVIII в. и наличие при больших колебаниях в среднем одной упряжки на двор во второй половине этого столетия. См. Д. Л. Похилевич. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в. — вторая четверть, стр. 556—558; Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в. — вторая половина, стр. 618.

[2] Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 120.

ское графство (по 3, 4 упряжки), относящееся к северному району западной зоны. Одновременно мы находим в Друе и наиболее многолюдный дым (по 8,2 человека) [1].

Говоря об увеличении численности крестьянского рабочего скота во второй половине XVIII в., следует учитывать то обстоятельство, что в связи с расширением фольварочной пахоты и товаризацией магнатского хозяйства, которая вызывала рост перевозок, этот скот все шире использовался в господском хозяйстве. Крестьяне в своих жалобах часто сообщали об истощении и падеже лошадей и волов на господских работах [2].

На поголовье скота у крестьян пагубно влияли эпизоотии, периодически повторявшиеся в Белоруссии. А. Жабко-Потопович отмечает тяжелые последствия мора скота в 1744 г. [3] Наши источники регистрируют мор и падеж скота в 1747, 1748, 1752, 1757, 1764, 1767, 1771, 1785, 1795 гг. в различных вотчинах. Во владении Давид-Городок с середины до конца XVIII в. четыре раза широко распространялись эпизоотии, часто уносившие половину, а иногда почти все поголовье скота [4].

В результате разорения, пожаров, падежа отдельные хозяйства оказывались без рабочего скота, что было крайне невыгодно для феодалов. Поэтому, действуя в собственных интересах, магнаты выращивали в фольварках или приобретали рабочий скот, главным образом волов, и раздавали нуждавшимся в нем крестьянам. Очень откровенно мотивы раздачи высказаны в инструкции по владению Потоцкого Тростяница Брестского воеводства за 1757—1759 гг. Там сказано, что волы раздаются «для увеличения барщины» [5]. Довольно широкие масштабы приобрела раздача скота во второй половине XVII и первой половине XVIII в., когда крестьянское хозяйство было сильно разорено, но она встречалась и во второй половине XVIII в. Обычно волы в магнатских вотчинах раздава-

---

[1] РОБВУ, А-1275, лл. 4—5.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3388, л. 5; д. 5001, лл. 87—89; РОБАН B_3, ед. хр. 80, л. 29.

[3] A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w w. XVIII, s. 161.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1707, л. 7; д. 1714, лл. 205, 310; д. 4483, л. 22; д. 9007, лл. 4—10; д. 9014, л. 165; ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 14, д. 156, л. 19; РОБВУ, А-1410, л. 10; А-1481, л. 39.

[5] Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 488.

лись крестьянам «за цену», т. е. попросту продавались в рассрочку, с уплатой в течение двух-трех лет[1].

Несмотря на систему раздачи в кредит господских волов, в деревнях всегда имелось некоторое количество крестьян, у которых не было рабочего скота. Возникает вопрос, как такие хозяева могли обрабатывать свою землю. К. И. Керножицкий находит, что безупряжные крестьяне обращались за помощью к более зажиточным соседям, а потом отрабатывали у них во время жатвы по 2 дня «пеших» за один день упряжный[2]. В источниках по магнатским вотчинам мы находим случаи супряги, когда двое крестьян, имевших только по одному волу, запрягали их в один воз или соху. Наконец, во второй половине XVIII в. довольно широко применялась система обработки земли безупряжных крестьян барщинным трудом крестьян, имевших упряжку. В Чернавчицах, Смядыне, Сухличах, Манкевичах, Росси, Тростянице по распоряжениям Радзивиллов и Потоцких экономы посылали десятки упряжек пахать «для больных и безупряжных», «бедных», вдов и т. п.[3] Такой системой господский двор сразу решал две задачи: поддерживал слабые крестьянские хозяйства за счет барщины с расчетом, что впоследствии они окрепнут и станут полноценным объектом эксплуатации и, кроме того, оставлял за собой возможность привлечь крестьян из этих слабых хозяйств в качестве компенсации к любой посильной работе в фольварке.

Наряду с рабочим скотом крестьяне Белоруссии в XVII—XVIII вв. разводили продуктивный скот: коров, овец и свиней. Крестьянское продуктивное животноводство в Белоруссии в рассматриваемый период пока почти не изучалось. Из белорусских историков только М. В. Довнар-Запольский и Ф. И. Забелло посвятили несколько абзацев этому важному вопросу[4]. Недостаточно

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 262, 311, 420; д. 8067, лл. 139—140.

[2] См. К. І. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стар. 55.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 7; д. 8066, л. 219; д. 9009, л. 3; оп. 4, д. 5858, лл. 166—167; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 405, 487.

[4] См. М. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-экономічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII сталецьцях, стар. 27—29; Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства, стар. 47—141.

изучено крестьянское животноводство и в польской историографии[1]. Такое положение вещей, видимо, связано с состоянием источников, которые довольно редко содержат сведения о нерабочем скоте у крестьян, в основном лишь по последней четверти XVIII в. Однако эти трудности не являются непреодолимыми. Выявленные нами архивные материалы по магнатским вотчинам, охватывают 15 тыс. крестьянских дворов. Они отчетливо характеризуют уровень крестьянского животноводства второй половины XVIII в. и дают некоторую возможность проследить его динамику.

Как видно из табл. 9, численность продуктивного скота у крестьян в ряде владений центральной Белоруссии за столетие (со второй половины XVII до второй половины XVIII в.) возросла приблизительно в два раза. Этот рост продолжался и на протяжении второй половины XVIII столетия, притом не только в центре, но и в других зонах. В Быховском графстве, например, в 1758 г. насчитывалось по 1,4 головы крупного рогатого скота на крестьянский двор, а в 1795 г.— по 2,2 головы[2]. Подсчеты, отраженные в табл. 10, свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII в. крестьянский двор в среднем содержал по 2—3 головы каждого вида продуктивных животных. Больше выращивалось крупного рогатого скота (2,7 головы) и овец (по 4,1 головы), меньше — свиней (2,3 головы).

Анализ численности нерабочего скота у крестьян позволяет сделать некоторые выводы о направлении крестьянского животноводства. Несомненно, одним из важнейших мотивов разведения скота было стремление получить удобрения, необходимые в полеводстве. Рост поголовья скота на протяжении XVIII в. был тесно связан с расширением пахотных площадей и повышением урожайности. По свидетельству Е. Тышкевича, даже в середине XIX в. многие крестьяне разводили скот прежде всего для получения навоза[3]. Далее, совершенно очевидно, что в первую очередь крестьянское животноводство должно было обеспечивать потребности крестьянской семьи в продуктах питания (мясо, молоко) и одежде (шерсть, кожа).

[1] W. Kula. Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963, s. 202.

[2] AG, д. 4568, лл. 348—349; РОБВУ, А-1276, лл. 48—51.

[3] E. Tyszkiewicz. Opisanie powiatu borysowskiego, s. 204.

Ф. И. Забелло даже считает, что внутрихозяйственное потребление полностью поглощало продукты крестьянского животноводства, и на рынок они не попадали [1].

Однако такая оценка не совпадает с общей характеристикой крестьянского рынка эпохи феодализма, сложившейся в исторической литературе, согласно которой крестьяне обычно продавали на местном рынке молочные продукты и мясо [2]. Не подтверждается она и нашими наблюдениями по магнатским вотчинам Белоруссии. Наличие в среднем 2,7 головы крупного нерабочего скота (см. табл. 10) да еще без телят до одного года, которые в большинстве случаев не учитывались в инвентарях, было достаточным для того, чтобы крестьянское хозяйство могло продавать часть животноводческой продукции. М. В. Довнар-Запольский отмечает, что даже имея 2,5 головы нерабочего рогатого скота на двор, в том числе 1,4 головы молодняка, крестьянин должен был сбывать молодняк [3]. Наши подсчеты дают более высокое обеспечение крестьянского хозяйства продуктивным рогатым скотом. Если же среди поголовья нерабочего крупного рогатого скота у крестьянина было больше коров, он мог продавать молочные продукты. Не следует при этом упускать из виду дифференциацию. Если средний крестьянин разводил часть крупного рогатого скота для реализации животноводческих продуктов, то тем более это мог делать зажиточный крестьянин. Бедняк же был лишен такой возможности.

Овец крестьяне держали немного. Если принять во внимание значительную потребность в шерсти на изготовление одежды, то четыре овцы на крестьянский двор не могли дать никаких излишков. Видимо, только зажиточные хозяева, содержавшие значительно больше овец, могли поставлять шерсть на рынок.

Свиноводство не получило большого развития. Однако при наличии 2—3 свиней на двор, средний крестьянин имел возможность продавать по крайней мере по одной откормленной свинье в год.

---

[1] Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі у другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства, стар. 141.

[2] W. Kula. Problemy i metody historii gospodarczej, s. 565—566.

[3] См. М. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-эканомічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII сталецьцях, стар. 27—28.

Таким образом, имеются основания сделать вывод, что продуктивное животноводство в волостях магнатских вотчин второй пловины XVII и XVIII в. хотя и не играло ведущей роли в крестьянском хозяйстве, тем не менее составляло весьма важную его отрасль, имевшую существенное значение как для удовлетворения внутрихозяйственных нужд, так и для рыночных связей крестьян.

Собранные нами материалы по животноводству позволяют выявить некоторые порайонные различия. Однако принятое в настоящей работе территориальное деление на центр, запад и восток их почти не отражает. Поэтому нами введено дополнительное деление запада Белоруссии на северо-запад и юго-запад (см. табл. 10). Как видно из этой таблицы, а также из табл. 9, наибольшее количество скота имелось у крестьян в волостях северо-запада и Припятского Полесья (Смядынь). В Невельском владении, входившем до 1772 г. в состав Великого княжества Литовского, в конце XVIII в. крестьяне владели весьма значительным количеством крупного рогатого скота. У Алексея Иванова из д. Хадорино было 10 голов скота, у Степана Савича — 8, у Власа Артанова из д. Харитоново — 7 голов и т. д.[1] Различия между перечисленными районами и остальной территорией Белоруссии по количеству продуктивного скота столь значительны, что не могут быть объяснены одной только многолюдностью дворов, которые на севере и отчасти в Полесье были крупнее. Видимо, зарождалась частичная специализация сельского хозяйства.

Наряду с ростом крестьянского продуктивного животноводства во второй половине XVIII в. начинают выступать факторы, препятствовавшие его дальнейшему развитию. В связи с увеличением поголовья скота в фольварках участились случаи захватов крестьянских лугов и пастбищ господским двором. Крестьянскому скоту в неблагоприятные годы не хватало кормов: в январе 1795 г. в Цеперской волости Клецкого княжества был составлен список «бедных людей... не имеющих, чем прокормить свой скот и за что купить корма». Содержание крестьянами рабочего скота в количестве, излишнем для хозяйства, но необходимом для выполнения барщинных работ, также наносило ущерб продуктивному живото-

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5012, л. 6.

водству. Магнаты иногда принуждали крестьян менять коров на рабочий скот. В Чернавчицах Радзивиллы проявили такое рвение, что установили штраф на случай, если корова будет обнаружена на отведенном для волов пастбище [1].

Повсеместно крестьяне разводили кур и гусей. Птицей уплачивался натуральный оброк в большинстве магнатских вотчин; она могла быть при наличии спроса предметом реализации. Как видно из документов, некоторые крестьяне держали по 10—15 гусей [2].

Занимались крестьяне и пчеловодством. Конечно, далеко не все хозяева имели на усадьбе ульи, но встречались пчеловоды, у которых во дворах насчитывалось более десятка колод [3]. Пасечное пчеловодство иногда дополнялось лесным бортничеством.

Дополнительным занятием крестьян наряду с земледелием и животноводством исстари были различные промыслы. К. Маркс указывал, что в условиях барщинного хозяйства производственная деятельность крестьян «отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и деревенскую домашнюю промышленность» [4].

Крестьянские промыслы и сельское ремесло в Белоруссии в XVI—XVIII вв. уже освещались исторической литературой [5]. Тем не менее следует кратко остановиться на развитии этих отраслей в исследуемых нами вотчинах.

Крестьяне магнатских вотчин повсеместно занимались сбором грибов и ягод, однако рынка сбыта для них в XVII—XVIII вв. не существовало. Часть сбора сдавалась в господский двор в виде натурального оброка. Остальное потреблялось в крестьянском хозяйстве. Большее зна-

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 66; д. 6673, л. 561; д. 9373, л. 26.
[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5012, л. 6; оп. 4, д. 5858, л. 271.
[3] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4010, лл. 7, 16.
[4] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1951, стр. 807.
[5] См. Д. Л. Похилевич. Плебейский люд (лезные) в деревне Речи Посполитой. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 167—168; З. Ю. Копысский. Рыночные связи сельского хозяйства Белоруссии XVI — первой половины XVII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 146—148; В. И. Мелешко. Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.», стр. 255—256; Из истории аграрных отношений в Восточной Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII вв. Acta Baltico-Slavica, t. V, s. 62—74, 84—87.

чение имел сбор дикорастущего хмеля, пользовавшегося значительным спросом в связи с развитием пивоварения. Крестьяне волостей Давид-Городка продавали собранный ими хмель господскому двору [1]. Если даже считать, что эта продажа носила принудительный характер, то корчмарям и арендаторам пивоварен крестьяне могли продавать хмель свободно.

Там, где позволяли природные условия, крестьяне занимались охотой. В отличие от королевских владений, где крестьянам зачастую разрешалась охота на всякого зверя, кроме лосей, в магнатских вотчинах феодалы монополию охоты на «большого зверя» сохраняли за собой. Крестьянам оставались лишь мелкие зверьки и лесная птица, не представлявшие интереса для магнатов. Более широкие права имели только лесники [2].

Крестьяне повсеместно занимались рыболовством, а господский двор ограничивался взиманием с них части улова, а иногда денежной платы («похаж»). В Полоцком воеводстве, на притоках Западной Двины крестьяне вели промысловый лов рыбы. Для некоторых крестьян рыбная ловля была основным занятием. С господским двором они рассчитывались либо частью улова, либо работой, облавливая, в порядке барщины, господские водоемы [3].

В XVI в. в Белоруссии было сильно развито лесное бортничество. На протяжении XVII и тем более XVIII вв. упоминания о крестьянском бортничестве в магнатских вотчинах встречаются все реже и реже. Они относятся главным образом к волостям, расположенным в районах больших лесных массивов, таких, как Наднеманская, Налибокская, Беловежская и другие пущи [4].

Как и повсюду в Белоруссии, во второй половине XVII и XVIII в. в магнатских вотчинах были развиты колесный и бондарный промыслы. Сельские бондари, колесники и каретники в первую очередь выполняли заказы господского двора, за что их освобождали от

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 259; д. 4207, лл. 13, 33.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 250—251; оп. 4, д. 1556, л. 206.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4207, л. 13; д. 4975, л. 187; д. 6683, л. 30; д. 8149, л. 65; оп. 7, д. 222, л. 13; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 111, л. 546; д. 3988, л. 25; ф. 1135, оп. 14, д. 156, л. 4; РОБВУ, А-1398, л. 6.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4356, л. 5; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11494, л. 4.

барщинных работ в поле, причитавшихся с их земельного надела. Во второй половине XVIII в. в связи с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений господский двор в значительной степени перешел к системе покупки бондарных, колесных и других изделий от своих же крепостных или на рынке. Сельские колесники и бондари обслуживали не только местные нужды фольварка и деревни. Они вывозили свои изделия на базары городов и местечек[1].

Многие крестьяне занимались промыслами как основной деятельностью. В источниках они именуются «ремесленниками». Инвентарь Давид-Городка за 1798 г. перечисляет следующих «ремесленников, живущих за счет леса». Это: «каретники, токари, столяры, бондари, колесники, те, которые делают сани, решетники, коробейники, угольщики и кузнецы». Им разрешалось за определенную годовую плату рубить лес на нужды своего промысла. Такое же разрешение давалось бондарям в уставе Дубровненского графства за 1775 г.[2]

Количество крестьян, занимавшихся сельскими промыслами, во второй половине XVIII в. было довольно велико, особенно в волостях экономически более развитых. Так, в Налибокской волости (в районе известной мануфактуры) в 1785 г. в шести деревнях проживал 101 «мастер». При средней населенности деревни того времени в центральной Белоруссии, обычно не превышавшей 30—50 дворов, это означало, что около четверти всего населения было занято промыслами. Наблюдалась довольно узкая специализация. Здесь имелось 10 человек бондарей, «работающих из сосны» и 3 человека, «работающих из дуба», 29 колесников, изготовлявших ободья, 26 человек, делавших большие бочки и кадки, 8 человек, занимавшихся выработкой мелкой утвари, 6 корытников и 6 токарей. От своего ремесла они платили господскому двору годовой денежный сбор, дифференцированный в зависимости от вида изделия и масштабов своей продукции. И только о пяти «мастерах»

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1708, л. 39; д. 4356, л. 4; д. 4975, лл. 181, 184; д. 5001, лл. 33, 34, 77; д. 5704, л. 116; д. 9102, л. 58; оп. 7, д. 220, л. 3; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 183, л. 35.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1742, л. 51; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 55.

в источнике сказано, что они частично работали и на господский двор. Таким образом, в основном вся вырабатываемая продукция шла на сбыт [1].

В лесах и пущах, принадлежавших магнатам, издавна работали угольщики, смолокуры, «поташники» и «будники». Выплавкой железа из болотной руды занимались «рудники». Иногда это были крепостные, приписанные к предприятию феодала и работавшие на нем вместо обычной барщины [2], иногда — пришлые люди — «люзные», которые строили свои отношения с феодалами на договорных началах [3]. Но случалось и так, что этими промыслами занимались местные крестьяне, платившие магнату определенную сумму за разрешение на промысел и в возмещение стоимости сырья. Угольщиков мы находим в Давид-Городке в 1798 г. О смолокурах, несомненно, идет речь в инвентарях Дубровненского графства за 1740—1775 гг., устанавливающих плату по 5 злотых от каждой смолокуренной печи, которую обнаружит лесник в пущах Сапег. «Рудники» по фамилии Клепацкие (2 семьи и их потомство) были оседлыми жителями д. Белая в Сморгонском владении, как в 1723, так и в 1755 гг. Рудню они арендовали у Радзивиллов [4].

Домашним ткачеством на свои нужды занимались все крестьяне. Но в некоторых районах ткачество принимало характер промысла. В ряде владений мы находим крестьян-ткачей, специализировавшихся в этой деятельности. Местами возникали кусты крестьян-ткачей, работавших по заказам господского двора и на сбыт. В Тимковичской волости с XVIII по XX в. занимались художественным ткачеством, выделывали узорчатые скатерти и полотенца [5].

Для второй половины XVIII в. характерно возрастающее влияние товарно-денежных отношений на крестьянские промыслы. В некоторых районах развивался

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5705, лл. 28—34.

[2] Там же, д. 2255, лл. 8, 21; д. 4207, лл. 22—25.

[3] См. Д. Л. Похилевич. Плебейский люд (лезные) в деревне Речи Посполитой. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 167.

[4] ЦГИА БССР, ф. 3258, оп. 1, д. 11, л. 32; д. 14, л. 56; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 998, л. 15; д. 1189, л. 17.

[5] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8435, лл. 1—23; д. 8437, лл. 13—57; «Россия». Полное географическое описание нашего отечества, т. IX. СПб, 1905, стр. 286.

маслобойный промысел. Крестьяне выжимали масло из конопляного семени, а магнаты покупали у них этот продукт на внутрихозяйственные нужды и для перепродажи. Вотчинное предпринимательство требовало усиленного строительства, обеспечить которое только барщинным трудом не представлялось возможным. Крестьяне выжигали известь, добывали камень, занимались кирпично-черепичным производством, заготовляли дранку и паркет. За заготовку и доставку этих материалов крестьяне Клецкого княжества получали от господской администрации плату деньгами и натурой. Платили своим подданным за выжиг извести и Потоцкие во владении Россь[1].

С развитием лесной промышленности увеличивалось количество крестьян, занятых в этой отрасли хозяйства. Они работали на лесном сплаве, на лесопилках. Некоторые из них были заняты на речном транспорте рулевыми и паробками-матросами на «вицинах» (баржах)[2].

На границе между промыслом и ремеслом находились сельские мельники и винокуры. Мельники в большинстве случаев работали на мельницах, принадлежавших феодалу и находившихся либо в аренде у откупщика, либо в собственном управлении магнатов. Обычно за труд мельники получали вознаграждение в виде 1/3 части гарнцевого (помольного) сбора. Иногда они самостоятельно арендовали мельницы. Так, Сверженская мельница во второй половине XVII в. «принадлежала» мельникам Яну и Андрею Анциловичам, а потом была сдана их наследникам[3].

Винокуры чаще всего были загружены работой по своей специальности только в сезон винокурения, остальное время они трудились в своем хозяйстве. В конце XVIII в. у магнатов появляются постоянные винокуры[4].

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 258, 273, 309, 327, 420; д. 6673, лл. 7—20, 76; д. 7747, л. 4; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 399.

[2] См. А. М. Карпачев. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 289—292; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2255, лл. 5—6; д. 5001, л. 34.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, л. 8; оп. 4, д. 1661, лл. 3—4; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 56; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1142, л. 19.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 17—18; 95, 226, 245; д. 8438, лл. 3—8.

Среди сельского населения феодальных владений Белоруссии в XVII—XVIII вв. обычно имелись представители нескольких ремесленных профессий. Это были главным образом кузнецы, плотники, столяры, слесари, портные, сапожники, каменщики. В XVII в. они представляли собой преимущественно крестьян-слуг, которые соединяли ремесло с сельским хозяйством и обслуживали нужды господского двора в порядке феодальной повинности. В связи с этим их наделы освобождались от барщины. Количество таких слуг-ремесленников в отдельных владениях было довольно значительно. На протяжении XVIII в., особенно во второй его половине, развитие товарно-денежных отношений привело к вытеснению ремесленников-слуг более квалифицированными ремесленниками городов и местечек, у которых феодалы заказывали или покупали необходимые им изделия. Оставшиеся в деревнях ремесленники — это уже не крестьяне-слуги, а ремесленники-профессионалы. Так характеризуется эволюция сельских ремесленников Д. Л. Похилевичем [1].

Она полностью подтверждается и документами по магнатским вотчинам. Уже в первой половине XVIII в. сельские ремесленники, служившие за надел, лишь спорадически использовались в хозяйстве магнатов. Во второй половине XVIII в. магнаты со всеми ремесленниками рассчитывались деньгами и сами требовали с них за пользование землей уплаты денежного чинша или даже выполнения барщинных повинностей. Во владении Деречин в 1794 г. насчитывалось 14 ремесленников, из них шесть были плотниками, двое — пильщиками; имелись также кирпичник, каменщик, канатник. При этом часть из них работала на месте или вблизи от места жительства, а часть — в отходничестве [2].

На протяжении второй половины XVII и XVIII в. крестьянские промыслы проходили своеобразную эволюцию. В то время как роль примитивных промыслов (собирательство, охота, рыболовство, бортничество) в

[1] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII вв. Сб. «Средние века», вып. 21, стр. 144, 154, 168.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714; лл. 17—18; д. 1742, л. 51; д. 4207, л. 20; д. 5001, лл. 34—35; д. 5705, лл. 28—34; д. 9259, л. 15; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11778, лл. 38—63; РОБВУ, А-1483, л. 16.

связи с интенсификацией сельского хозяйства, ростом населения, сокращением площадей охотничьих угодий уменьшалась, значение промыслов, связанных с переработкой того или иного сырья (бондарный, колесный, смолярно-поташный и т. п.), увеличивалось. При этом происходила товаризация перерабатывающих промыслов, включавшая подрядные операции (см. гл. IV).

Что же касается сельского ремесла, то оно к концу XVIII в. в значительной мере вытесняется ремесленным трудом жителей городов и местечек.

Изучение эволюции отдельных отраслей крестьянского хозяйства позволяет сделать вывод, что крестьяне в магнатских вотчинах, как и в целом по Белоруссии, сумели дважды восстановить разоренную войнами экономику села. Во второй половине XVIII в. деревня магнатских вотчин вступила в новую полосу развития. Увеличилась численность населения, расширились посевные площади, улучшилась агротехника, повысились урожаи, возросло поголовье рабочего и продуктивного скота.

Такие результаты исследований по магнатским вотчинам дают основание отказаться от оценки второй половины XVIII в. как периода упадка и деградации сельского хозяйства Белоруссии.

Процессы восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства Белоруссии тормозились крепостничеством и барщиной. Отрицательное воздействие этих факторов на экономику восточно-европейских стран известно, оно разработано советской наукой. Однако в последнее время буржуазные историки, выпячивая крепостничество, всячески подчеркивают и чрезмерно преувеличивают экономическую отсталость стран, расположенных к востоку от Эльбы [1]. В основе таких оценок, несомненно, лежит тенденциозное отношение к историческому прошлому народов СССР.

Изучение производительных сил деревни в магнатских вотчинах показывает на конкретном материале, что, несмотря на тормозящую роль крепостнического строя, сельское хозяйство Белоруссии, хотя и медленнее, чем в соседних странах, проявляло тенденцию роста.

---

[1] М. М. Штранге. История СССР периода феодализма в новейших многотомных французских изданиях. Сб. «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962, стр. 50.

Глава III

ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН

1. Эволюция феодальной ренты во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

Из всех разделов истории белорусского крестьянства XVII—XVIII вв. наиболее разработана феодальная рента. Большое место уделено ренте в работах В. И. Пичеты, Ф. И. Забелло, К. И. Керножицкого, С. Косцялковского, А. Жабко-Потоповича, В. Вечорека, Г. Ловмяньского и некоторых других авторов. Она находится в центре внимания исследований Д. Л. Похилевича, посвятившего ей ряд работ.

И все же проблема ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. требует дальнейшего изучения. Прежде всего следует сказать, что в опубликованных трудах фактический материал, касающийся ренты, в большинстве случаев фигурирует в качестве отдельных примеров, а не в виде сводных данных по большим территориям. Недостаточность цифровых показателей затрудняет суждение о масштабах описываемых явлений. Правда, В. Вечорек приводит подсчеты по 1095 деревням, но принятая им методика исчисления ренты с земельной площади безотносительно к крестьянским хозяйствам не отражает реального обременения крестьянства. Поэтому его подсчеты не могут нас удовлетворить.

Недостаточность материалов, использованных историками, привела к принципиальным разногласиям в оценке динамики феодальной ренты XVII — XVIII вв. Длительное время в белорусской историографии удерживалось мнение, что феодальная рента на протяжении XVI—XVIII вв. непрерывно возрастала, причем отмечался безудержный рост отработочных повинностей. В результате весь период XVII—XVIII вв. характеризовался историками как полное и безраздельное господство барщинных порядков (В. И. Пичета, И. Ф. Лочмель

и др.) [1]. Это представление опровергается Д. Л. Похилевичем. По разработанному им положению во второй половине XVII — первой половине XVIII в. основное направление эволюции феодальной ренты в Белоруссии состояло в ослаблении, а то и ликвидации барщины и широком развитии денежной ренты при общем снижении крестьянских повинностей с последующим возвратом к барщине во второй половине XVIII в. Дольше и полнее всего денежная рента применялась в королевских экономиях, менее продолжительно — в староствах и еще меньше — в частновладельческих поместьях. Что же касается магнатов, то они, по мнению Д. Л. Похилевича, «особенно после «потопа» (после войн 1648—1667 гг.— *П. К.*), широко практиковали чинш [2]. Иную позицию занимает Е. П. Шлоссберг, который сначала полностью отрицал очиншевание, а позже признал наличие этого процесса только в староствах [3].

Историки неоднократно отмечали, что в Белоруссии XVII—XVIII вв. имелись порайонные различия в формах ренты, что на востоке меньше была развита барщина, а больше чинш (И. Барановский, Е. П. Шлоссберг, В. И. Мелешко) [4].

Однако сопоставление конкретных показателей феодальных повинностей разных районов, хотя бы по ограниченному кругу объектов, пока не производилось.

Отдельные авторы (А. Турцевич, Г. Ловмяньский, В. М. Горцев) делали подсчеты общего бремени феодальных повинностей. К сожалению, А. Турцевич и Г. Лов-

---

[1] См. В. И. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии, стр. 63, 65; И. Ф. Лочмель. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов, стр. 61—62.

[2] Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 150, 156.

[3] См. Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 116; История БССР, т. 1, стр. 200, 205.

[4] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 258—270; Е. П. Шлоссберг. История БССР, т. 1, стр. 201—202; В. И. Мелешко. О феодальной ренте и развитии товарно-денежных отношений в королевских экономиях восточной Белоруссии в конце XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 292; Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.», стр. 253—254.

мяньский дали только статическую картину второй половины XVIII в. без каких-либо сопоставлений, а В. М. Горцев, сопоставляя повинности конца XVIII в. с обременением крестьян в конце XVI в., не учитывал изменений курса денег и роста цен, а также не произвел пересчета литовских и польских грошей в единую валюту [1]. В результате его исследование не дает возможности получить правильное представление об изменении бремени повинностей.

В опубликованных работах учитывались только два показателя соотношения форм ренты: количество тяглых крестьян и объем еженедельной барщины. Иногда только по этому объему делался вывод о господстве барщинной системы [2]. Между тем в условиях Белоруссии одних этих показателей, как мы увидим далее, недостаточно.

Основные исследования проблемы ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. производились главным образом по материалам королевских экономий и старость (Д. Л. Похилевич, К. И. Керножицкий и др.). Частное же землевладение затрагивалось очень мало.

Е. П. Шлоссберг привлек материалы за вторую половину XVII и XVIII в. по восьми магнатским владениям, в том числе по Сморгони, Тимковичам, Давид-Городку и Глуску, но не использовал всех имеющихся по ним источников [3].

Таким образом, магнатские вотчины Белоруссии оставались почти неисследованным объектом также и по вопросам ренты. Некоторые положения об эволюции феодальной ренты в магнатских вотчинах уже были высказаны автором настоящей работы в опубликованных ранее статьях. Новые архивные материалы позволяют развить, а отчасти и скорректировать эти положения.

Изучение источников по магнатским вотчинам Белоруссии показало, что в XVII—XVIII вв. в них почти не

---

[1] См. А. О. Турцевич. Предисловие. АВАК, т. XXXV, стр. XXIV; Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши, стр. 34; H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach, s. 68; В. М. Горцаў. Аб эканамічным становішчы беларускага сялянства ў складзе Рэчы Паспалітай. «Весці Акадэміі навук БССР», 1958, № 3, стар. 68—74.

[2] См. Е. П. Шлоссберг. История БССР, т. I, стр. 201—205.

[3] См. Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 105—127.

встречалось «чистого» типа феодального хозяйства: либо барщинного, либо чиншевого и натурально-оброчного. В одних и тех же владениях имелись деревни и целые волости, находившиеся на чинше, наряду с деревнями и волостями, отбывавшими барщину. Даже в одной и той же деревне проживали тяглые и чиншевые («куничные») крестьяне. Более того, крестьяне любого разряда зачастую выполняли одновременно отработочные, натуральные и денежные повинности. Это дает основание сделать вывод, что в магнатских вотчинах господствовала смешанная рента, объединявшая все три ее основные формы, которые переплетались друг с другом [1].

Для выяснения, какая форма и в какой степени преобладала в магнатских вотчинах Белоруссии, нами были привлечены два вида данных: сведения о соотношении разрядов крестьянства и распределение пахотной земли крестьян по видам выполнявшихся с этой земли повинностей.

Соотношение разрядов крестьян — весьма важный показатель для определения форм ренты, так как известно, что при всем многообразии повинностей, отработочные играли основную роль только у тяглых крестьян, в то время как у остальных они носили характер дополнительных обязанностей, а на первом плане находились денежные платежи феодалу. Поэтому изменение численности тяглых крестьян является показателем роста или уменьшения удельного веса как отработочной ренты, обременявшей этот разряд крестьян, так и денежной, которую платили остальные разряды.

Изменения численности тяглых во второй половине XVII — первой половине XVIII в. были прослежены по 20 магнатским вотчинам, расположенным в разных районах Белоруссии, по которым сохранились сопоставимые инвентари за многие годы. Подсчеты показали, что в трех из этих 20 объектов крестьяне были полностью переведены на чинш, а в 13 — удельный вес тяглых уменьшился (см. табл. 11). Судя по датам инвентарей, уменьшение численности тяглых хронологически связано с двумя этапами: после войны 1655—1667 гг. и после Се-

[1] О смешанной ренте в Белоруссии см. Д. Л. Похилевич. «Капиталистические» зигзаги в истории феодального поместья. В кн. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», стр. 45.

верной войны (для Белоруссии 1700—1717 гг.). Таким образом, вопреки утверждениям Е. П. Шлоссберга, факты очиншевания крестьян в магнатских вотчинах отмечены как во второй половине XVII в., так и в первой половине XVIII в. Правда, некоторые инвентари, составленные непосредственно в военные годы, содержат данные о более высоком удельном весе тяглых, чем послевоенные документы (Чернавчицы, Манкевичи, Тимковичи). Это объясняется характером источников. Инвентарь обычно с опозданием фиксировал фактическое положение, сложившееся в феодальном владении до составления этого документа. Часто инвентари переписывались с более ранних, особенно в периоды войн, когда администрация вотчин плохо функционировала, а иногда и доступ в отдельные владения для представителей магната мог быть затруднен. Поэтому встречающиеся более высокие показатели тяглых во время войн следует отнести к довоенному периоду.

Снижение удельного веса тяглых в периоды экономического упадка было обусловлено разорением крестьянских хозяйств. Крестьяне настойчиво добивались у магнатов освобождения от барщины и перевода на чинш; они жаловались на разорение и обременительность для них барщинных повинностей. Магнаты вынуждены были прислушиваться к этим жалобам, опасаясь, что оставшиеся у них крестьяне разбегутся. В источниках встречаются записи о переводе тяглых крестьян в чиншевые. Так, в инвентаре владения Моствиловичи за 1730 г. говорится о крестьянах, ранее являвшихся тяглыми, а в настоящее время зачисленных в чиншевики. Устав владения Денисковичи за 1734 г. сообщает о том, что прежняя барщина тяглых крестьян заменена чиншем. Косвенные сведения об очиншевании содержатся в инвентарях владений Давид-Городок (1753 г.), Горки (1742 г.), Островно (1700 г.) [1].

Возникает вопрос, какие масштабы принял процесс перевода крестьян на чинш в магнатских вотчинах и как он протекал в различных районах Белоруссии. Данные табл. 11 говорят о том, что полное очиншевание, т. е. перевод всей вотчины на денежную ренту, случалось редко.

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 296, лл. 53, 55; оп. 2, д. 1708, л. 45; д. 2085, л. 5; д. 4652, л. 12; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 47, л. 931; РОБВУ, А-1792, лл. 16—17.

Преобладал частичный перевод на чинш отдельных волостей, деревень, крестьянских дворов. На западе и в центре этот перевод не затрагивал большинства тяглых, а касался лишь некоторой, иногда совсем небольшой их части (Тимковичи, Клецк, Деречин — около 1/3, Сморгонь — 1/4, Цепра, Манкевичи, Островчицы, Ружаны — менее 1/10). Иная картина наблюдается на востоке. Полностью очиншованы Дубровно, Горы-Горки, Хальча, а в тех владениях, в которых перевод был частичным, как например в Островно, Глуске, он принял внушительные размеры.

Такое положение обусловливалось развитием поместного хозяйства магнатских вотчин Белоруссии и его особенностями в отдельных зонах. Как указывалось выше, магнаты в отличие от администрации королевских владений и в период экономического упадка сохранили фольварочное хозяйство в своих центральных и западных вотчинах. Они нуждались в барщинном труде для обработки фольварков и всюду, где им это удавалось, оставляли крестьян на тяглой повинности. На востоке магнаты почти полностью отказались от фольварочного хозяйства, и крестьяне в большинстве своем были переведены на чинш. Поскольку, однако, фольварочное хозяйство на востоке и ранее (первая половина XVII в.) было сравнительно слабо развито и тяглые крестьяне там не составляли большинства [1], перевод их на чинш не оказал решающего влияния на эволюцию ренты по Белоруссии.

Для того чтобы получить цифровое выражение изменений в соотношении разрядов крестьянства, были подсчитаны данные по 15 важнейшим магнатским латифундиям и сведены в одну таблицу (табл. 12). По каждой из трех зон взято пять латифундий. К сожалению, в восточной зоне сопоставимых сведений по XVII в. не оказалось. По сравнению с данными отдельных владений показатели таблицы более схематичны. Они сглаживают кратковременные колебания, имевшиеся в пределах того или иного пятидесятилетия, на которые разделена таблица. Но зато они дают более общее представление об

[1] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 258—259; В. И. Мелешко. Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.», стр. 249—250.

эволюции ренты за длительный период. Из таблицы можно легко убедиться, что удельный вес тяглого крестьянства в центральных и западных магнатских вотчинах на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. не подвергался резким колебаниям. В центре он был стабильным (63%), на западе в первой половине XVIII в. несколько снизился (с 71 до 66%).

В литературе нет необходимых данных по первой половине XVII в. Произведенные нами для сравнения подсчеты по семи имениям, входившим в состав трех латифундий, представленных в таблице, дают для центральной зоны показатель 66% тяглых. С известной условностью его можно сопоставить с данными таблицы по этой зоне. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. обнаруживается небольшое снижение удельного веса тяглых по сравнению с первой половиной XVII в. Правдоподобность цифр, содержащихся в табл. 12, может быть дополнительно проверена путем подсчета по довольно широкому материалу, охватывающему 25 владений за первую половину XVIII в. (табл. 13-А). Хотя в этот новый расчет включены наряду с владениями, фигурирующими в табл. 12, также некоторые другие владения, процентные показатели обеих таблиц в отношении удельного веса тяглых почти полностью совпадают.

Удельный вес крестьян, платививших денежный чинш (чиншевиков или куничных, бояр, земян, так называемых «вольных») изменялся соответственно колебаниям удельного веса тяглых. Их численность увеличивалась, когда уменьшалось количество тяглых, и наоборот. В первой половине XVIII в. нетяглые разряды, взятые вместе, составляли в западных и центральных вотчинах 1/3 крестьян (см. табл. 13-А). На востоке же явно преобладало чиншевое крестьянство, на долю которого приходилось 4/5 всего сельского населения вотчин.

Если теперь подвести итоги анализа всех трех таблиц (11, 12, 13-А), станет очевидным, что очиншевание, понимаемое как качественное изменение, как перевод крестьян из разряда тяглых в разряд чиншевых, хотя и имело место в магнатских вотчинах, но не было ни массовым, ни повсеместным. Иначе и не могло быть, ибо восстановление фольварочного хозяйства, в особенности в центре и на западе, осуществлялось магнатами двумя

способами: как «через село», так и «через фольварк», в зависимости от конкретных условий. Иногда одним и тем же владельцем в разных вотчинах обе системы применялись одновременно. В этом коренное различие между развитием магнатских вотчин и королевских экономий.

Отсутствие массового перевода крестьян на чинш не означает, однако, стабильности соотношения отработочной и денежной форм ренты. Чтобы полнее раскрыть эволюцию этих форм, необходимо обратиться к другим показателям — количественным данным, отражающим характер крестьянского земельного держания и размеры повинностей.

Размер барщинных повинностей в любых условиях является одним из показателей, характеризующих обременение крестьян отработочной рентой. Что касается земельного держания, то оно влияло на форму ренты лишь в специфических условиях Белоруссии и некоторых других земель, входивших в состав Речи Посполитой. Дело в том, что основную отработочную повинность — еженедельную барщину — тяглый крестьянин в Белоруссии отбывал не со всего своего надела, а только с тяглой его доли. За пользование же другой долей—приемной — он платил денежный чинш. Между тем структура крестьянского надела не была неподвижной, а изменялась, т. е. изменялось соотношение между тяглой и приемной его долями. На протяжении XVII—XVIII вв. структура надела тяглых крестьян изменялась в одном направлении: тяглая доля уменьшалась, а приемная доля возрастала (см. табл. 5). Если в первой половине XVII в. удельный вес приемной земли в центральных вотчинах составлял 10%, то во второй половине XVIII в. он достиг 40%.

Аналогично протекал этот процесс и в других зонах. Совершенно очевидно, что возрастание приемных земель увеличивало удельный вес денежной и уменьшало вес отработочной ренты в системе феодальной эксплуатации крестьянства. Таким образом, приемные земли являлись не только формой освоения крестьянами пустошей и новых разработок, но и одним из важнейших факторов эволюции феодальной ренты. Эта последняя функция приемных земель заставляет внимательно изучить соотношение между тяглыми и «нетяглыми» землями в кре-

стьянском земельном фонде. Под нетяглыми подразумеваются земли приемные, а также основные наделы куничных (чиншевиков), бояр, земян и так называемых «вольных» людей, за пользование которыми их держатели вносили денежный чинш как единственную или основную повинность (куничные) либо наряду со специальными услугами (военная служба бояр и земян).

Произведенные подсчеты по инвентарям 21 владения, сопоставимым за разные годы, показали, что на протяжении второй половины XVII—XVIII вв. в 17 владениях было временное или устойчивое снижение удельного веса тяглых земель, а в четырех владениях — его увеличение (табл. 11). Удельный вес тяглых земель возрастал прежде всего в некоторых восточных вотчинах (Дубровно, Горы-Горки) и отчасти уже во второй половине XVIII в. На западе и в центре происходило снижение удельного веса тяглой доли в крестьянском земельном фонде. Цифровое выражение этой тенденции содержит табл. 12. Удельный вес тяглых земель в центральных вотчинах снизился в первой половине XVIII в. по сравнению со второй половиной XVII в. с 38 до 31%, а в западных — с 39 до 38%. Более значительное снижение произошло во второй половине XVIII в. В первой половине XVII в., как можно судить на основании подсчетов, произведенных по более ограниченному материалу, удельный вес тяглых земель был выше, чем во второй половине этого столетия, по западу (45%) и такой же — (38%) по центру. Таким образом, общая тенденция снижения в центре и на западе удельного веса тяглых земель за счет роста нетяглых — налицо.

Расширение объекта исследований по первой половине XVIII в. до 22 владений (8 центральных и по 7 западных и восточных) дало почти такие же процентные показатели, что и расчеты по 15 латифундиям, а тем самым подтвердило их правильность (см. табл. 14-А).

Рассмотренный процесс роста нетяглых земель в крестьянском земельном фонде западных и центральных вотчин дает основание говорить об увеличении удельного веса денежной ренты за счет отработочной. Следовательно, рост значения денежной ренты в периоды упадка, составляющий сущность концепции Д. Л. Похилевича, в некоторой степени имел место и в магнатских вотчинах Белоруссии, если говорить об обоих периодах в

целом. Однако проявлялся он в иных формах, чем в королевских владениях, и принял другие масштабы. Он выразился не в полном переводе крестьян с барщины на чинш, а в изменении структуры крестьянского надела с уменьшением в его составе той доли пахоты, с которой исчислялась еженедельная барщина, и увеличении доли приемных земель. Магнаты в центральных и западных вотчинах сохранили, в основном, крестьян в качестве тяглых, но вынуждены были уменьшить удельный вес барщины в составе их повинностей. О том, какие размеры принял этот сдвиг, в каком из двух периодов упадка и в какой форме проявился, можно судить лишь после изучения динамики отдельных крестьянских повинностей, как барщинных, так и денежных, и их сопоставления на разных хронологических этапах.

Основные повинности у каждого разряда крестьян были различны. По ним, собственно, и определялись сами разряды. Вместе с тем имелись и такие повинности, которые были общими для всего крестьянства или для преобладающей его части.

Среди повинностей тяглых крестьян на первом месте, естественно, находились отработочные, состоявшие из нескольких видов.

Важнейшим видом была еженедельная барщина. В XVII—XVIII вв. она исчислялась с единицы земельной площади (волоки тяглой земли или ее доли) либо с крестьянского тяглого хозяйства (двора, дыма), либо исчисление заменялось общим указанием обеспечить посев и уборку урожая на определенной ниве [1]. Последний способ определения барщины практиковался, когда фольварк только начинал складываться или находился в стадии ликвидации (Полесская волость Давид-Городокского владения — 1728 г., Денисковичи — 1734 г.) [2]. В подобных случаях барщина составляла переходную ступень к таким видам повинностей, как гвалты и толока.

Чаще всего барщина определялась числом рабочих дней в неделю с волоки. Гораздо реже встречаются в источниках случаи исчисления барщины с дыма.

Необходимо отметить, что в некоторых магнатских

---

[1] W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w., s. 55.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1702, л. 41; д. 2085, л. 5.

вотчинах поземельное и подымное исчисление барщины переплетались, особенно в XVII столетии. Число дней барщины с волоки иногда дополнялось так называемой «дымщиной». Из текста документов по магнатским вотчинам явствует, что термин «дымщина» означал не конкретную повинность, а лишь способ исчисления еженедельной барщины с дыма [1].

В исторической литературе имеются противоположные взгляды на эволюцию размеров еженедельной барщины в Белоруссии. Г. Ловмяньский, В. И. Пичета, Е. П. Шлоссберг находят, что во второй половине XVII— первой половине XVIII в. в связи с сокращением численности тяглого населения росла обременявшая его барщина. По мнению В. И. Пичеты, восстановление фольварочного хозяйства было связано с одновременным ростом барщины и оброка [2].

Точку зрения этих авторов не разделяет, по-видимому, Д. Л. Похилевич, который на основе материалов второй половины XVII в. делает вывод, что «процесс в основном идет путем ослабления, а то и ликвидации барщины и широкого развития денежных платежей при общем снижении крестьянских повинностей» [3].

Для исследования динамики еженедельной барщины в магнатских вотчинах нами были изучены материалы по 103 владениям различной величины. Однако сопоставимые данные за разные периоды имеются только по 26 объектам. Они отражены в табл. 15. Эта таблица содержит два показателя. Первый из них — число дней барщины с волоки тяглой земли почерпнут непосредственно из источников. Но, как известно, тяглая доля в крестьянском наделе не была постоянной величиной. Поэтому, чтобы получить более верное представление о реальном обременении барщиной тяглого хозяйства, был произведен пересчет барщины с волоки в барщину с

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4542, л. 1; д. 8417, л. 30.

[2] H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795), s. 64—65; В. И. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии, стр. 51, 62; Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 119.

[3] Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 150.

дыма, чего до сих пор не делали историки. Для этого потребовалось предварительно определить среднюю площадь тяглой доли надела для каждого владения и каждого периода. В результате был получен второй показатель таблицы, отражающий динамику барщины с дыма. В тех случаях, когда исчисление барщины с дыма было принято в самом источнике, пришлось производить обратную операцию.

Таблица показывает чрезвычайную пестроту барщинных повинностей в отдельных владениях. Она была обусловлена различным соотношением между барщиной и другими повинностями и прочими, чисто местными условиями. Однако через всю эту пестроту проглядывают и определенные закономерности, порожденные общими для всех владений факторами развития.

Прежде всего бросается в глаза почти повсеместный рост барщины в поземельном исчислении. В некоторых владениях число дней барщины с волоки возросло за столетие в полтора-два и даже в три раза (Чешейковщина с 1636 по 1727 г.). Однако этот рост вовсе не сопровождался таким же увеличением барщины в подымном исчислении, которая, если и увеличивалась вслед за поземельной, то значительно медленнее. А иногда случалось и так, что при увеличении барщины с волоки, по расчету с дыма, она даже уменьшалась (Давид-Городок с 1665 по 1691 г.). Это объясняется регулирующей ролью приемных земель в области ренты. Когда магнаты, стремясь увеличить повинности крестьян, повышали норму барщины с волоки, крестьяне реагировали отказом от части тяглого надела, сокращением его площади. Тогда землевладелец вынужден был мириться с переходом части крестьянских земель в категорию приемных. А изменение структуры надела сводило на нет первоначальный рост барщинного обременения, фактически ложившегося на крестьянское хозяйство (дым) или по крайней мере ограничивало его. О том, что росло быстрее: норма барщины с волоки или удельный вес приемных земель, решало в каждом конкретном случае соотношение сил сторон, состояние их хозяйства, острота классовой борьбы. В 60—70-х годах XVII в. случалось, что рост барщины осуществлялся за счет увеличения «дымщины», и тогда подымная норма барщины увеличивалась быстрее, чем поземельная.

При таких обстоятельствах представляется наиболее целесообразным изучать динамику барщины в подымном исчислении, отражающем фактическое обременение крестьянства. Рассмотрение 26 владений (табл. 15) показало, что в 18 из них еженедельная барщина с дыма снижалась либо после разорения 50—60-х годов XVII в., либо после Северной войны. В большинстве случаев (12 из 18) это снижение сменялось последующим ростом. В восьми владениях барщина возрастала на протяжении второй половины XVII—XVIII в. или оставалась на одном уровне. Такие результаты объясняются двумя путями восстановления фольварочного хозяйства, применявшимися в магнатских вотчинах. Там, где восстановление велось «через фольварк», норма еженедельной барщины возрастала. Так, во владении Сопотвин (Клецк) господские посевы между 1645 и 1679 гг. увеличились с 66 до 108 виленских бочек зерна. В то же время барщина с дыма в этом владении выросла с 2,2 до 3,2 дней.

Магнаты Белоруссии, стремившиеся сохранить свои фольварки после войн середины XVII в., при резком уменьшении численности населения в ряде случаев возлагали на оставшихся в волостях тяглых крестьян более тяжелые барщинные повинности. Такого рода изменения очень красочно отразил польский сатирик (сам магнат) К. Опалинский. Останавливаясь на увеличении барщинных повинностей в Речи Посполитой, он писал:

«... Где было двадцать или более,
Там восемь-десять выйдет в поле,
Но надо сделать десяти
Работу прежних двадцати»...[1]

Конечно, выполнять повышенную барщину могли только крестьяне тех волостей и деревень, которые не подверглись большому разорению и сравнительно быстро восстановили свое хозяйство. Хотя магнатские вотчины менее пострадали, чем другие виды феодальных владений, но все же таких поместий, которые бы избежали разорения в оба периода войн, было немного. Поэтому если не в первом, то во втором периоде магнатам приходилось прибегать к восстановлению хозяйства «через село» и снижать размер барщины.

[1] A. Świętochowski. Historia chłopów polskich w zarysie, cz. I, s. 253.

Данные по 15 латифундиям отражают динамику барщины за полтора столетия (табл. 16). По западу и центру Белоруссии в первой половине XVIII в. по сравнению со второй половиной XVII в. она незначительно снизилась. Небольшой цифровой показатель снижения (93—96% исходного уровня) говорит о том, что и после Северной войны магнаты неохотно шли на уменьшение фольварка.

Рост размера барщины в восточных вотчинах в первой половине XVIII в. объясняется началом восстановления в некоторых из них фольварков. Он не имел существенного значения для динамики барщины в целом, так как фольварков было там еще очень мало. Порайонные различия выступают весьма отчетливо. Во второй половине XVII—первой половине XVIII в. барщина в восточных вотчинах либо вовсе отсутствовала, либо была намного ниже, чем в центре и на западе. По-разному складывались повинности крестьян даже во владениях одних и тех же феодалов на западе и на востоке. Во владении Киватичи братьев Петра и Юзефа Пацев, расположенном в Брестском воеводстве, крестьяне отбывали с хозяйства барщину, которая была в два раза выше (4 дня), чем в другом владении тех же магнатов — Воронцевичах, находившихся в Оршанском повете (2,2 дня). Инвентари этих вотчин составлялись в одном и том же году (1747) и при тех же обстоятельствах. Различие было обусловлено большей площадью господской запашки в Киватичах (табл. 15).

Кроме еженедельной барщины, крестьяне выполняли следующие отработочные повинности: «гвалты» или «толоку», иначе «сгон» — экстренные работы, выполнявшиеся либо всей семьей крестьянина на сенокосе и жатве («большие гвалты»), либо 1—2 работниками с каждого дыма («малые гвалты»), уроки, «сторожевщину», ночную охрану, дополнительные мелкие работы (участие в облавах, рыбная ловля, молотьба и т. п.), транспортно-гужевую («подводную») повинность и дорожностроительные работы («шарварки»), а также некоторые другие дополнительные работы.

Непременной составной частью ренты, уплачиваемой тяглыми крестьянами Белоруссии, был натуральный оброк. Как указывает К. Маркс, продуктовая рента «предполагает соединение деревенской домашней про-

мышленности с земледелием»[1]. Натуральный оброк в магнатских вотчинах включал наряду с продуктами земледелия и животноводства также продукты сельских промыслов. Перечень натуральных повинностей был чрезвычайно велик. Если систематизировать их в порядке усложнения хозяйственной деятельности, чего до сих пор не делалось, получаются следующие группы: а) сдача дикорастущих — грибов, ягод, орехов, лесного хмеля и дань с охоты и рыболовства; б) дань с пчеловодства; в) зерновое дякло — сдача господскому двору определенного количества зерна; г) сдача продуктов животноводства и птицеводства, пеньки, растительного масла, огородного хмеля, а также сена; д) заготовка и доставка дров и продуктов лесных промыслов (луба, дранки, золы для поташного производства); е) изготовление и сдача пряжи, ниток, сетей, неводов[2].

Заметное хозяйственное значение имела «медовая дань», иначе «медовая полуя». Крестьяне должны были сдавать половину сбора меда от своих пчел либо определенное количество меда в год (по весу или объему). Во втором случае, если в какой-либо год меда не было, приходилось возмещать его стоимость деньгами[3]. От нового роя первый год мед не взимался.

Важнейшим видом натурального оброка было зерновое дякло, включавшее рожь и овес (по 1—1,5 бочки). Как и в других владениях, крестьяне магнатских вотчин обязаны были дякловую рожь доставить на господское поле, высеять и забороновать в дни, свободные от барщины.

В некоторых вотчинах крестьяне сдавали пеньку, конопляное семя, растительное (конопляное) масло (Бобр —1699 г., Островно —1729 г., Кадин —1729 г.).

Второстепенное значение по сравнению с зерновым дяклом имела «дякловая мелочь» — сдача кур, гусей, яиц. В некоторых вотчинах, кроме сдачи дякловой мелочи, взималось «волочебное» этими же продуктами, но дававшееся всей деревней сообща. Возникшее как праздничное приношение феодалу или его администрации

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 808.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 91; д. 3374, л. 96; д. 8149, л. 63; д. 9014, л. 193; д. 9102, л. 57; д. 9878, л. 18.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1742, лл. 35, 51—52; д. 4210, л. 7; д. 6683, л. 39; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 55; РОБВУ, А-1101, л. 8.

волочебное превратилось в постоянную повинность и вошло в инвентари[1].

На протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. натуральный оброк постепенно заменялся уплатой денежного эквивалента (Глозомичи—1730 г., Смоляны — 1739 г.)[2].

Весьма важным элементом в составе повинностей тяглого крестьянства был денежный оброк. Как указывал К. Маркс, «... превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»[3]. Значительные денежные платежи крестьян Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII в. — показатель развития рыночных связей в эту эпоху.

Как и другие формы ренты, денежный оброк характеризовался многообразием видов и пестротой размеров. Основным видом оброка был чинш, взимавшийся за пользование землей со всего населения, которое проживало на земле феодалов. Размер чинша дифференцировался в зависимости от качества почвы, расположения волости или деревни по отношению к рынку, от экономических возможностей крестьян в данный период и от множества других причин[4].

Главными плательщиками денежного чинша были куничные (чиншевые) крестьяне. Этот разряд крестьян имел в различных местах самые разнообразные наименования: куничные, глухокуничные, осадные и т. п. К ним следует добавить и так называемых «огульных» крестьян, которых В. Вечорек ошибочно причисляет к боярам. Как видно из документов магнатских вотчин, «огульные» по своим повинностям должны быть отнесены к чиншевым. Чиншевики делились на две основные группы: куничные на «малом» и на «большом» чинше. Первые должны были сочетать уплату денежного чинша

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4975, л. 182; д. 5001, лл. 2—8, 44—46; д. 6683, лл. 38—39; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 249, лл. 18—19; РОБВУ, А-1586, лл. 4—11; РОБАН, ф. ТА, ед. хр. 1304, л. 2; ф. TF, ед. хр. 287, л. 12; AG, д. 4568, лл. 153—158; ЛНБ Ро, ф. Оссолинских, д. 5161/11, л. 171.

[2] ЛНБ Ро, ф. Оссолинских, д. 5163/11, л. 78; д. 5182/111, л. 44.

[3] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 810.

[4] Т. I. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства, стар. 121.

с выполнением других повинностей, вторые находились только на денежной ренте [1].

Следует отметить, что подобное строгое деление мало соблюдалось на практике в магнатских вотчинах. Лишь в единичных случаях «великочиншевые» крестьяне действительно были свободны от всех повинностей, кроме «большого» чинша (Несвиж 1793 г.). Во многих владениях (например, Друя 1793 г.) они наряду с чиншем сдавали натуральный оброк. Часто уплата довольно значительного чинша сочеталась с большим объемом отработочных и натуральных повинностей. Кольчицкое войтовство Глусского графства в 1692 г. числилось на чинше. Однако крестьяне этого войтовства обязаны были летом и осенью направлять по 10 человек с топорами на строительные работы в замок и на фольварки, ходить на облаву, ловить рыбу неводом, ремонтировать мельницу и насыпать плотину, косить господские луга и свозить сено, доставлять лес на господские постройки, посылать 15 подвод за солью. В 1727 г. с этого же войтовства требовалось еще 100 возов для вывозки хлеба во время жатвы [2]. И все же основной повинностью куничных, определявшей их положение по отношению к феодалу, оставался денежный чинш. Все другие их повинности имели второстепенное значение.

Чтобы проследить эволюцию денежных повинностей крестьян, остановимся на изучении чинша, уплачиваемого тяглыми крестьянами с волоки тяглой земли и куничными — с волоки чиншевой. Если ограничиться рассмотрением чинша в его номинальном выражении (с переводом литовских грошей в польские злотые, без чего вообще не может быть речи о сопоставлении), окажется, что чинш как с тяглых, так и с куничных земель, за редкими исключениями, непрерывно возрастал (табл. 15). Но показатель в номинале не может быть признан удовлетворительным, так как известно, что на протяжении рассматриваемых полутора столетий снижалось металлическое содержание денежной единицы, росли цены на продукты и плата за труд. Поэтому необходимо по крайней мере пересчитать чинш, уплачиваемый в разное время, в валюту с единым металлическим содержанием.

[1] W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w., s. 79—80.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 220, л. 22; д. 221, л. 26.

Такой пересчет произведен нами на серебряные русские копейки на основании таблиц Н. Горбачевского[1].

Как показывают результаты подсчетов, произведенных по сопоставимым материалам 14 магнатских вотчин, чинш в первой половине XVIII в. по сравнению со второй половиной XVII в. возрос на 128% с тяглой и на 130% — с куничной волоки. Вместе с тем те ограниченные данные, которыми мы располагаем по первой половине XVII в., свидетельствуют, что до периода войн и разорений чинш был выше и, что он снизился во второй половине столетия на 45% по тяглым и на 42% по куничным землям. Таким образом, мнение В. И. Пичеты об одновременном росте во второй половине XVII—XVIII в. отработочных и денежных повинностей не получило подтверждения в материалах магнатских вотчин. Подобная линия развития мало вероятна, впрочем, для любого вида владений, так как разоренное войнами крестьянство не могло служить объектом усиленной эксплуатации.

Теперь уже можно подвести некоторые итоги исследований динамики основных крестьянских повинностей. В некоторых местах во второй половине XVII в. после разорения в магнатских вотчинах снизился денежный чинш, а местами и барщина. В иных же вотчинах барщина увеличилась. В первой половине XVIII в. барщина, наиболее обременительная из крестьянских повинностей, в западных и центральных вотчинах уменьшилась в пределах 10%, чинш же, напротив, увеличился приблизительно на 30%. В первом периоде, когда восстановление на западе и в центре в немалой мере шло «через фольварк», оно не вызвало существенного изменения в соотношении форм ренты. Во втором периоде количественные показатели повинностей отчетливо свидетельствуют о сдвиге в сторону денежной ренты. Следует полагать, что в этом заключается одно из основных различий между двумя периодами восстановления сельского хозяйства на западе и в центре Белоруссии. Но полностью раскрыть все различия можно только на основании изучения помещичьего хозяйства.

Кроме ренты, поступавшей феодалу, крестьяне (как тяглые, так и другие разряды) несли повинности в пользу

[1] См. Н. Горбачевский. Словарь древнего актового языка Северо-Западного Края и Царства Польского. Вильна, 1874, стр. 145, 146.

государства, а иногда и церкви. Главной государственной повинностью села был денежный налог — «подымное». Единицей обложения являлись дымы, о численности которых феодалы периодически давали показания под присягой. Сбор подымного осуществлялся администрацией владений. Пользуясь тем, что численность дымов менялась, а начисление производилось по устаревшим спискам, феодалы присваивали себе часть налога, соответствующую разнице между номинальным и фактическим количеством дымов в их владении.

Основываясь на подсчетах, произведенных по 14 владениям за разные годы XVIII в., можно сделать вывод, что фактическое число дымов более чем в два раза превышало число дымов «абъюратовых» (т. е. показанных под присягой).

Местами крестьяне вносили и натуральный оброк для нужд государственной казны. Таким оброком являлась «стация», выросшая из древнерусского «полюдья». Первоначально она представляла собой сбор продуктов (зерна, скота) в пользу великого князя; в дальнейшем стация превратилась в сбор в пользу феодала [1]. Особое положение Слуцка, в котором находился военный гарнизон, обусловило сбор стации на содержание последнего по ряду радзивилловских вотчин. Так, из Усова давали с каждой деревни по 1—3 корца ржи и, кроме того, со всей волости — 5 корцев ржи, 3 — овса, 2 — ячменя, 11 возов сена. Более высокую стацию давал Давид-Городок. Стация собиралась сверх дякла. Время от времени крестьянам отдельных волостей приходилось поставлять продовольствие и фураж для нужд войск Речи Посполитой и иностранных армий, проходивших через территорию Великого княжества Литовского. Переходы войск были сопряжены с дорожно-строительными работами, на которые выгоняли крестьян сверх их обычных повинностей [2].

Инвентари магнатских вотчин не предусматривают церковной десятины как всеобщей повинности владельческих крестьян. Еще в конце XVIII в. Т. Чацкий утвер-

[1] См. М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, стр. 101—102.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 296, л. 53; оп. 2, д. 1714, лл. 43, 161; д. 1913, лл. 43—45, 283—284; д. 3388, л. 2; д. 8417, л. 30; д. 9009, л. 7; д. 9081, л. 5; РОБАН, ф. $В_3$, ед. хр. 77, л. 9.

ждал, будто на Литву и Русь не распространялось право о церковной десятине. Все же в некоторых владениях часть населения была обременена платежами в пользу костела. Сморгонские бояре вносили по 2 злотых с волоки в год. Довольно часто крестьян обязывали поставлять ежегодно определенное количество продуктов монастырям [1].

Приведенные повинности, платежи и поборы не исчерпывали всех видов эксплуатации. Однако они характеризуют тяжелое бремя, лежавшее на плечах крестьян магнатских вотчин. В условиях, сложившихся в периоды после войн, эксплуатация в прежних размерах становилась фактически невозможной из-за разорения крестьянства. Магнаты вынуждены были временно уменьшать размеры повинностей или облегчать их форму до тех пор, пока крестьянское хозяйство вновь не восстанавливалось.

2. Феодальная эксплуатация крестьян во второй половине XVIII в.

Значительные изменения, происходившие во второй половине XVIII в. в развитии производительных сил Белоруссии, рост фольварочного хозяйства и помещичьего предпринимательства должны были отразиться на формах и степени феодальной эксплуатации крестьянства. Большинство историков отмечает рост отработочной ренты в Белоруссии (А. Жабко-Потопович, Г. Ловмяньский, В. Конце, Д. Л. Похилевич). При этом В. Конце, Г. Ловмяньский, Д. Л. Похилевич находят (при разных отправных точках), что во второй половине XVIII в. происходил расцвет барщины, она достигла своего апогея, а А. Жабко-Потопович утверждает, что в 60-е годы XVIII в. произошел лишь возврат к уровню первой половины XVII в. В то же время, по некоторым наблюдениям И. Барановского, кульминационный пункт барщины приходился на первую половину XVII в., а К. И. Керножицкий в одной из своих работ высказывает мнение,

[1] T. Czacki. O litewskich i polskich prawach, s. 338; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5920, л. 19; д. 9014, л. 164; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1201, л. 20; ф. 1135, оп. 14, д. 178, л. 12.

что для второй половины XVIII в. характерен перевод барщинных крестьян на чинш [1].

Д. Л. Похилевич находит, что во второй половине XVIII в. «большинство бывших чиншевых крестьян переводится на барщину» [2].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники говорят о том, что процесс перевода чиншевых крестьян на барщину происходил и в некоторых магнатских вотчинах. Он протекал постепенно, по мере роста фольварочной запашки и увеличения потребности в рабочих руках. Иногда это были индивидуальные переводы крестьян из разряда чиншевых в тяглые. Так, в д. Раевка Тимковичского графства в 1762 г. проживали чиншевые крестьяне Василий Лагишинец, Семен Новик и Василий Садовничий. К 1780 г. они уже были зачислены в тяглые.

Часто на барщину переводились целые деревни. Во владении Сухличи Клецкого княжества к 1761 г. на тягло перевели полностью д. Секеричи (44 двора), которая еще в 1743 г. (и ранее на протяжении целого столетия) являлась чиншевой. Перевод крестьян на барщину, происходивший по инициативе господского двора, иногда лицемерно прикрывался мнимым согласием крестьян. В инвентаре владения Веселый Двор-Яновщина отмечается, что крестьяне д. Клишевичи «добровольно» договорились с администрацией отбывать еженедельную барщину в размере 4 дней с волоки (1785 г.). О том, каким путем достигалось такое согласие, можно узнать из инвентаря владения Уречье за 1785 г. Там указано, что д. Языль находилась на «чинше куничном» и платила по 34 злотых с волоки, но «в связи с недостатком рабочих рук» жителей этой деревни начали выгонять на барщин-

---

[1] A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, s. 79, 120, 122; H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795), s. 66; I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 265; W. Conze. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weissrussland, I Teil, s. 180; Д. Л. Похилевич. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в.— вторая половина, стр. 615; К. I. Кернажыцкі. Гаспадарка староствaў на Беларусі і эканомічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII сталецьця, стар. 63.

[2] Д. Л. Похилевич. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Тезисы докладов и сообщений седьмой (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, стр. 140.

ные работы. Тогда, в 1765 г., уступая насилию, крестьяне дали согласие отбывать регулярную еженедельную барщину, добившись взамен снижения чинша до 25 злотых. В том же году переведены были с чинша на барщину и другие деревни Уречской волости (Старинка, Солонь). Перевод на барщину крестьян в некоторых магнатских вотчинах Белоруссии продолжался и в начале XIX в. Во владении Радзивиллов Смолевичи он был завершен в 1808 г.[1].

Приведенные факты подтверждаются цифровыми показателями по 21 магнатской вотчине, сопоставимыми за разные годы. Увеличение удельного веса тяглых крестьян во второй половине XVIII в. обнаруживается в 8 вотчинах, что составляет менее половины изученных объектов (табл. 11). Притом это явление наблюдается во всех зонах: как в центральной (Клецк, Тимковичи, Сухличи), так и в западной (Чернавчицы, Деречин, Ружаны) и в восточной (Глуск, Дубровно).

Рост тяглого крестьянства не выражался в больших цифрах. Как не было массового перевода барщинных крестьян на чинш в предшествовавшем периоде, так и обратный процесс перевода на барщину не мог принять в магнатских владениях больших масштабов. Сводные данные по 15 латифундиям (табл. 12) показывают, что удельный вес тяглых во второй половине XVIII в. увеличился в западной зоне с 66 до 74%, а в центральной мало изменился (63 и 64%).

Вторая половина XVIII в. значительно богаче источниками, чем более ранние периоды. Это обстоятельство дает возможность более точного исследования численности разрядов крестьянства. Одним из таких источников является перепись всех населенных дымов Великого княжества Литовского, проведенная в 1790—1791 гг. Если выделить из этой переписи данные, относящиеся к белорусским землям, окажется, что общая численность крестьянских дворов составляла 261 971, в том числе тяглых — 197 041, т. е. 75% [2]. Историки, дававшие численную характеристику удельного веса тяглых, по всей вероятности, основывались на этих сведениях. По крайней

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7165, лл. 3, 18; д. 7747, лл. 113—114; д. 8066, лл. 16, 28; д. 9014, лл. 157—172; АВАК, т. XXXV, стр. 474.
[2] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4067, л. 24.

мере Г. Ловмяньский, подсчитавший, что в 1790 г. на барщине находилось 71,9% крестьян Великого княжества Литовского, ссылается на эту перепись. По данным Д. Л. Похилевича, во второй половине XVIII в. удельный вес тяглых составлял 70—75% [1]. Однако такой показатель недостаточен для наших целей. Во-первых, он не включает восточных земель Белоруссии, которые к 1790 г. уже находились в составе Российской империи и не были охвачены переписью дымов, производившейся по постановлению сейма Речи Посполитой. Во-вторых, перепись не выделяла магнатских вотчин из общего числа учитываемых объектов.

Чтобы определить, как складывались отношения в магнатских вотчинах во второй половине XVIII в., нами было изучено около 20 тыс. крестьянских дворов, расположенных в разных районах, в том числе и на востоке. Результаты этого исследования показали, что по всей Белоруссии в магнатских вотчинах тяглые дворы составляли 60% общего количества крестьянских дворов (табл. 13-Б). Если же объединить данные по центру и западу для сопоставления их с результатами переписи 1790—1791 гг., мы получим 8674 тяглых дыма на общее количество 12 835, т. е. 68%.

Таким образом, в магнатских вотчинах тяглые крестьяне составляли большинство, но удельный вес их был ниже, чем по всем видам феодальных владений, взятым вместе. Отчетливо выступают порайонные различия: с запада на восток количество тяглых уменьшается, что объясняется более слабым развитием фольварочного хозяйства в восточных вотчинах (на западе тяглых — 78%, в центре — 57, на востоке 44%).

В связи с тем что табл. 13-Б составлена на основании значительно большего числа объектов, чем табл. 12, их процентные показатели не тождественны. Но они очень близки (в табл. 12, тяглых по зонам было соответственно 74, 64 и 37%) и отражают одну и ту жу тенденцию.

Обратимся теперь к соотношению тяглых и нетяглых земель крестьянского фонда (табл. 11). Из исследован-

---

[1] H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach, s. 66; Д. Л. Похилевич. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Тезисы докладов и сообщений VII (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, стр. 140.

ных 21 владения в семи во второй половине XVIII в. значительно увеличился удельный вес тяглых земель, в одиннадцати — снизился, в остальных трех наблюдалась стабильность. При этом рост приходился прежде всего на восточные вотчины (Дубровно, Горы-Горки, Черея, Глуск), а снижение — на центральные и западные. Сводные данные по 15 латифундиям (табл. 12) показывают довольно заметное снижение тяглых земель на западе (с 38 до 31%) и в центре (с 31 до 26%). Это снижение нейтрализовало последствия роста удельного веса тяглых дворов, отмеченного в данных двух зонах. На востоке удельный вес тяглых земель по сравнению с первой половиной столетия вырос, однако все же был ниже, чем в центре и на западе.

Картину распределения земельного фонда на большем материале (12 тыс. крестьянских дворов) раскрывает табл. 14-Б. Она показывает, что удельный вес тяглых земель во второй половине XVIII в. был выше всего на западе (37%), несколько ниже в центре (32%) и еще ниже на востоке (24%). Как и в предыдущих аналогичных расчетах, расширение круга исследуемых объектов дало цифры, близкие к полученным по 15 латифундиям и подтвердило выявленную тенденцию.

Показатель 60% тяглых крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии (табл. 13-Б) заставляет усомниться, насколько применимо к этим владениям положение о «безраздельном господстве» барщинной системы, фигурирующее в Истории БССР [1]. Если еще учесть, что тяглая земля составляла только 29% крестьянского земельного фонда, а 71% приходился на оброчные земли, станет очевидным, какое большое значение имела в этих владениях денежная рента.

Поскольку в руках магнатов была сосредоточена значительная часть земельного фонда Белоруссии, такие результаты исследования позволяют отвергнуть схему о безраздельном господстве барщины применительно ко всей белорусской деревне второй половины XVIII в. Вместе с тем нельзя расценивать значение отработочной ренты в магнатских вотчинах по одним только приведенным цифрам. На динамику феодальной ренты влиял еще один важный показатель — объем повинностей.

[1] См. История БССР, т. 1, стр. 205.

А объем барщинных повинностей значительно увеличился. Притом возросла не только еженедельная барщина, но расширился круг других, дополнительных отработочных повинностей, к выполнению которых привлекались и нетяглые разряды крестьянства. Эти обстоятельства вызывали известный сдвиг в соотношении между формами ренты в сторону ренты отработочной во всех трех зонах. Поэтому, исходя из совокупности приведенных данных, можно говорить о господстве в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII в. смешанной ренты, с известным преобладанием в центре и на западе отработочных повинностей, удельного веса которых не следует переоценивать. Что касается востока, где тяглых крестьян было менее половины, а тяглых земель менее четверти, то по отношению к этому району вообще нельзя говорить о преобладании отработочной ренты. Там денежная рента в магнатских вотчинах и во второй половине XVIII в. превалировала. К такому же выводу приходят авторы исследований по аграрным отношениям восточной Белоруссии (И. Барановский, В. И. Мелешко) [1].

Обратимся теперь к рассмотрению отдельных крестьянских повинностей. Во второй половине XVIII в. барщина, как и прежде, исчислялась с волоки тяглой земли. Однако местами эта система стала заменяться подымным исчислением (Быхов 1758 г., фольварки: «Демьянчицы» Чернавчицкого графства — 1775 г., «Полонский» Ружанского графства — 1760 г., «Новосады» Клецкого княжества — 1763 г., «Ланцевичи» Деречинского графства — 1765 г., «Скипоровщина» Койдановского графства — 1766 г., «Маковщина» того же графства — 1792 г., «Деревно» Минского воеводства — 1790 г., а также владения: Уречье — 1785 г., Бытень — 1783 г.). Переход к исчислению барщины с дыма, наблюдающийся главным образом в небольших владениях с выравненными крестьянскими наделами, был связан с проводимой господским двором нивелировкой крестьянства и являлся одним из средств усиления эксплуатации. Такое исчисление основной повинности превращало ее из поземельной в личную.

[1] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 258—259; В. И. Мелешко. Основные черты развития аграрных отношений в восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.», стр. 253, 254.

При этом к барщине широко привлекались малоимущие, но работоспособные крестьяне.

Стремление феодалов к максимальному охвату крестьянства барщиной выражалось и в других формах. Так, судя по инвентарю 1781 г., в Смядынском графстве Радзивиллов барщина в некоторых волостях устанавливалась для каждого крестьянина с учетом всех данных, определявших мощность его хозяйства [1].

Количественные изменения размеров барщины по отдельным владениям отражены в табл. 15. Сопоставимые данные имеются по 32 владениям. Из них в 21 обнаруживается рост еженедельной барщины во второй половине XVIII в. Расчеты по материалам 15 латифундий показывают, что этот рост составил 150% в поволочном и 122% в подымном исчислении (табл. 16). Иначе говоря, на протяжении века еженедельная барщина фактически возросла почти на 1/4.

Для сравнения показателей второй половины XVIII в. с данными первой половины XVII в. мы располагаем сопоставимым материалом лишь по 10 вотчинам, преимущественно центральным и частично западным (Клецк, Тимковичи, Мостviловичи, Сухличи, Цепра, Пуково, Давид-Городок, Деречин, Чешейковщина, Сморгонь). В первой половине XVII в. барщина в них составляла в среднем 6,5 дня с волоки или 2,3 дня — с дыма. Во второй половине XVIII в. она увеличилась до 12,6 дня с волоки или 3 дней с дыма, что очень близко к средним показателям табл. 16. Если сопоставить приведенные данные, мы получим рост еженедельной барщины за полтора столетия в поволочном исчислении почти вдвое (до 198%), а в подымном — более чем на 1/4 (131%). Хотя показатели первой половины XVII в. получены по ограниченному числу объектов, они дают некоторое основание судить, что размер барщины во второй половине XVIII в., видимо, превзошел уровень кануна войны 1655—1667 гг. В основном этот рост приходится на XVIII столетие, но некоторая часть его должна быть отнесена и к концу XVII в., когда восстановление

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1702, л. 41; д. 2001, л. 601; д. 2054, л. 106; д. 2085, л. 5; д. 3370, лл. 80—81; д. 5924, л. 3; д. 9014, лл. 160—161; оп. 3, д. 4197, лл. 5—6; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 276, л. 1; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4010, л. 8; AG, д. 4568, л. 165; АВАК, т. XXXV, лл. 155—157.

в ряде вотчин шло «через фольварк». Такой же вывод напрашивается из сопоставления приведенных выше расчетов с табл. 16.

По второй половине XVIII в. можно использовать более широкие данные, охватывающие 61 имение во всех трех зонах (табл. 17). Они дают результаты, мало отличающиеся от табл. 16, несмотря на большую разницу в количестве изученных объектов. Ознакомление с табл. 17 позволяет установить, что различия между тремя зонами сохранились и в этот период, еженедельная барщина (без дополнительных работ) в западных и центральных вотчинах составляла свыше 10 дней с волоки или более трех дней с дыма, на востоке — пять дней с волоки или около двух дней с дыма.

Характерной чертой для второй половины XVIII в. было изменение барщины по виду выполняемых работ. Ранее крестьяне в основном отбывали барщину на полевых работах. На протяжении всего столетия усиливалось использование барщинного труда и на других работах, обусловленное ростом господского предпринимательства. Крестьян все чаще заставляли призводить трелевку леса на сплав, выжигать золу для поташных «буд», выполнять различные подсобные работы на многочисленных предприятиях. Администратор Кароля Радзивилла Донат в 1768 г. предлагал посылать по 35 человек в неделю на поташную буду в Греске. В Несвижском княжестве д. Мосевичи оказалась переведенной на повинность «угольщиков». Значительная часть крестьян владения Уречье была приписана к стекольной мануфактуре, а во владении Лахва две волости обслуживали большие поташные буды. Аналогичные явления наблюдались и в других магнатских владениях, как например в Друйском, Черейском и Быховском графствах Сапег [1]. Барщинная работа крестьян на промышленных предприятиях магнатов, встречавшаяся и ранее, во второй половине XVIII в. приняла массовый характер. Иногда она сочеталась с принудительным наймом [2].

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2255, лл. 8, 21; д. 3606, лл. 14—15, 305; д. 3676, л. 116; д. 4207, л. 22; д. 5001, лл. 59, 87; д. 6673, л. 398; д. 9010, лл. 5—6; РОБВУ, А-1275, лл. 47, 57, 71; AG, д. 4568, л. 165.

[2] См. А. М. Карпачев. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 289.

Следует отметить, что крестьяне не всегда работали только на своего феодала. В XVIII в. получила распространение практика переуступки (за плату) на сторону барщинных дней крестьян [1]. С помощью такой операции феодалы сполна использовали барщинный труд крестьян даже в тех случаях, когда по каким-либо причинам он не мог найти применения в их собственном хозяйстве.

Во второй половине XVIII в. все больше усиливается контроль администрации магнатских вотчин за выполнением крестьянами барщинных повинностей. Вводится система разнарядок и отчетности экономов по использованию барщинных дней. К этому времени стали нарушаться и традиционные часы работы на барщине (от восхода солнца до заката), иногда крестьян заставляли свозить снопы с поля уже в ночную пору. Магнаты и их администрация старались наиболее продуктивно использовать барщину и в зимнее время [2]. Такими приемами феодалы добивались фактического увеличения объема работ даже тогда, когда число дней барщины в неделю оставалось без изменений.

Тяжелее всего отражалась на крестьянстве концентрация барщинных дней в страдную пору. Заведенный во второй половине XVIII в. еженедельный учет отработанной барщины облегчал такую концентрацию. Зимой и в начале весны управляющие накапливали некоторый резерв не отработанных крестьянами дней, а летом и осенью заставляли их возмещать эту «задолженность» наряду с текущей барщиной. К тому же во время сева и уборки крестьянам приходилось выполнять и другие отработочные повинности («толока» или «гвалты»). Положение усугублялось переносом барщины с ненастных дней на погожие [3]. Публицисты XVIII в., наблюдавшие за работой крестьян в страдную пору, отмечали, что они были заняты на барщине по 5—6 дней в неделю [4]. Об этом говорит и хозяйственная переписка.

Так, управляющий владением Малево 11 сентября

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 344; д. 5001, лл. 35, 87.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3606, л. 30; д. 4210, л. 1; д. 8149, л. 62; д. 9102, л. 46; оп. 3, д. 4197, лл. 9—10; РОБВУ, А-1275, л. 45; РОБАН, B_3, ед. хр. 164, л. 15.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2256, лл. 1—46; д. 4659, лл. 1—74.

[4] A. Świętochowski. Historia chłopów polskich w zarysie, cz. I, s. 372.

1795 г. с удовлетворением доносил Радзивиллу об окончании уборки хлебов и сообщал, что за последнюю неделю он заставил даже одиноких крестьян отработать на барщине по 6 дней[1]. В результате получалось, что хотя средняя норма барщины в годовом разрезе, казалось бы, не превышала физических возможностей крестьянской семьи, организация работ превращала эту повинность в наиболее тяжелую форму эксплуатации.

Историки отмечают, что в России, Белоруссии, Польше производительность труда крепостных на барщине была низкой и что феодалы пытались противодействовать этому, усиливая надзор за крепостными, выделяя им урочные задания. Такое же явление наблюдалось и в магнатских вотчинах. В последней четверти XVIII в. на барщине повсеместно стали широко применяться урочные задания[2].

В исторической литературе встречаются ссылки на упоминаемые в инструкциях нормы выработки. Однако точные расчеты, сколько барщинного труда затрачивалось на обработку единицы земельной площади, отсутствуют. Следует добавить, что фактическая производительность барщинного труда в XVIII в. по Белоруссии никем не исследована.

Материалы по магнатским вотчинам позволяют заполнить этот пробел. На основе журналов экономов в вотчинах Радзивиллов и Сапег (Клецкое, Несвижское, Слуцкое княжества, графство Ружаны) нами исчислены средние показатели фактически затрачиваемого барщинного труда на единицу земельной площади. Оказалось, что в пяти разных владениях производительность труда была одинаковой. Во второй половине XVIII в. она составляла: $1/2$ морга пахоты в день, 1 морг боронования, $1/5$—$1/7$ морга жатвы. Крестьяне обмолачивали в день по 0,5 копы озимых хлебов и по целой копе яровых. Такие же нормы приводились и в инструкциях. Это еще одно доказательство, что инструкции отражали реальный опыт сельского хозяйства.

Для сравнения нами рассмотрены расчеты, приведенные в документах за 1849 г. по исследуемым владениям. Они также не отличались от выработки во второй

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 581.
[2] Там же, д. 2056, л. 66; д. 8149, л. 63; д. 9079, л. 8.

половине XVIII в.[1] Видимо, уже в этот период была достигнута максимальная возможная эксплуатация крестьян на барщине. На протяжении XVIII в. возрастали «гвалты», дополнявшие еженедельную барщину. Если в 1714 г. в Клецком княжестве требовалось в год шесть «малых» гвалтов и четыре «больших», то в 1791 г. крестьяне вынуждены были еженедельно отбывать большой гвалт на протяжении всего лета (свыше 12 в год). В Ружанах около 1776 г. вместо двух гвалтов за лето были введены еженедельные. Значительное увеличение количества гвалтов во второй половине XVIII в. отмечено в Греске, Вязыне, Чернавчицах[2].

Близка была к гвалтам другая повинность — «уроки». Как и гвалты, они выполнялись всей семьей, но число дней заранее не было обозначено, а указывался только вид работы, обычно — сенокос. Работа должна была производиться до ее окончания.

А. Турцевич и В. Вечорек утверждали, что уроки встречались только в Витебском и Мстиславском воеводствах, а в остальных районах эти работы причислялись к гвалтам. Нами обнаружены сенокосные уроки, помимо гвалтов, в Моствиловичах и Негорелом—владениях, расположенных в центральной Белоруссии. Особое значение приобрели уроки в Горецком графстве. Еще в конце XVII в. здесь все господские работы выполнялись гвалтами и уроками, а значительная часть крестьян так и числилась «на урочной повинности»[3]. Это объясняется слабым развитием фольварка в Горках.

Как и ранее, повсеместно были распространены две сходные по наименованию повинности: «сторожевщина» или «сторожа» и ночная охрана или «стража». Некото-

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1340, л. 22; д. 3316, л. 4; д. 4659, лл. 1—74; д. 5434, лл. 1—207; д. 6365, лл. 1—5; д. 8067, лл. 186—231; д. 9079, л. 8; РОБВУ, А-1981, лл. 1—16; S. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII wieku. Kraków, 1915, s. 102, 189—190.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4481, л. 25; д. 5001, л. 71; д. 6683, л. 39; д. 9378, л. 20; оп. 4, д. 5858, лл. 150, 349—350; РОБАН, В3, ед. хр. 80, л. 29.

[3] См. А. Турцевич. Предисловие. АВАК, т. XXXV, стр. XVIII—XIX; W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w., s. 60—61; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4665, л. 23; д. 5920, л. 17; ЦГИА БССР, в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 372, лл. 1—81.

рые историки (К. И. Керножицкий, Ф. И. Забелло, В. Вечорек) смешивают эти повинности[1].

Материалы магнатских вотчин свидетельствуют о том, что сторожевщина состояла в выполнении крестьянами поочередно, на протяжении недели различных хозяйственных мужских и женских работ, включая досмотр скота и птицы. Она засчитывалась в счет барщины. Стража ограничивалась функциями ночной охраны; ее отбывали сверх барщины[2]. Это объяснялось отсутствием в фольварках постоянного контингента дворовых.

Кроме того, крестьяне выполняли ряд дополнительных работ, различных по объему и характеру. К ним относятся молотьба (сверх барщинных дней), раскорчевка пней на лесосеках, заготовка льда, рыбная ловля, участие в облавах во время господской охоты, подготовка волчьих ям, отдельные строительные работы (городить заборы, строить вицины), мочение и отбелка льна, прополка и уборка огородов, прядение и т. п.

Администрация фольварков устраивала для магнатов охоту. Для участия в облаве 2—3 раза в год выгоняли всех крестьян, а не только тяглых, по 2—3 человека из дома сроком на двое суток (Манкевичи — 1793 г., Клецк — 1791 г., Уречье — 1764—1767 гг., Поречье Слуцкого княжества — 1769 г.). Эта повинность была нерегулярной. То же следует сказать и о рыбной ловле, на которую направляли на несколько дней, обычно весной (Дубровно —1735 г., Смядынь —1781 г.)[3].

---

[1] См. Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства, стар. 115, 116; К. І. Кернажыцкі. Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII сталецьця, стар. 79; W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w., s. 62—63.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 246; д. 1742, л. 50; д. 4542, л. 5; д. 5001, лл. 74—88; д. 6673, лл. 404—407; д. 6683, л. 39; д. 9009, л. 2; д. 9102, л. 58; оп. 3, д. 4206-а, лл. 2—3; оп. 4, д. 5858, лл. 143—147; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 245, лл. 5, 6; РОБАН, B_3, ед. хр. 87, л. 1.

[3] См. Д. Л. Похилевич. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII век — вторая половина, стр. 616; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1742, л. 35; д. 3374, лл. 85, 94; д. 5001, л. 35; д. 6683, л. 39; д. 7440, л. 112; д. 9007, лл. 12—13; оп. 3, д. 53, л. 107; оп. 4, д. 5858, лл. 147—150; оп. 7, д. 947, л. 11; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 3, д. 4, л. 31; РОБАН, B_3, ед. хр. 77, л. 10; ф. ТА, ед. хр. 1304, л. 2; AG, д. 4568, л. 166.

Особое значение в магнатских вотчинах имела так называемая «подводная» повинность, состоявшая в вывозке крестьянами на их подводах (телегах, санях) производимой в имениях продукции в города, местечки, к речным пристаням или в морские порты и доставке оттуда закупаемых феодалами продуктов, прежде всего соли. Магнаты имели бо́льшие, чем другие феодалы, возможности осуществлять крупные торговые операции, поэтому чаще обременяли крестьян подводной повинностью. Крестьянскими подводами пользовались также для перебросок грузов из одних фольварков или вотчин в другие. Подводная повинность в магнатских вотчинах возлагалась на тяглых крестьян, чиншевиков (кроме некоторых, плативших наиболее высокий чинш), бояр. Исчислялась она по-разному: чаще с волоки, но иногда и с дыма. В некоторых владениях крестьяне сами выделяли определенное количество подвод для выполнения подводной повинности. Бывало и так, что господский двор сохранял за собой право требовать подводы в неограниченном количестве, по мере надобности. В источниках выделяются ближние и дальние подводы; последние особо оговариваются, указывается место назначения и длина пути. Магнаты посылали крестьян на весьма дальние расстояния. Например, Сапеги направляли подводы с товарами из Быхова к Столбцовской пристани, из Дубровно (восточнее Орши) в Высокое (возле Бреста). Радзивиллы — из Клецка в Вильно, из Чересса (Браславский повет) — в Вильно, Ригу, Варшаву, из Манкевич (Пинский повет) — «за 70 миль» (т. е. свыше 500 верст). Из документов по магнатским вотчинам видно, что повинность «ближние подводы» выполнялась непосредственно в барщинные дни, а «дальние подводы» — частично компенсировались еженедельной барщиной. Так, в инвентаре владения Моствиловичи за 1730 г. сказано, что если крестьянин поедет с подводой или уплатит господскому двору ее денежный эквивалент, то на две недели его хозяйство освобождается от барщины.

Несмотря на зачет в счет барщины, крестьяне считали подводы наиболее тяжелой для себя повинностью. В большинстве их жалоб говорится о выполнении «подводной» повинности. Крестьяне сообщали в них об отрыве от хозяйства, что влекло за собой иногда потерю урожая, о перегрузке подвод, о направлении их в распути-

цу, вопреки инвентарным предписаниям посылать подводы по санному пути, об изнурении и падеже рабочего скота. В судебных тяжбах фигурировала довольно высокая оценка подвод: один злотый за милю.

Особенно возросло количество перевозок во второй половине XVIII в. в связи с развитием господского предпринимательства. Достаточно сказать, что в течение одной лишь недели (с 5 по 13 февраля 1794 г.) администрация Клецкого княжества направила в разные концы 621 подводу, в том числе 12 в Вильно, за гипсом. Рост обременения подводами отмечался в Глуске, Копыле, Чернавчицах, Черессе, в Слуцком княжестве. В Глуске по распоряжению Радзивилла в 1772 г. подводная повинность была увеличена в два раза. Магнаты практиковали также сдачу по контрактам крестьянских подвод купцам для перевозки грузов. Так, в Друйском графстве в 1784 г. было законтрактовано 60 подвод в Ригу[1].

Немало времени отнимали у крестьян так называемые «шарварки»: работы по ремонту дорог, плотин, строительству и ремонту мельниц и корчем. К ним привлекались все трудоспособные мужчины. По подсчетам Д. Л. Похилевича, на шарварки затрачивалось от 12 до 20 дней в году. Я. Рутковский считает, что шарварки носили характер общественных работ, однако, как видно из документов по магнатским вотчинам, главную выгоду из шарварков извлекал феодал, получавший доходы от мельниц и корчем. Более того, магнаты часто использовали шарварки для возведения и ремонта фольварочных строений, винокурен и других вотчинных предприятий. Чем больше развивалось фольварочное хозяйство и вотчинное предпринимательство, тем обременительнее становились шарварки[2].

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1603, л. 275; д. 1742, л. 50; д. 2055, л. 66; д. 4532, л. 18; д. 4652, л. 12; д. 5001, лл. 34—80; д. 5920, л. 18; д. 6154, л. 9; д. 6673, лл. 396, 568, 569; д. 7440, лл. 109, 112; д. 7747, л. 4; д. 8066, л. 215; д. 8149, л. 63; д. 8427, л. 2; д. 9007, лл. 6, 13, 17; д. 9081, л. 5; оп. 4, д. 5858, лл. 148—149; оп. 7, д. 220, л. 43; д. 222, л. 13; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 54; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16; РОБВУ, А-1101, л. 11; А-1275, л. 34; AG, д. 4568, л. 165.

[2] J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski (do r. 1864), s. 214; Д. Л. Похилевич. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в.— вторая половина, стр. 615; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 66; д. 3606, л. 31; д. 5898, л. 11; РОБВУ, А-1275, лл. 3—4; РОБАН, B_3, ед. хр. 164, л. 15.

Если сопоставить все сказанное об изменениях отдельных крестьянских повинностей, станет очевидным, что основной тенденцией изменений был рост повинностей на протяжении XVIII в. Этот рост в значительной мере выражался в увеличении бремени дополнительных повинностей.

Натуральный оброк не обнаруживал такой тенденции. В отдельных вотчинах несколько возрос оброк, связанный с обслуживанием помещичьих предприятий. В Несвиже к 1790 г. в пять раз против прежнего увеличился объем доставки дров для вотчинных «фабрик». Возросло число мотков ниток, которые должны были изготовить и сдать крестьяне. Если раньше они пряли из господского льна, теперь приходилось добавлять свой. В Кореличах крестьяне пряли и шерсть для нужд возникшей там ковровой мануфактуры. Выросло значение пеньки в составе натурального оброка. Во владении Тышкевичей Косин, расположенном возле Минска, денежный чинш и все виды оброка были заменены сдачей пеньки (1784 г.). Но в целом натуральный оброк уменьшался, так как продолжался процесс замены его денежным эквивалентом (Быхов, 1758 г. — замена меда и мелкого дякла; Лахва, 1794 г. — замена рыбы денежным сбором — «похажем»; Несвиж, 1790 г. — замена ниток; Раевка, 1780 г. и Уречье, 1765 г. — всех видов оброка, кроме зерна; Роготно, 1762 г., Тимковичи, 1757 г. — замена зернового дякла)[1].

Устанавливая денежный эквивалент, магнаты иногда делали оговорку, что могут вновь потребовать по своему усмотрению сдачу оброка в натуре. Несмотря на эту оговорку, повсеместное введение денежной замены свидетельствовало о вытеснении натурального оброка денежной рентой.

Дальнейшим изменениям подвергся денежный чинш. Как видно из табл. 15, чинш с тяглой волоки в номинальном исчислении увеличился в 14 владениях из 24, по которым имеются сопоставимые данные, а чинш с купичной волоки — в 15 из 20 объектов. Тенденция общего роста совершенно очевидна, несмотря на то что в от-

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3606, л. 30; д. 4207, л. 13; д. 7165, л. 22; д. 8433, л. 11; д. 9007, л. 5; д. 9102, л. 58; оп. 3, д. 4206-а, лл. 6—7; РОБАН, ф. BF, ед. хр. 1675, л. 28; ф. TF, ед. хр. 287, л. 12; AG, д. 4568, лл. 153—165; д. 4582, л. 30.

дельных владениях, составлявших меньшинство, отмечено снижение чинша с тяглых земель или полная его отмена (Деречин, Греск). Такое снижение было связано с одновременным ростом барщины.

Использование сопоставимых объектов позволило установить рост чинша на протяжении XVIII в. до 116% с тяглой и до 142% с куничной волоки (табл. 19). Но это в номинале. Если же учесть снижение содержания металла в деньгах (пересчет по данным Н. Горбачевского), окажется, что у куничных чинш вырос во второй половине XVIII в. до 124%, а у тяглых остался на том же уровне, что и в первой половине этого столетия.

Пересчет в единую валюту позволяет сопоставить данные в пределах XVIII в. Но он явно недостаточен для сравнения с более отдаленным периодом — первой половиной XVII в. — из-за больших изменений цен. Поэтому для такого сравнения более правильным было бы установить реальное изменение чинша, вводя к номинальному показателю поправку на рост цен.

Сначала нами был исчислен коэффициент вздорожания с первой половины XVII до второй половины XVIII в., основанный на ценах лашта хлеба, воза сена, коровы, «фаски» масла и поденной платы по вольному найму в эти два периода. Необходимые для такого расчета данные были получены из литературы и хозяйственных документов вотчин [1]. За полтора столетия коэффициент составил 2,2. Затем с его помощью чинш за оба сравниваемые периода был пересчитан на деньги второй половины XVIII в. В результате оказалось, что чинш увеличился приблизительно в 1,5 раза, у тяглых — несколько менее, у чиншевых—несколько более (табл. 19).

Реальное увеличение чинша с волоки земли означало существенный рост денежных повинностей. Этот рост был тем более ощутимым, что одновременно увеличивалась доля приемной земли в составе надела.

Определенный интерес представляют абсолютные показатели чинша, уплачиваемого за разные виды земельного держания отдельными разрядами крестьян. Такой подсчет произведен для второй половины XVIII в. по 46 объектам (табл. 18). Самый большой чинш платили

[1] T. Czacki. O litewskich i polskich prawach, t. 1. Warszawa, 1800, s. 177; t. 11. Poznań, 1844, s. 245—248; J. Pelc. Ceny w Gdańsku. Lwów, 1937, s. 117.

великокуничные (62—72 злотых с волоки), самый малый уплачивался с тяглой земли, обремененной в первую очередь барщиной. На востоке, где барщина была меньшей, он составлял в среднем 27 злотых, а на западе, где она оказывалась наибольшей, снижался до 7,7 злотых. Отсюда следует, что размер чинша был обратно пропорционален другим повинностям.

Сверх чинша крестьяне магнатских вотчин, как и прежде, вносили ряд других денежных платежей. К их числу относилось «квитанционное», или «грошевое», поступавшее в пользу администрации владения в размере 3% от каждой уплачиваемой крестьянами суммы, а также старинная «куница» — плата за выдачу дочерей замуж в другую волость. Монополии феодалов породили различные сборы за допускавшиеся от них отступления. Важнейшим из них было «жерновое», которое крестьяне в магнатских вотчинах платили за разрешение «каждому хозяину иметь у себя дома жернова для малого помола» (Зденцел—1784 г.) [1].

Большое значение для роста денежных повинностей представляла замена значительной части натурального оброка и некоторых отработочных повинностей денежным эквивалентом. Из числа отработочных повинностей во многих магнатских вотчинах была переведена в денежную подводная повинность, взамен которой с крестьян взимали сбор, именовавшийся «подорожчиной». Этот сбор составлял не менее 10 злотых в год с волоки земли [2].

По нашим подсчетам, крестьяне пяти волостей Несвижского княжества в 1764 г. внесли 4993 злотых денежных платежей; из них приходилось на чинш 4059 злотых (81%), «подорожчину» —787 злотых (16%) и жерновое — 147 злотых (3%) [3]. К дополнительным сборам относились «рейтарщина», предназначавшаяся на содержание частных войск магнатов, и «лесные» платежи за пользование господскими лесными угодьями, выступавшие под различными названиями («угайное», «вепровщина», «повепровщина», «яловичное», «роговое», «кол-

---

[1] ЦГИА БССР, в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 190, л. 31; оп. 3, д. 4, лл. 12, 29; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1201, л. 20; AG, д. 4568, лл. 164—165.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1742, л. 32; РОБВУ, А-1586, л. 12.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, лл. 4—6.

лекта»). Угайное включало также небольшой натуральный оброк овсом (например, в Зденцеле — 1 бочка с 73 дворов). Крестьяне Гресской волости в 1765 г. номинально были освобождены от уплаты чинша с тяглой волоки, но взамен этого их обязали платить рейтарщину по шесть злотых с волоки. Кроме того, они платили угайное — по четыре злотых с волоки. В таких же размерах платили угайное крестьяне Сморгонского владения в 1788 г., в то время как в 1755 г. этого платежа там не было[1].

Увеличение численности дополнительных платежей во второй половине XVIII в. представляло собой еще один источник роста денежного оброка.

Общий объем всех видов феодальных повинностей, ложившихся на среднее тяглое крестьянское хозяйство (0,25 волоки тяглой и 0,25 приемной земли), составлял, по данным Д. Л. Похилевича, 100—127 злотых плюс церковная десятина. Полуволочное чиншевое хозяйство уплачивало в пересчете всех повинностей на деньги 75—100 злотых[2]. Наши расчеты, произведенные по материалам магнатских вотчин, дали близкие результаты (табл. 20).

Изучение объема крестьянских повинностей позволяет сделать попытку цифрового выражения эволюции ренты. Выше отмечалось, что барщина с единицы тяглой земли возросла во второй половине XVIII в. по сравнению с первой половиной этого столетия в 1,5 раза, а чинш с куничных земель — в 1,2 раза. Из подсчетов по отдельным владениям видно, что увеличение числа дополнительных повинностей привело к дальнейшему росту отработочной ренты приблизительно в 1,2 раза. В то же время тяглая земля в центральных и западных вотчинах, считая их вместе, уменьшилась с 34 до 28%, а нетяглая увеличилась с 66 до 72%. Если принять эти процентные показатели за условные единицы и объединить их с данными о росте повинностей, окажется, что отработочная рента на протяжении XVIII в. фактически

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 171; д. 3676, лл. 109, 117; д. 4483, л. 4; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 3, д. 4, лл. 13, 29; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 2001, л. 19.

[2] См. Д. Л. Похилевич. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.», стр. 394, 396.

выросла в 1,5 раза, а денежная — в 1,3 раза[1]. Это подтверждает наши наблюдения о небольшом сдвиге в сторону отработочной ренты и о существенном росте эксплуатации крестьян. Отсутствие обобщенных данных о динамике натурального оброка, подобных данным о тяглых и нетяглых землях, не дает возможности сделать такого рода сопоставление с более ранними периодами, когда этот оброк играл бо́льшую роль в составе ренты.

При определении общего роста феодальных повинностей с первой половины XVII до второй половины XVIII в. включительно мы вынуждены ограничиться исследованием среднего тяглого хозяйства в одной из магнатских вотчин — графстве Тимковичи. Нами и В. М. Горцевым уже предпринимались попытки сопоставления повинностей среднего крестьянского хозяйства за разные годы. Однако в обоих случаях не учитывались изменения структуры надела. В новых расчетах сопоставлены два средние хозяйства за 1638 г. и 1778 — 1789 гг., насчитывавшие в первом периоде 0,45 волоки тяглой и 0,05 волоки приемной земли, а во втором — 0,3 тяглой и 0,2 приемной, что соответствовало изменениям структуры надела в центральных вотчинах. Были учтены все виды повинностей и оброка и пересчитаны на деньги. Как видно из табл. 20, общий рост всех повинностей тяглого крестьянина во владении Тимковичи составил 125%. При этом изменилось их соотношение. Удельный вес отработочной ренты повысился с 68 до 75%, денежной — почти вдвое (с 9 до 17%). В то же время значение натурального оброка уменьшилось в три раза (с 23 до 8%). Такие изменения объясняются, как видно из инвентарей владения Тимковичи, ростом барщины и дополнительных работ, заменой мелкого дякла и подводной повинности денежной платой, ростом приемной доли в составе надела.

Таким образом, результаты исследования говорят о том, что во второй половине XVIII в. основное направление развития феодальной ренты шло в сторону увеличения ее отработочной формы. Вместе с тем в конце этого

[1] Расчет произведен следующим образом. Тяглая земля в первой половине XVIII в. — 34 ед. давала 1 ед. барщины. Во второй половине XVIII в. 28 ед. земли давали $28\times1,5\times1,2=50,4$ ед. барщины. Рост составил: $50,4:34=1,46$, или 1,5 раза. Чинш в первом периоде — 66 ед. Во втором: $72\times1,2=86,4$ ед. Рост: $86,4:66=$ $=1,3$ раза.

века наряду с таким общим направлением в некоторых магнатских вотчинах стала проявляться и обратная тенденция. Она выступала не только на востоке, где ее отмечали И. Барановский и В. И. Мелешко[1], но и в других районах. Снижение барщины и частичная замена ее чиншем осуществлялись в 1794 г. во владении Яблоновской Высокое (Брестское воеводство); оно намечалось в одной из волостей Деречинского графства Сапег (1795 г.)[2]. Были переведены на чинш многие крестьяне в Друйской латифундии Сапег (1784—1793 гг.) и во владении Соллогуба Турове (до 1784 г.)[3].

Тенденция к очиншеванию нашла отражение в данных об удельном весе тяглых крестьян некоторых магнатских вотчин. Так, в Тимковичах количество тяглых снизилось с 66 до 56% (1757 и 1778 гг.), в Мостviловичах — с 92 до 85% (1760 и 1790 гг.), в Давид-Городке — с 37 до 33% (1753 и 1798 гг.), в Сморгони — с 30 до 26% (1755 и 1788 гг.), (табл. 11). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в некоторых вотчинах размер барщинных повинностей, значительно возросший на протяжении XVIII в., к концу этого столетия начал вновь уменьшаться — Тимковичи, Зденцел, Койданово, Сухличи, Денисковичи (см. табл. 15).

Если во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. очиншевание части крестьян было вызвано разорением деревни, то во второй половине XVIII в. в обстановке заметного экономического оживления оно должно было иметь другую причину. Имеются все основания считать такой причиной противоречие между развивающимися производительными силами и крепостническими производственными отношениями. Невыгодность принудительного труда крепостных становилась очевидной для некоторых землевладельцев, особенно для тех, кто стремился вести наиболее доходное, технически передовое хозяйство. В этих условиях в отдельных вотчинах происходило частичное очиншевание крестьян,

---

[1] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 258—259; В. И. Мелешко. Основные черты развития аграрных отношений восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.», стр. 253.

[2] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, лл. 51, 125; РОБВУ, А-1410, л. 17.

[3] РОБВУ, А-1275, лл. 32, 42, 47; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1305, оп. 1, д. 96, л. 467.

иногда связанное с расширением применения найма. Последователь физиократов граф Хрептович сознательно отказался от барщины; другие магнаты делали лишь некоторые шаги в этом направлении. Все же в большинстве вотчин центра и запада Белоруссии сохранялась отработочная рента.

До сих пор рассматривались повинности основных разрядов крестьянства: тяглых и куничных. Повинности бояр и земян уже описаны в исторической литературе[1]. Чтобы получить полное представление об изменениях в положении этих групп населения в магнатских вотчинах, остановимся на данных по трем владениям, расположенным в разных зонах Белоруссии: Тимковичи (центр), Зденцел (запад), Дубровно (восток).

Основной повинностью земян и бояр в XVII — первой половине XVIII в. повсеместно была «конная» служба, носившая отчасти военный, отчасти курьерский характер. В Тимковичах в 1691 г. их обязывали два раза в год возить письма на расстояние до 30 миль, защищать с оружием в руках границы вотчины, а в случае сбора всеобщего ополчения посылать с каждых пяти волок по одному всаднику с «хорошим казачьим снаряжением». Повинности бояр, которые не были причислены к «боярам-земянам», ограничивались уплатой чинша, курьерской службой и «прочими услугами господскому двору» (1713 г.). В Зденцельском графстве в 1691 и 1737 гг. бояре, именовавшиеся одновременно и земянами, должны были в случае сбора всеобщего ополчения являться на военную службу с оружием. Кроме того, они выполняли курьерские обязанности. Дубровненские земяне (1731 г.) по первому вызову господского двора прибывали верхом с должным вооружением. В этих владениях земяне платили сравнительно невысокий денежный чинш и «поконщину», не возили грузов, не выполняли отработочных повинностей.

[1] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII веках. Сб. «Средние века», вып. 21, стр. 141—168; А. П. Грицкевич. Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 248—250; П. Г. Козловский. Земельный надел и повинности крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г.», стр. 228—229.

Иначе выглядели повинности бояр и земян этих же владений во второй половине XVIII в. Земяне Зденцельского графства лишь в некоторых волостях сохранили службу с оружием, однако они уже не были во всеобщем ополчении, а только участвовали в наездах. Кроме того, их обязали ездить с подводами. В другой волости этого графства «конная» служба была совсем отменена, а вместо нее введен повышенный чинш (1772, 1784 гг.). Земяне Дубровненского графства несли курьерскую службу, ездили с подводами «в большую и малую дорогу», являлись на недельные дежурства в господский двор (этот вид службы назывался «резиденцией»), ремонтировали господские корчмы, ежегодно строили три лодки (1775 г.). Тимковичские земяне, проживавшие в отдельных застенках, платили высокий чинш — по 120 злотых, ездили на «экзекуцию», участвовали в облавах во время господской охоты и несли «резиденцию» в бытность князя. Земяне, проживавшие в деревнях, платили чинш такой же, как и чиншевики, и не несли особых земянских повинностей. Бояре платили более низкий чинш, чем земяне,—32 злотых, но ездили с подводами по четыре раза в год на расстояние в несколько десятков миль, несли службу «резиденции», частично давали мелкое дякло (1789 г.). По сравнению с концом XVII в. чинш как у бояр, так и у земян значительно вырос [1].

Таким образом, в трех вотчинах, расположенных в разных зонах (восток, центр, запад) произошел один и тот же процесс. Военно-служилые функции земян свелись к полицейским, а у бояр они совсем исчезли. Земяне и бояре приблизились к положению чиншевых крестьян, причем иногда боярская повинность именовалась «куничной» [2]. У обеих групп появились отработочные повинности. Наши наблюдения по материалам магнатских вотчин совпадают с выводами Д. Л. Похилевича, располагавшего преимущественно документами по королевским экономиям и староствам [3].

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8420, л. 29; д. 8424, лл. 80—81; ф. 3258, оп. 1, д. 9, л. 87; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 249, л. 29; д. 318, л. 13; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11363, л. 44.

[2] ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1189, л. 14.

[3] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском, стр. 141—168.

С середины XVIII в. обременение земян (а тем более бояр) отработочными повинностями выступает почти повсеместно. Земяне Уречья, Копыля, Койданова, Несвижа жаловались, что с них стали требовать выполнения отработочных повинностей, включая полевые работы [1]. Вводя новые порядки, еще дальше, чем Радзивиллы, пошли Тышкевичи. В их владении Косин бояре должны были еженедельно по два дня работать на барщине, а жены их — выходить на жатву по одному дню в неделю, сажать и поливать капусту на господских огородах. Земян же обязывали перевозить пеньку к пристани или ездить с грузами, куда им укажут. Мало того, они выполняли гвалты на полевых работах и даже вывозили на поле навоз (1784 г.). Подобная картина наблюдается и в Островненском графстве в 1778 г., где земяне именовались «земянами подданными» [2].

Выполнение земянами отработочных повинностей, в том числе работ непосредственно в господском полеводстве, свидетельствовало о том, что эта группа населения оказалась весьма далекой от своего прежнего «рыцарского ремесла». По существу бояре и земяне конца XVIII в., если исходить из их повинностей, представляли собой уже не военно-служилых людей, а лишь разновидность чиншевого крестьянства.

Значительные изменения произошли во второй половине XVIII в. и в повинностях крестьян-слуг, выполнявших невоенные обязанности. «Стрельцы» (егеря), «лесничие», «осочники», как и ранее, охраняли лес от самовольных порубок и пожаров, вели борьбу против браконьеров, организовывали облавы. Кроме того, они обязаны были доставлять господскому двору определенное количество зверей и дичи. Основная доля их надела считалась «вольной», поскольку барщины в фольварочном хозяйстве они не выполняли. За приемную же землю они платили чинш на общих основаниях, но во второй половине XVIII в. в связи с уменьшением значения охоты сократилось количество «лесных слуг» и изменились их повинности. В Турове часть егерей перевели на чинш (1777 г.). В Сморгони (1788 г.), Дубровно

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3388, л. 87; д. 5001, лл. 1—33, 84; д. 9009, лл. 3, 7.

[2] ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1142, л. 19; РОБАН, ф. TF, ед. хр. 287, л. 12.

(1775 г.), Друе (1793 г.) с них стали дополнительно требовать сдачи угля или золы либо уплаты натурального оброка. Таких сообщений мы не находим в документах более раннего периода.

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. еще сохранялась особая «бортная» служба. Первоначально она давала «бортникам» право на надел, свободный от барщины и чинша. Позже их обязанности расширились, а за надел стали взимать некоторый чинш. Например, бортники в Минском графстве обязаны были присматривать за господскими бортями в лесу и собирать с них мед, подготовлять ежегодно по четыре новых борти и заселять пчелами. Кроме того, им вменялось в обязанность ловить форель и платить за основной надел чинш из расчета 15 злотых с волоки. Во второй половине XVIII в. термин «бортник» встречается редко. В Смядынском графстве лесными бортями ведал «полазник» (1781 г.). Однако от барщины он освобождался только весной и осенью, а в остальное время работал наравне с другими тяглыми [1].

Эволюция положения «лесных слуг» и бортников в магнатских вотчинах, как показали источники, соответствовала эволюции этих групп в государственных владениях, исследованных Д. Л. Похилевичем [2]. Свободным от барщины был основной надел войта, а иногда и лавников, исполнявших судебно-административные обязанности [3].

Издавна освобождались от барщинных работ крестьяне, постоянно занимавшиеся промыслами, и сельские ремесленники. В Ружанском графстве бондари давали двору еженедельно по три деревянных сосуда каждый, гонторезы — по 10 коп гонта, плотники, каменщики, столяры, пильщики обязаны были выполнять все заказы господского двора. За это они освобождались с основной доли надела от всех других повинностей (1699 г.).

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1742, л. 35; д. 8220, л. 17; оп. 3, д. 4197, лл. 5—6; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 56; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 406, л. 63; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1201, лл. 21—22; РОБВУ, А-1275, лл. 3—4.

[2] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVII—XVIII вв., стр. 64—76; Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVI—XVIII вв. Сб. «Средние века», вып. 21, стр. 146, 155.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, лл. 11—14; оп. 3, д. 4210, л. 2; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 53.

В аналогичном положении находились каменщики, колесники и другие ремесленники в Несвижском княжестве (1722 г.). Такое положение было общим для магнатских вотчин Белоруссии во второй половине XVII — первой половине XVIII в. К концу XVIII в., когда заинтересованность магнатов в сельских ремесленниках уменьшилась, возросло обременение этой группы обычными повинностями. Количество ремесленников на «вольных» наделах сократилось. В Клецком княжестве в 1791 г. портной и колесник отбывали барщину и платили чинш. В Несвижском княжестве часть плотников и бондарей еще сохраняла «вольный» надел, другая часть платила чинш, третья — находилась на тяглой повинности [1].

Таким образом, судя по объему и характеру выполнявшихся повинностей, состояние сельских ремесленников в магнатских вотчинах ухудшалось. Этот вывод соответствует наблюдениям некоторых историков о положении сельских ремесленников в Белоруссии [2].

Наряду с прямым принуждением крестьян к выполнению различных повинностей магнаты Белоруссии широко прибегали к другим формам эксплуатации, основываясь на своих сеньоральных правах, гарантировавших им ряд монополий и баналитетов. Они обязывали своих крестьян молоть зерно не иначе, как на господской мельнице с уплатой помольного «гарнцевого» сбора. В литературе отмечается широкое использование феодалами так называемой «пропинации» — монопольного права на винокурение и продажу спиртных напитков жителям своего владения, особенно во второй половине XVII—XVIII в., и ее пагубные последствия для крестьянства Белоруссии [3].

Эта картина наблюдается и в магнатских вотчинах. Магнаты устанавливали высокие штрафы за самовольное приготовление водки и пива, а также за их закупку

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1708, л. 39; д. 2255, лл. 1—21; д. 6683, лл. 19—24; д. 9259, л. 15; оп. 3, д. 4, л. 7; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 183, л. 35.

[2] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII вв. Сб. «Средние века», вып. 21, стр. 167—168.

[3] См. М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, стр. 418; В. А. Мякотин. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов, стр. 72.

вне пределов вотчины. Мельницы, корчмы, сбор внутренних таможенных пошлин они сдавали в аренду откупщикам. На протяжении XVIII в. магнаты неоднократно повышали размер корчемной аренды, тем самым увеличивая бремя эксплуатации, ложившееся на население, поскольку всякое повышение арендной суммы перекладывалось откупщиками на потребителей. Росла задолженность крестьян перед корчмарями, которую, за немногими исключениями, господский двор взыскивал принудительно. Широко распространялась продажа водки крестьянам под залог вещей, скота, покупка у них по дешевке зерна в погашение долга.

Крестьяне сознавали, какое зло представляет пропинация. Встречаются жалобы, в которых они, соглашаясь платить чинш, просили взамен избавить их от «аренды» (корчемной), «ибо это их погибель» [1].

Рост коммерческой инициативы феодалов при сохранении средневековых привилегий привел к более широкому использованию торговых монополий. Феодалы Белоруссии зачастую обязывали крестьян покупать только у них некоторые товары, в первую очередь соль и сельдь, продаваемые по повышенным ценам. Более того, крестьян принуждали продавать некоторые продукты господскому двору по ценам, назначаемым магнатами [2]. Какой урон несли при этом крестьяне, можно убедиться из жалоб земян застенка «Каменный Угол» владения Вязынь. Они сообщили, что их заставили купить семь бочек соли по 6 чеканных талеров, в то время как на рынке бочка стоила 5 талеров. Крестьяне д. Заболотье того же владения вынуждены были уплатить по 48 злотых за бочку, тогда как рыночная ее цена составляла 36 злотых. По подсчетам, произведенным в судебном деле, от реализации соли крестьянам Копыльского княжества феодалы в 1764—1766 гг. получили 6072 злотых дохода.

Если магнаты не могли реализовать фольварочную продукцию, то случалось, что крестьян заставляли приобретать и продукты сельского хозяйства (зерно,

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 296, л. 53; оп. 2, д. 1913, л. 294; д. 3606, л. 31; д. 4652, л. 15; д. 4653, л. 41; д. 4713, л. 10; д. 5858, л. 277; д. 5898, л. 10; д. 8208, лл. 6—7; оп. 4, д. 1776, лл. 1, 7.

[2] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 262—266; Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 121—122.

молочные продукты, рыбу, птицу, овощи), которые они производили сами и в которых не нуждались. В Давид-Городке еще в начале XVIII в. считали уместным принудительно раздавать крестьянам все излишки зерновых, а также горох, крупу, мак, анис и лук по заранее установленной цене, «хотя бы на рынке продавалось дешевле». Иногда крестьяне добровольно брали на себя реализацию господского зерна, чтобы избавиться от дальних поездок с подводами [1].

Принудительная скупка в магнатских вотчинах распространялась на лен, пеньку, льняное и конопляное семя. В Слуцком и Копыльском княжествах во второй половине XVIII в. особым универсалом Радзивилла купцам запрещалась скупка «семени», щетины, «мотков» ниток. Продавая крестьянам соль, их заставляли иногда платить за нее льняным и конопляным семенем. Аналогичный принудительный обмен был введен в Несвижском княжестве. В Быхове, Койданове, Дрисвятах, Друе пеньку и семя приобретали у крестьян за деньги, но принудительная скупка носила характер откровенного феодального грабежа. Так, в Быхове крестьянам платили за берковец пеньки по 60 злотых, а продавали ее купцу за 88 злотых; в Дрисвятах скупали льняное семя «за полцены». В Друе брали у крестьян льносемя по 6 злотых за пуру и тут же на месте перепродавали купцам по 8 злотых. Крестьяне повсеместно возражали против принудительной скупки. В Друе протестовало все крестьянство, настаивавшее на замене монополии денежным платежом (1793 г.). Таким образом, коммерческие операции феодалов, основанные на владельческих правах, приходили в столкновение с заинтересованностью крестьян в развитии товарности их собственного хозяйства. Резкое недовольство крестьян сдерживало принудительную скупку. Магнаты вынуждены были сочетать ее с покупкой по складывавшимся на рынке ценам [2].

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, л. 3; оп. 2, д. 1702, л. 42; д. 1707, л. 38; д. 1913, л. 88; д. 3137, л. 40; д. 4356, л. 4; д. 5001, лл. 34—86; д. 8438, л. 14; д. 9009, л. 11; оп. 4, д. 5858, лл. 57—58, 66; оп. 7, д. 220, лл. 29—30; д. 947, л. 50; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 3, д. 4, л. 29; РОБАН, B_3, ед. хр. 80, л. 12.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, лл. 9—10; оп. 2, д. 2055, л. 61; д. 3374, л. 89; д. 5001, лл. 36, 37, 72; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп 8, д. 1225, л. 16; РОБВУ, А-1101, л. 8; А-1275, лл. 33, 47; РОБАН, B_3, ед. хр. 77, л. 11; AG, д. 4580, л. 61.

Основные сельскохозяйственные продукты—зерно, скот—как правило, не подлежали принудительной скупке.

Рассмотрение соотношения форм ренты и эволюции отдельных видов крестьянских повинностей показывает увеличение феодальной эксплуатации на протяжении XVII—XVIII вв. Это увеличение не могло осуществляться только усилением внеэкономического принуждения при той же или даже сужающейся материальной базе, как полагали ранее некоторые историки[1]. Такое развитие привело бы уже в XVIII в. к подрыву экономики как крестьянского, так и в конечном счете помещичьего хозяйства. Между тем наши исследования по магнатским вотчинам свидетельствуют о заметных успехах сельского хозяйства, достигнутых во второй половине XVIII в., в том числе и крестьянскими хозяйствами. Стало быть, рост производительных сил как раз и являлся той базой, на основе которой в Белоруссии усилилась феодальная эксплуатация.

Однако увеличивалась она отнюдь неравномерно. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в связи со значительным ослаблением производительных сил крестьянского хозяйства затормозился и рост феодальной эксплуатации. Во второй половине XVIII в. феодальная эксплуатация значительно возрастает. Увеличившаяся еженедельная барщина, концентрация барщинных дней в страдную пору и перенос их на погожие дни, толоки, распространение урочной системы, увеличение численности и объема дополнительных работ, возрастающий отрыв от хозяйства для работы на господских предприятиях, рост перевозок различных грузов, принадлежавших магнатам,—все это создавало тягчайшее физическое бремя для тяглого крестьянина и членов его семьи, истощало его рабочий скот, отрицательно сказывалось на его хозяйстве. Немалую задачу для куничного крестьянина представлял денежный оброк, вынуждавший его напрягать все силы, чтобы собрать необходимую сумму.

Вопрос о положении крестьянства Белоруссии в условиях феодального строя привлекал внимание не только

---

[1] В. И. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии, стр. 59, 62, 64; И. Ф. Лочмель. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов, стр. 61—62.

историков, но и широких кругов читателей. При этом не обходилось без ошибок. Иной раз о степени феодального гнета судили лишь по числу дней еженедельной барщины.

Приведенные нами материалы по магнатским вотчинам со всей очевидностью доказывают неправильность таких оценок. В условиях господства смешанной ренты, составлявшей одну из особенностей Белоруссии XVII—XVIII вв., еженедельная барщина являлась важным, но далеко не единственным показателем обременения крестьянства. Ее изменения характеризуют в бо́льшей мере эволюцию, чем размеры ренты. Магнаты и шляхта Белоруссии создали весьма сложную, всеобъемлющую систему присвоения прибавочного продукта, производимого трудом крестьянина, которая по мере развития товарно-денежных отношений становилась все более изощренной.

Глава IV

РОСТ ТОВАРНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Рыночные связи. Уровень материального обеспечения крестьян

Проблема рыночных связей крестьянского хозяйства является наименее исследованной в истории Белоруссии второй половины XVII—XVIII в. По мнению Ф. И. Забелло, крестьянское хозяйство в этот период вообще не выступало на рынке, так как не имело товарных излишков и было отрезано от рынка торговыми монополиями феодалов [1].

Хотя это положение до недавнего времени было широко распространено в исторической литературе, его нельзя отнести к научным. К. Маркс говорил, что наличие денежной ренты предполагает и рыночные связи [2]. А денежный оброк в Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII в. входил в состав феодальных повинностей всех разрядов крестьянства и для многих крестьян являлся основной повинностью.

В работах А. Жабко-Потоповича, К. И. Керножицкого, Д. Л. Похилевича констатируется существование рыночных связей крестьян в XVIII в., однако подробно на данном вопросе эти историки не останавливаются [3].

В последнее время исследователи, изучающие историю городов Белоруссии, установили участие крестьян

---

[1] См. Т. І. З а б е л а. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», кн. 3, т. II, стар. 142, 145—146.

[2] См. К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 810.

[3] См. К. І. К е р н а ж ы ц к і. Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканомічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII сталецьця. У зб. «Досьледы і матар'ялы па вывучэньні гісторыі», серыя 2, вып. 2, стар. 90—91; Д. Л. П о х и л е в и ч. Аграрная реформа Тизенгауза и Шавельское восстание. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 279—280, 287, 288; A. Ż a b k o-P o t o p o w i c z. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w w. XVIII, s. 141.

в торговле на городском рынке еще в XVI в. В конце XVII — начале XVIII в. на торги в г. Слуцк из окрестных сел и деревень приезжали крестьяне. Они продавали зерно, рыбу и скот. Большую роль в крестьянской торговле играли скупщики. На рынках Могилева крестьяне продавали зерно, скот, хмель, рыбу, изделия сельских промыслов. Во второй половине XVIII в. на летние ярмарки Минска крестьяне доставляли скот, зерно, самотканное сукно, полотно, глиняную и деревянную посуду. Документ о ревизии г. Бельска, составленный в 1779 г., содержит характеристику городов Великого княжества Литовского. В ней говорится, что крепостные крестьяне сбывали в городах продукцию своего хозяйства [1].

К сожалению, в источниках содержится мало сведений о крестьянской торговле. В них полностью отсутствуют цифровые данные, которые могли бы служить основой для статистических расчетов. Тем не менее в документах по магнатским вотчинам отражены оживленные связи между крестьянским хозяйством и городом в рассматриваемый период.

Известно, что в частновладельческих городах и местечках, составлявших административные центры магнатских вотчин, происходили регулярные торги (базары), а в некоторых — ярмарки. Упоминание о ярмарке в местечке Островно — центре вотчины Поцеев, встречается в 1711 г. Ежегодная ярмарка была в Давид-Городке, в Дубровненском графстве и в ряде других изучаемых владений. Крестьяне Ружанского графства Сапег каждую среду освобождались от барщинных работ с тем, чтобы, как сказано в источнике, они могли являться в местечко Ружаны на еженедельный базар (1687,

[1] См. А. М. Карпачоў. Эканамічнае развіццё Мінска ў XVIII стагоддзі. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1962, № 2, стар. 75, 76; З. Ю. Копысский. Рыночные связи сельского хозяйства Белоруссии XVI — первой половины XVII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 147—149; А. П. Грицкевич. Местный рынок сельскохозяйственных продуктов в Слуцком княжестве в Белоруссии в конце XVII — начале XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г.», стр. 247—249; В. И. Мелешко. О феодальной ренте и развитии товарно-денежных отношений в королевских экономиях Восточной Белоруссии в конце XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 229; Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки, вып. IV. Вильно, 1903, стр. 57.

1712 гг.). В Давид-Городке (1753 г.) был установлен срок уплаты крестьянами денежного чинша «сразу после ежегодной ярмарки». Устав 1798 г., повторяя это предписание, мотивирует его следующим образом: не надо торопить крестьян с уплатой чинша, чтобы не вынуждать их продавать за бесценок свои продукты или влезать в долги. Это привело бы к разорению крестьян, их уходу из владения и нанесло бы убыток владельцу [1].

Инвентарь 1712 г. разрешает всем крестьянам Друйского графства беспрепятственно торговать всякими товарами, кроме лесных, покупать и продавать их. О наличии у крестьян излишков сельскохозяйственных товаров для продажи говорит люстрация этой латифундии 1793 г.[2]

Магнаты часто ограничивали свободу крестьянской торговли, обязывая крестьян торговать на базарах в городах и местечках, принадлежащих феодалам. Эти ограничения — еще одно доказательство развития торговых связей крестьянского хозяйства, поскольку они свидетельствуют о попытках крестьян вывозить свои продукты за пределы вотчины. Так, инструкция владения Потоцких Тростяница (Брестское воеводство, 1757—1759 гг.) обязывает всех крестьян ездить на базары только в местечко Пратолин. Они должны были являться туда по воскресеньям с теми продуктами или изделиями, которые у них будут для продажи. Аналогичное предписание содержалось в инструкции по графству Потоцких Россь (Волковысский повет) за 1759 г. Владелец Быховского графства требовал от своих земян ездить на базары в г. Старый Быхов.

В то время когда одни феодалы, заботясь о развитии принадлежавших им местечек, поощряли крестьян к посещению торгов, другие опасались, что их чрезмерная торговая активность отразится на исправном отбывании барщины. Инструкция по Сарьянскому владению за 1782 г. обвиняет крестьян в том, что они «постоянно толкутся по ярмаркам» [3].

---

[1] ИЮМ, вып. 27, стр. 268; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1708, л. 44; д. 1742, л. 35; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 55; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 183, л. 35; д. 221, л. 64.

[2] РОБВУ, А-1275, л. 43; А-1398, л. 6.

[3] AG, д. 4568, л. 164; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. 1, s. 403, 487; S. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII w., t. 1, s. 230—231.

О доставке крестьянами зерна на рынок косвенно свидетельствует рыночное оборудование. В местечках Высоком, Ружанах на рыночных площадях были установлены колодные меры для зерна с гарнцевыми делениями. Такое оборудование не нужно было феодалам, которые сбывали зерно крупными партиями. Оно говорит о наличии мелких поставщиков, занимавшихся розничной продажей. В инструкциях Потоцкого по графству Россь прямо говорится о продаже крестьянами его вотчины зерна на базарах. Во второй половине XVIII в. в имении «Уречье» (Слуцкое княжество Радзивиллов), как гласит документ 1789 г., «крестьяне из разных деревень привозили на продажу зерно». В сороковые годы XVIII в. Радзивиллы закупали рожь, овес, скот и сено на рынках Несвижа и Мира, а также в деревнях. Товары эти приобретались ими частью через скупщиков, а частью непосредственно от крестьян, в том числе от своих же крепостных, по ценам, складывавшимся на рынке. Господский двор в Налибоках в 1779 г. скупал у крестьян по рыночным ценам скот, мясо и овощи с доставкой на место [1].

На северо-западе, в Подвинье, крестьяне разводили скот на продажу и ежегодно отгоняли его в Ригу. Среди крестьян выделялись скупщики скота, платившие сбор за свои торговые операции. Продажа скота играла настолько важную роль в крестьянском хозяйстве, что срок уплаты чинша для всех крестьян Освейской латифундии Сапег уставом 1749 г. был приурочен ко времени «возвращения из Риги по первому санному пути» [2].

Важной статьей крестьянской торговли, особенно на востоке, в Поднепровье и Подвинье была пенька. Крестьяне Дубровненского графства во второй четверти XVIII в. продавали пеньку на рынках «где им было угодно». О массовом характере крестьянской торговли пенькой можно судить по уставу Дубровненского графства за 1775 г., который гласил: «В этой стороне существует обычай уплаты чинша после продажи пеньки, а посему надлежит собирать чинш... с волостей графства

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4992, лл. 5—10; д. 5705, л. 6; оп. 4, д. 1776, л. 7; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, лл. 3, 21; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, л. 22; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 403, 442.

[2] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 111, лл. 532, 561—562.

около... русского крещения»[1]. По сведениям И. Барановского, крестьяне Шкловского графства должны были в первую очередь предложить пеньку господскому двору. Если же администрация двора не покупала ее, крестьяне вывозили пеньку за границу и продавали в Крулевце или Риге[2].

Ежегодно от Сверженской пристани отправлялись караваны речных судов в Крулевец. Среди владельцев грузов были купцы из Быхова и Хальчи, экспортировавшие большое количество пеньки и пакли (1722 г.). Поскольку, как видно из документа, шляхта отправляла свои грузы тем же караваном самостоятельно, надо полагать, что купеческие товары были предварительно скуплены у крестьян[3]. Об оживленной торговле крестьян восточной Белоруссии сообщает В. И. Мелешко[4].

В центральной и западной Белоруссии одним из наиболее товарных продуктов крестьянского хозяйства было льняное и конопляное семя. Наряду с принудительной скупкой, о которой уже говорилось, здесь широко практиковалась и свободная торговля. В 1770—1780 гг. господский двор в Вязыне производил через корчмарей скупку семени по рыночным ценам. Семя привозили на продажу как свои подданные, так и посторонние: из Уссы, Койданова и других волостей. Управитель имений Радзивилла Донат в 1776 г. предлагал организовать скупку у крестьян в северных владениях (Невель) щетины, льна, льняного и конопляного семени для последующей перепродажи на западе по более высоким ценам[5].

Многие крестьяне торговали лесом и лесными товарами, которые заготовляли в господских пущах. Кроме того, они рубили дрова, привозили в местечки и продавали ремесленному и торговому населению. На базарах крестьяне продавали мед, рыбу, овощи, а также изделия своих промыслов. На рынках Клецка, Глуска, Любчи

[1] ЦГИА БССР, ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 54.

[2] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 262.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1661, л. 12.

[4] См. В. И. Мелешко. Рыночные связи сельского хозяйства восточной Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений IX (таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966, стр. 132.

[5] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, л. 3; оп. 2, д. 5001, лл. 36—37; оп. 4, д. 5858, лл. 6, 7, 261.

продавались бочки, кадки и другие бондарные изделия, сита, решета, деревянная посуда, лыко[1]. Но крестьяне не только продавали на рынках свои продукты и изделия. Они выступали также в роли покупателей, приобретая необходимые изделия в местечках и сельских корчмах, являвшихся одновременно лавками. Правда, сведения о крестьянских покупках в наших источниках еще более скудны, чем о продаже, так как феодалы редко регистрировали их в своих документах. В инструкции по владению Россь за 1759 г. отмечается, что господский двор предоставил кредит торговцам на доставку из Турова «сошников и другого железа». В большом количестве продавались сошники на Клецком рынке в 20-е годы XVIII в. Во второй половине XVIII в. на тимковичские базары сотнями доставлялись для продажи «нароги» (те же сошники), косы и оселки[2]. Совершенно очевидно, что массовым покупателем этих товаров было крестьянство, так как в фольварках того времени своих сельскохозяйственных орудий почти не имелось.

Некоторые сведения о таких покупках можно получить из жалоб, судебных документов, перечислявших ущерб, нанесенный крестьянам при различных обстоятельствах. Из таких документов видно, что у жителей деревень имелось немало предметов ремесленного или мануфактурного производства. У них были железные гребни для чесания шерсти, топоры, подковы, буравы, зеркала, шапки и сапоги. Несомненно, эти изделия, а также хомуты, колеса, сани, кожухи приобретались крестьянами у сельских или городских ремесленников[3].

Таким образом, рыночные связи крестьянства носили двусторонний характер. Крестьянин продавал свои продукты не только для уплаты денежного оброка, но и для того, чтобы закупить необходимые ему в хозяйстве ору-

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2001, л. 21; д. 3137, лл. 32—35; д. 4207, л. 29; д. 4975, л. 184; д. 9102, л. 58; оп. 3, д. 55, лл. 1—3; оп. 7, д. 220, л. 3; ф. 3258, оп. 1, д. 10, л. 42; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1142, л. 19.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3137, л. 33; оп. 3, д. 55, лл. 1—3; оп. 4, д. 1776, л. 7; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. 1, s. 409.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4483, лл. 218—219; оп. 4, д. 5858, л. 131; А. П. Грицкевич. Местный рынок сельскохозяйственных продуктов в Слуцком княжестве Белоруссии в конце XVII — начале XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г.», стр. 251.

дия труда и некоторые потребительские товары ремесленного производства.

Рыночные связи крестьянского хозяйства с городом и местечком существовали и развивались на всем протяжении второй половины XVII и XVIII в. Отсутствие цифровых показателей не позволяет проследить за динамикой этих связей. Однако есть достаточно оснований считать, что развитие товарно-денежных отношений и углубление разделения труда во второй половине XVIII в. активизировали крестьянскую торговлю.

Расширению внутреннего рынка в Белоруссии на протяжении XVIII в. способствовали возраставшая товаризация фольварочного хозяйства и рост господского предпринимательства, а также углубление дифференциации крестьянства и распространение наемного труда. Наконец, рост производительных сил сельского хозяйства — повышение урожайности, увеличение посевных площадей — благоприятствовали крестьянской торговле. О ее развитии свидетельствует также рост купеческой торговли сельскохозяйственными продуктами, отмечающийся в истории городов Белоруссии этого периода [1].

Как поставщик и как потребитель товаров крестьянство было связано главным образом с внутренним рынком. Однако через скупщиков — купцов и феодалов — крестьянское хозяйство частично вовлекалось и во внешнеторговые связи. Жители деревень пограничных районов иногда непосредственно реализовывали свою продукцию за пределами Великого княжества Литовского.

Вопрос о крестьянской торговле тесно связан с проблемой уровня материального обеспечения крестьян. Продавать зерно они могли только в том случае, если располагали излишками. Поэтому, чтобы определить материальную основу крестьянской торговли, необходимо установить зерновые ресурсы крестьянского хозяйства. В качестве примера, раскрывающего возможности продажи крестьянами зерна (табл. 21), нами исследован зерновой баланс среднего хозяйства в урожайном районе Слуцка—Клецка (средняя полоса Белоруссии).

Поскольку письменный учет прихода и расхода зерна в крестьянских хозяйствах не велся, наши расчеты осно-

[1] См. А. М. Карпачев. Минск в период упадка шляхетской Речи Посполитой. История Минска, стр. 56, 61—62; Полоцк. Исторический очерк. Минск, 1962, стр. 55.

вываются на данных о площади надела, нормах высева, урожайности, числе душ в крестьянском дворе, норме душевого потребления. Надел, населенность дыма, урожайность определены на основании I и II глав. Средняя норма высева — 0,25 бочки зерна на 1 морг — известна из литературы[1]. Размер дякла исчислен по уставу владения Тимковичи[2].

Наибольшую сложность представляет определение внутрихозяйственного расхода зерна. Г. Ловмяньский находит, что норма зерна на пропитание крестьянской семьи и на корм скоту составляла 300 кг в год на человека[3]. Более высокую норму исчислил П. И. Кеппен (3 «четверти» или 3,9 центнера на душу)[4]. Однако, согласно новейшим исследованиям К. В. Сивкова, эта норма составляла только 2 «четверти», т. е. 2,6 центнера в год[5]. Поскольку расчеты К. В. Сивкова основаны на обширном статистическом материале и относятся непосредственно к рассматриваемому периоду, их и следует принять за основу.

Как видно из табл. 21, изучаемое крестьянское хозяйство могло в урожайные годы продать после уплаты натурального оброка два центнера зерна.

Конечно, не во всех магнатских вотчинах крестьяне находились в таких относительно благоприятных условиях, как в районах Слуцка и Клецка. В других местах урожайность была ниже. Кроме того, в неурожайные годы большинству крестьян хлеба не хватало.

Там, где низкая урожайность не компенсировалась большей площадью надела, среднее крестьянское хозяйство не имело никаких зерновых излишков. В таких районах поставлять зерно на рынок могли только богатые крестьяне.

Имущественная дифференциация крестьян сказыва-

---

[1] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Приложение II.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4206-а, лл. 1—8.

[3] H. Łowmiański. Struktura gospodarcza Mohylewa w czasach pomiary włócznej. «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», t. VIII, zesz. 1. Lwow, 1939, s. 14.

[4] См. П. И. Кеппен. О потреблении хлеба в России. «Журнал Министерства внутренних дел». СПб, 1840, № 6, стр. 404—411.

[5] См. К. В. Сивков. Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 26.

лась на их рыночных связях повсеместно. Если богатые крестьяне, державшие волоку и более земли на двор, имели возможность реализовать при хороших урожаях по 15 центнеров зерна, то их малоземельные односельчане, весь надел которых не превышал 0,25 волоки, не могли на нем полностью прокормиться. Они вынуждены были добывать дополнительные средства к существованию за счет промыслов или найма.

Для характеристики крестьянского хозяйства весьма важно знать, продавались ли излишки продукции только для уплаты денежных поборов в пользу феодалов и государства, или же в хозяйстве оставался некоторый денежный доход. Не пытаясь в настоящей работе полностью рассмотреть крестьянский бюджет, ограничимся сопоставлением выручки крестьян от реализации зерна с расходами на уплату денежного оброка и налогов.

Выше мы видели, что средний крестьянин в районе Клецка мог продавать в урожайные годы два центнера зерна. Очевидно, это была рожь — основной товарный продукт. Рыночные цены ржи в этом районе в 70-е годы XVIII в. составляли 22 злотых за виленскую бочку, что в переводе на весовые меры составляет 8 злотых за центнер [1]. Стало быть, крестьянин мог выручить за рожь 16 злотых. Денежные платежи всех видов с такого хозяйства составляли, по нашим расчетам, также 16 злотых. В эту сумму включен не только чинш, но и денежный эквивалент за натуральный оброк, кроме учтенного уже зернового, и государственный налог — подымное. Следовательно, выручки от реализации зерна хватало на уплату денежных взносов феодалу. Но крестьянин получал еще денежный доход от реализации животноводческих продуктов, а иногда и от промыслов. В результате он располагал небольшими средствами на закупку необходимых ремесленных или мануфактурных изделий.

В ином положении находились наиболее богатые крестьяне того же района, надел которых состоял из полной волоки. По аналогичному расчету, реализационные излишки такого хозяина составляли 14,5 центнера зерна. Если мы примем, что две трети этого количества приходилось на рожь (9,5 центнера), а одна треть (5 центнеров) на овес, продававшийся по цене около 6 злотых за

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8438, л. 18.

центнер, то выручка от реализации была бы равна 106 злотым. Денежные платежи с такого хозяйства составляли 34 злотых, включая и замену подводной повинности, которую богатый крестьянин, видимо, предпочитал не отбывать в натуре. В итоге у него оставалось около 70 злотых денежного дохода от зернового хозяйства и возможный доход от животноводства. Такой богатый крестьянин мог уже не только покрывать свои расходы, но и производить накопление средств, которые вкладывались им в расширение хозяйства, предпринимательство или скупочные операции [1].

Многочисленная крестьянская беднота доходную часть своего денежного бюджета могла строить только на выручке от промыслов и плате за труд по найму.

Конечно, наши расчеты по денежному бюджету крестьян весьма приблизительны. Колебание рыночных цен, система принудительной скупки, практиковавшаяся феодалами, приблизительные данные о крестьянских урожаях, состояние источников не позволяют дать полной гарантии, что учтены абсолютно все факторы, влиявшие на изучаемые нами показатели. Тем не менее имеющиеся сведения дают возможность сделать выводы о характере крестьянской торговли и экономике крестьянского двора в целом. Эти данные свидетельствуют о том, что далеко не всегда продажа крестьянами зерна была вынужденным актом, имевшим единственную цель — уплату феодальной ренты. В значительной мере выход крестьянина на рынок как поставщика зерна отражал развивавшуюся товаризацию крестьянского хозяйства.

Вместе с тем на развитие крестьянского хозяйства отрицательно влиял ряд неблагоприятных факторов. Помимо установившихся феодальных повинностей, на плечи крестьян взваливалось бремя дополнительных поборов. Тяжело отражались на крестьянском хозяйстве стихийные бедствия: неурожаи, эпидемии, мор скота, которые были довольно частыми в Белоруссии. Они надолго нарушали относительное равновесие крестьянского хозяйства. В инвентаре владения Островно Деречинского графства за 1757 г. отмечается, что крестьяне «в результате неурожаев, повторявшихся на протяжении несколь-

[1] Расчеты произведены по инвентарю и уставу владения Тимковичи за 1777—1789 гг. (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8437, лл. 25—26; оп. 3, д. 4206-а, лл. 1—8).

ких лет, и массового падежа скота совсем обеднели». Большой голод вызвал неурожай 1794 г. Феодальный строй не создавал условий для эффективной борьбы со стихийными бедствиями и для преодоления их последствий. Случалось, что в неурожайные годы жителям отдельных сел приходилось нищенствовать.

Бичом крестьянства было невежество. Первая прогрессивная реформа просвещения на территории Белоруссии была проведена только в 1773 г. (создание Эдукационной комиссии), но и она носила классово ограниченный характер. Закрепощенное крестьянство в своей массе оставалось неграмотным. Социальному гнету и невежеству крестьянских масс сопутствовал алкоголизм. Феодалы способствовали его развитию, так как монопольное право на винокурение и продажу водки в пределах своих владений приносило им немалые доходы. Число корчем на протяжении XVIII в. повсеместно росло, и к концу этого столетия они имелись почти в каждой деревне. Многие попадали в неоплатные долги к корчмарям. Задолженность крестьян перед корчмой приняла настолько серьезные размеры, что магнаты стали вводить ограничения размеров кредита, предоставлявшегося в корчмах [1].

Тяжелое бремя феодальной эксплуатации, дополнительные поборы, вымогательства администрации, недороды и алкоголизм приводили к тому, что многим крестьянам периодически не хватало своего посевного материала. Иные к весне или даже с Нового года сидели без хлеба. Они были вынуждены обращаться к магнатам за получением зерновых ссуд на посев, иногда и на пропитание. Феодалы предоставляли ссуды на кабальных условиях. Зерно, полученное весной, крестьянин должен был осенью возвратить с надбавкой, а часто еще и отработать в поле или на поташном производстве. Случалось и так, что крестьянам давали зерно с мякиной, а возвратить требовали чистое.

Задолженность перед господским двором по ссудам вместе с недоимками натурального зернового оброка за ряд лет тяготела над многими крестьянами. Очень часто

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1742, лл. 30, 36; д. 5920, л. 19; д. 6673, лл. 561, 616—623; д. 9014, л. 165; оп. 4, д. 1776, л. 1; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 56; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 234, л. 78; РОБВУ, А-1410, лл. 8, 16; А-1481, л. 39; А-1653, лл. 1—7.

приходилось списывать эти недоимки как совершенно безнадежные. Обстоятельства заставляли магнатов оказывать крестьянам и безвозмездную помощь. Больные освобождались от барщины, погорельцам и молодоженам строили (барщинным трудом деревни) дома, давали скот и семена. Иногда обедневшим крестьянам в порядке оказания помощи раздавали в бесплатное временное пользование участки земли из имеющегося резерва. Истинные мотивы этих льгот и помощи весьма откровенно высказаны в уставе Дубровненского графства за 1775 г. «Крестьянам, обедневшим или же, упаси бог, больным, лежащим в постелях, господский двор должен помогать барщиной и посевом, чтобы они не разошлись и сохранили возможность нести повинности в нашу пользу»[1].

Помощь феодалов крестьянству ничего общего не имела с благотворительностью; она вытекала из осознания ими их собственных интересов, а в значительной степени была вырвана классовой борьбой крестьянства. Льготы, пособия и кредит (в тех случаях, когда в нем не преобладала ростовщическая сторона) в известной мере предохраняли беднейших крестьян от окончательного разорения и поддерживали их минимальный жизненный уровень. Они способствовали экономической нивелировке деревни, но не уравновешивали последствий растущего феодального гнета.

В последней четверти XVIII в. в магнатских вотчинах Белоруссии возникла, по образцу соседних стран, новая форма кредита — крестьянские ссыпные «магазины» (страховые склады). Начало ссыпным магазинам положили Чарторысские. Их инициатива была подхвачена другими магнатами: Анной Яблоновской, Антоном Тизенгаузом. Магазин основывался на ежегодных принудительных взносах в натуре, поступавших от всех крестьян волости. В случае неурожая, продовольственных трудностей крестьянин мог получить из магазина необходимую ему зерновую ссуду, а погорелец и обнищавший—

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 30, 197; д. 2055, лл. 66, 82; д. 2255, лл. 2—7; д. 3388, лл. 11, 12; д. 4975, л. 184; д. 6154, л. 12; д. 6423, лл. 132, 141; ф. 3258, оп. 1, д. 14, лл. 54, 55; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 351, л. 12; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1142, л. 15; РОБВУ, А-1275, л. 43; А-1410, л. 10; РОБАН, B_3, ед. хр. 77, л. 10.

безвозмездную помощь. Получивший ссуду, возвращал ее потом с надбавкой[1]. Система страховых магазинов быстро распространилась по Белоруссии, охватив также владения Сапег и Радзивиллов. В наших источниках имеются данные о страховых магазинах в Поставах (1783 г.), Деречине (1793 г.), Друе (1793 г.), Негорелом (1794 г.), Койданове (1796 г.) и Уречье (конец XVIII в.). Магазины находились в совместном ведении господской администрации и крестьянской общины. В Друе Сапеги наряду с зерновым магазином организовали и денежную кредитную кассу для крестьян. Такая же касса имелась и в Койданове[2]. Появление ссудных касс свидетельствует о значительной степени проникновения товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, породивших необходимость в денежном кредите.

Вскоре после воссоединения Белоруссии с Россией рескриптом Екатерины II от 19 января 1796 г. были введены страховые магазины как обязательные во всех имениях[3].

Оценивая экономическое положение крестьян Белоруссии в XVIII в., некоторые историки высказывали мнение, что крестьянство было доведено до полного разорения, нищеты, хронического голода и вымирания (И. Ф. Лочмель, В. И. Горцев)[4].

Известное основание для таких выводов дают многочисленные наблюдения современников, отмечавших крайне бедственное положение крестьянства в Речи Посполитой. О тяжелой участи крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии говорится и в настоящей работе,

---

[1] I. Baranowski. Wieś i folwark, s. 275—295; Д. Л. Похилевич. Аграрная реформа и Шавельское восстание. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 284.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3388, лл. 14—23; д. 5920, л. 7; д. 9009, л. 8; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 27; РОБВУ, А-1410, л. 3.

[3] L. Żytkowicz. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794—1797. Wilno, 1938, s. 39.

[4] См. И. Ф. Лочмель. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов, стр. 61; В. I. Горцаў. Аб эканамічным становішчы беларускага сялянства ў складзе Рэчы Паспалітай. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1958, № 3, стар. 78; Уз'яднанне Беларусі з Расіяй у перыяд падзелаў Рэчы Паспалітай. «Весці Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, 1958, № 4, стар. 112.

Феодальная эксплуатация, как легализованная инвентарями, так и в виде «нелегальных» вымогательств администраторов, поглощала значительную долю доходов крестьянского хозяйства, оставляя людям весьма скудные средства для существования. Голод был частым гостем в крестьянских семьях. По свидетельству графа Адама Хрептовича, «радзивиловское село Негневичи... осталось после Р. Х. без хлеба; двести человек стаивало у дворового гумна, прося хлеба» [1]. Видимо, таких сел было немало.

Однако представление о том, что все крестьянство Белоруссии к концу XVIII в. было полностью разорено, является ошибочным. Оно сложилось без учета дифференциации крестьянства. Во второй половине XVIII в. значительная часть крестьян действительно была лишена средств производства и устойчивых источников дохода либо не могла себя обеспечить из-за слабости хозяйства. Кутники, коморники, многочисленные малоземельные дворохозяева прозябали в нищете. К ним, видимо, и относится характеристика белорусских крестьян как нищих людей, проживающих в землянках и питающихся мякиной, распространенная в публицистике конца XVIII в. и проникшая в историческую литературу. Ее не следует распространять на все крестьянство Белоруссии. В этом можно легко убедиться при внимательном чтении произведений современников. Так, анонимный автор популярной статьи, появившейся в 1788 г., описывая бедного крестьянина, говорит, что его «кладовая состоит из узелка муки, и то выпрошенной у господина или у соседа» [2]. Значит, в то время, когда описываемый крестьянин не имел своего хлеба, его сосед обладал запасом, достаточным для того, чтобы дать ссуду бедняку. Если бы вся масса крестьян действительно находилась постоянно в том положении, какое описывают публицисты XVIII в., то было бы невозможным даже простое воспроизводство крестьянского хозяйства. Между тем, как указывает Карл Маркс, и при барщине сохраняется «возможность экономического развития» крестьянского

[1] См. М. Довнар-Запольский. Вотчинное учреждение графа И. Хрептовича, дополненное сыном его Адамом. «Университетские известия». Киев, 1905, № 8, стр. 117.

[2] A. Świętochowski. Historia chłopów polskich w zarysie, cz. I, s. 428.

хозяйства, возможность для непосредственного производителя улучшать свое положение, обогащаться [1].

Рост производительных сил крестьянского хозяйства во второй половине XVIII в., определяющийся по материалам магнатских вотчин всеми основными показателями,— ростом населения, увеличением численности скота, повышением урожайности — мог осуществляться только на основании расширенного воспроизводства. Поэтому нельзя согласиться с выводами о деградации этого хозяйства в указанный период и вымирании крестьянства.

Безусловно, два с лишним века господства барщинно-крепостнического гнета не прошли бесследно для белорусского крестьянства. Крестьянин XVIII в. жил хуже, чем его незакрепощенный предок. Наиболее ярко это ухудшение выражалось в росте прослойки обездоленных бедняков. Вторая половина XVIII в. была переходным периодом, полным внутренних противоречий. Крестьянское хозяйство восстановилось после разорения, окрепло, начало использовать для своего дальнейшего развития рост товарно-денежных отношений. Но одновременное резкое усиление феодальной эксплуатации, обусловленное развитием господского хозяйства на крепостнической основе, вновь разоряло крестьянство, сталкивало немалую его часть на дно нищеты. Начинался тот процесс, который привел в последующие десятилетия к подрыву экономики крестьян и общему кризису феодальных производственных отношений.

Бытовые условия крестьян во второй половине XVIII в. были весьма неоднородными; они отражали имущественную дифференциацию. Беднота — кутники, коморники не имели своего жилья, ютились лачугах, банях или по чужим углам. Малоземельные и неполноупряжные крестьяне жили в избах, которые в документах обозначены как «плохие», не имели на усадьбе необходимых построек. Среднеобеспеченные крестьяне проживали в своих избах. Это были курные хаты, рубленные из бревен, часто без прочного фундамента, с глинобитным или земляным полом, незастекленными окнами, соломенной кровлей. Помещение для скота находилось под одной крышей с жилым. Зимой молодняк и

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 805—807.

мелкий скот держали в жилых избах. Вместе с тем источники по магнатским вотчинам (Смядынь — 1774 г., Россь — 1773 г., Друя — 1793 г.) упоминают о крестьянских домах с сенями, на каменном фундаменте, крытых дранкой. Несомненно, речь идет о жилищах деревенских богачей. Внутреннее убранство крестьянского дома, относящегося к категории «хороших», было весьма скромным. Его составляли полати, деревянные скамьи, стол, полки [1].

Повседневная одежда крестьян состояла из полотняного белья, домотканных сермяг, кожухов, лаптей, шапок [2]. У задавленных нуждой бедняков она была весьма ветхой. Образ такого бедняка, изможденного, покрытого рубищем, известен из полемических произведений просветителей XVIII в., агитировавших за проведение крестьянских реформ. Иногда этот образ без достаточных оснований воспринимается как характерный для всего крестьянства. В действительности же не у всякого жителя деревни одежда была в столь плачевном состоянии. Об этом свидетельствует «ординарий» крестьян, служивших в фольварках. Пастух получал в Волковысском повете ежегодно сермягу, пару суконных и две пары полотняных брюк, две рубахи, шапку, кожух, лапти (1790 г.) [3]. Кроме лаптей, у некоторых зажиточных крестьян имелись, как видно из перечней вещей, взятых грабителями, сапоги, а у женщин — башмаки. Наиболее богатые имели праздничную одежду, сшитую из покупных тканей [4].

Пища крестьян была преимущественно растительной. Они часто пекли хлеб из непросеянной муки, а бедняки

---

[1] См. Л. А. Молчанова. К вопросу о развитии белорусского крестьянского жилища. В кн. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии». Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I. М., 1959, стр. 546—557; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6145, л. 12; РОБВУ, А-1275, л. 43; Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., s. 438—440.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3388, л. 11; РОБАН, B_3, ед. хр. 164, л. 15.

[3] A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, s. 197—198.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4483, лл. 218—219; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 387, л. 4; Е. П. Закалинская. Вотчинное хозяйство Могилевской губернии во второй половине XVIII в. Могилев, 1958, стр. 19.

накануне нового урожая добавляли в него всевозможные примеси. Мясные и молочные продукты употреблялись в ограниченном количестве [1].

В быту наиболее ярко отражались основные социальные контрасты эпохи. Магнатские замки, своим блеском и роскошью соперничавшие с королевскими дворцами, были окружены курными хатами тех, чьим трудом создавались все богатства, присваиваемые феодалами.

2. Расслоение крестьянства. Наемный труд

Дифференциация крестьянства — возникновение в его среде сначала имущественных различий, а затем зачатков классового расслоения — представляет собой одну из важнейших проблем социально-экономической истории эпохи феодализма. С этой проблемой тесно связан вопрос о распространении наемного труда в сельском хозяйстве. Крестьянство не было однородным в имущественном отношении. К. Маркс указывал, что уже при продуктовой ренте «появляются более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей». Возникает даже «возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы, в свою очередь, прямо эксплуатировать чужой труд» [2].

В. И. Ленин отмечал, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса разложения крестьянства, который, однако, отнюдь не исчерпывался этим неравенством [3].

Несмотря на прямые указания классиков, в некоторых работах по истории Белоруссии наблюдается уход от вопроса дифференциации, замена его тезисом об углублявшемся на протяжении XVII—XVIII вв. общем обнищании крестьян.

Этот последний тезис исходит от М. В. Довнар-Запольского, который, однако, считал, что в XVIII в. в Белоруссии имела место также дифференциация крестьянства, притом не только имущественная, но и социальная.

[1] См. Е. П. Закалинская. Вотчинное хозяйство Могилевской губернии во второй половине XVIII в., стр. 18; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4483, лл. 218—219; РОБАН, $В_3$, ед. хр. 164, л. 15.

[2] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 808—809.

[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 166.

Правда, в своей работе он показал лишь первую, и то в статическом плане и на весьма ограниченном материале. Много внимания уделил дифференциации крестьян К. И. Керножицкий. На основании данных инвентарей королевских староств он сделал вывод, что ход экономического развития Белоруссии на протяжении XVII—XVIII вв. приводил к усилению дифференциации крестьянства, пауперизации большей его части и обогащению меньшей. К. И. Керножицкий находит, что к XIX в. верхушка крестьянства «доросла» до эксплуатации обедневшей части. Однако он не уточняет, началось ли социальное расслоение в конце XVIII в., когда процесс дифференциации, по его словам, ускорился [1].

Д. Л. Похилевич также отмечал имущественное неравенство крестьян Белоруссии во второй половине XVII — первой половине XVIII в. и углубление дифференциации во второй половине XVIII в. (в частности, под влиянием реформ, проводившихся феодалами). В работе, опубликованной в 1962 г., им раскрываются новые черты найма в господском и крестьянском хозяйствах во второй половине XVIII в. Анализируя материалы о широком применении найма у крестьян Кальварийского прихода (Литва), Д. Л. Похилевич отмечает, что здесь можно говорить «не только об экономической, но уже и о начале социальной дифференциации» [2].

О большом значении наемного труда крестьян в помещичьем хозяйстве Белоруссии писал А. М. Карпачев. Он считает, что дальнейшее развитие внутреннего рынка и оживление городов Белоруссии во второй половине

---

[1] См. М. Доўнар-Запольскі. Социяльна-экономічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII сталецьцях. «Зборнік гістарычна-археолегічны», 1927, № 1, стар. 24—30; К. І. Кернажыцкі. Гаспадарка староставў на Беларусі і эконамічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII сталецьця. У зб. «Досьледы і матар'ялы па вывучэньні гісторыі», серыя 2, вып. 2, стар. 56; Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і экономічнае становішча яго насельніцтва з XVII да пал. XIX ст., стар. 143, 145, 192; Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стар. 60.

[2] Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 129; Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в.— вторая четверть, стр. 559; Аграрная реформа А. Тизенгауза и Шавельское восстание. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.», стр. 279; Наймана праця в сільському господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серія історична, 1962, № 1, стор. 101, 102, 104, 107.

XVIII в. в условиях барщинной системы зависело от развития дифференциации крестьянства [1].

Таким образом, отдельные вопросы, связанные с расслоением крестьянства, главным образом касающиеся найма, за последнее время подверглись конкретному исследованию. Тем не менее в целом эта проблема изучена далеко недостаточно, так как имущественная дифференциация крестьян исследовалась на разрозненных материалах. Отходничество рассматривалось лишь частично, на основе анализа найма в господском хозяйстве, а не по материалам, непосредственно относящимся к деревне. Поэтому весьма затруднительно сделать вывод о масштабах этих явлений в жизни крестьянства и дать полную оценку их характера. Такой вопрос, как предпринимательство зажиточных крестьян, вообще не затронут белорусской историографией. Собранные нами материалы по магнатским вотчинам позволяют несколько шире осветить данные вопросы. Прежде всего это относится к имущественной дифференциации.

Если взять инвентари отдельных магнатских владений за разные годы, то можно видеть, что в одних волостях имущественные различия между крестьянами возрастали, в других уменьшались [2]. Такое явление объясняется воздействием на крестьянское хозяйство двух факторов. Экономическое развитие деревни (рост производительных сил, товаризация хозяйства) приводило к увеличению количества обедневших крестьян и формированию небольшой группы зажиточных. Барщинная система, напротив, способствовала нивелировке, так как феодал был заинтересован в существовании среднеобеспеченного крестьянина, способного нести тяглую повинность. Если экономическое развитие осуществлялось стихийно, то воздействие господского двора на крестьянское хозяйство проявлялось в виде преднамеренных действий. Поддерживая обедневшие хозяйства, магнаты стремились поднять их до уровня среднеобеспеченных, более пригодных для феодальной эксплуатации.

[1] См. А. М. Карпачев. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 285—293; История БССР, т. I, стр. 205—215.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4710, лл. 7—8; д. 4713, лл. 4—5; д. 7165, лл. 3, 18; д. 8435, лл. 1—23.

В случае крайней необходимости обедневшим оказывалась помощь не только скотом, но и деньгами. Принимались меры к наделению землей безземельных, проживавших во дворах других крестьян (кутников, коморников) [1]. Барщина уже сама по себе представляла помеху для выделения зажиточной верхушки, так как отвлекала рабочую силу от крестьянского хозяйства. Кроме того, магнаты иногда увеличивали барщину зажиточным крестьянам. Так, уставом Дубровненского графства за 1775 г. предлагалось освобождать по мере необходимости от работ «бедных и одиноких крестьян», «а многосемейному и богатому зато добавить» [2].

Формирование зажиточных хозяйств тормозилось также господским предпринимательством, переводом крестьян на обслуживание вотчинных предприятий, отрывавшее их на более длительные сроки от своего хозяйства.

Прямое нивелирующее воздействие оказывала регулировка наделов, проводившаяся во многих владениях во второй половине XVIII в. В имении «Сухличи» между 1761 и 1779 гг. были выравнены все основные тяглые наделы — до 1/4 волоки. В Ружанах эта же картина наблюдалась в 1762 г. Однако приемная доля надела не лимитировалась магнатами. Она составляла основу различий в обеспечении крестьян землей, сохранившихся до конца XVIII в.[3]

Чтобы получить представление об имущественных различиях среди крестьянства магнатских вотчин, нами исследовались те же 15 латифундий во всех трех зонах Белоруссии, по которым изучалась динамика среднего надела (гл. II). Исследование включает данные за три пятидесятилетия, с середины XVII до конца XVIII в. Оно построено на сведениях о судьбах 6356 крестьянских дворов, т. е. основывается на материале в три раза более обширном, чем расчеты М. Довнар-Запольского (2—2,5 тыс. дворов)[4].

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5898, л. 4; д. 9007, лл. 16—17; оп. 7, д. 220, л. 18; д. 222, л. 15.

[2] ЦГИА БССР, ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 53.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2255, лл. 7—8; д. 5001, л. 89; д. 6673, л. 398; д. 8066, лл. 34—38; д. 9010, л. 5; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 53; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, л. 33; оп. 3, д. 4, л. 31; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 15410, л. 808.

[4] См. М. Доўнар-Запольскі. Социяльна-экономічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII сталецьцях, стар. 25—26.

В качестве показателей, определяющих степень зажиточности крестьянских хозяйств, приняты обеспечение пахотной землей и рабочим скотом.

В. И. Ленин говорил, что земельный надел, выравненный в силу закона, непригоден для группировки крестьян по их состоятельности [1]. Поэтому нами не принималась за показатель основная доля надела, которая во многих магнатских вотчинах была выравнена уже во второй половине XVIII в., а взята вся крестьянская пахота, включавшая основную долю надела, его приемную долю и дополнительные «морги» там, где они представляли собой значительную площадь. При такой группировке различия в площади пахоты отражают различия в посевах, которые В. И. Ленин считал существенным показателем хозяйственной состоятельности крестьян [2]. Второй, принятый нами признак, — обеспечение крестьян рабочим скотом — считается в исторической литературе еще более характерным показателем дифференциации. Любопытно, что магнаты, занимавшиеся во второй половине XVIII в. классификацией своих крестьян по степени зажиточности, исходили прежде всего из признака обеспеченности их рабочим скотом.

Эти два показателя при экстенсивном зерновом хозяйстве (а таким в основном было крестьянское хозяйство феодальной Белоруссии) являются, как указывал В. И. Ленин, достаточными [3]. Они и включены нами в табл. 22.

Классификация крестьянских хозяйств на группы проводилась по единой шкале для всех изучаемых объектов. Она в некоторой степени схематична, так как не учитывает особенностей отдельных зон и волостей, зато дает возможность получить общее представление о дифференциации крестьянства магнатских вотчин в целом.

Как видно из табл. 22, на протяжении полутора столетий (вторая половина XVII и XVIII в.) между крестьянами сохранялись значительные различия в уровне обеспечения землей. Четыре низшие группы (1/3 волоки и менее на двор), вместе взятые, составляли: 46,4% (вторая половина XVII в.), 40,8 (первая половина XVIII в.) и 29% (вторая половина XVIII в.). В то же время две

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 83—96.
[2] Там же, стр. 93—96.
[3] Там же, стр. 95—96.

группы дворов, пользовавшиеся пахотой свыше одной волоки, насчитывали в эти периоды соответственно 4,3; 6,8 и 6,1%. Аналогичную картину мы увидим, если обратимся к данным об обеспеченности хозяйств рабочим скотом. Неполноупряжных крестьян во второй половине XVII в. было 42,4%, в первой половине XVIII в.—41,1, во второй половине XVIII в.—21,7%. Тремя и более упряжками обладали соответственно 3,6, 7,7 и 18,3% всех дворов. Средние же группы крестьян по обеспеченности скотом составляли 54; 51,2 и 60%.

Обращает на себя внимание рост высшей группы крестьян, обладавших тремя и более упряжками. Таких крестьян сами магнаты называли «богатыми»[1]. Известно, что В. И. Ленин считал зажиточными крестьян, имевших «больше, чем по паре рабочего скота»[2].

Заметно на первый взгляд увеличение средней прослойки как по земле, так и по скоту.

Однако полученные цифры не являются конечным результатом нашего исследования. Прямое сопоставление данных за три пятидесятилетия отражает главным образом процесс развития производительных сил в сельском хозяйстве. Наиболее наглядно выступает при этом общий рост обеспечения крестьян рабочим скотом во второй половине XVIII в.

Изучая динамику дифференциации крестьян, необходимо иметь в виду, что условия в сравниваемые периоды были различными. Если во второй половине XVII — первой половине XVIII в. на крестьянский двор приходилось в среднем 1—1,1 упряжки (в связи с двукратным военным разорением), то во второй половине XVIII в. при более высоком общем уровне развития производительных сил средний показатель составлял уже 1,6—1,7 упряжки (табл. 7, 8).

Поэтому во второй половине XVIII в. группу крестьян, обладавших только одной упряжкой, следует считать уже не среднеобеспеченной, как было до этого, а отнести к низшим. Такое заключение подтверждается источниками. Например, люстрация Деречинского графства за

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4197, лл. 4—6; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1142, лл. 7—10.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 150—151. См. также К. И. Шабуня. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962, стр. 91.

1795 г. не относила «пароволовых» и «одноконных» к группе крестьян «с достаточной упряжкой» [1]. Если внести эту поправку, то окажется, что низшие группы во второй половине XVIII в. по скоту составляли 49,2%, а средние только 32,5%.

Таким образом, в действительности удельный вес среднего крестьянства во второй половине XVIII в. не возрос, а значительно уменьшился (с 54—51 до 32%), а бедного и зажиточного — увеличился по сравнению с первой половиной XVIII и второй половиной XVII в. Несмотря на давление со стороны феодалов, экономическое развитие вело к углублению дифференциации крестьянства.

Имущественные различия находили свое выражение и в таких показателях, как нерабочий скот и количество трудоспособных людей в крестьянском хозяйстве. Наши расчеты по материалам Тимковичского графства за 1778 г. показали, что на крестьянское хозяйство, обладавшее тремя и более упряжками, приходилось по сравнению с неполноупряжным больше: рабочего скота — в 11 раз, продуктивного крупного рогатого скота — в 3,4 раза, овец — в 3,2 раза, свиней — в 4,1 раза, пчелиных ульев — в 13 раз (табл. 23). Хотя высшая группа крестьян имела в среднем на двор вдвое больше земли, чем низшая, работоспособных обоего пола в ней было только в 1,5 раза больше. Приведенные цифры говорят не только о недостаточной обеспеченности низшей группы по сравнению с высшей средствами производства и потребительскими ресурсами, но и о наличии у нее избыточной рабочей силы. Во многих других владениях имущественные контрасты выступали гораздо резче. Так, в д. Яскевичи владения Малево крестьяне с тремя упряжками и более имели в среднем на двор в 5,3 раза больше коров, чем неполноупряжные, в 6,3 раза больше свиней и т. п.[2]

Весьма отчетливо выступают имущественные контрасты деревни в классификации, произведенной самими магнатами. В инвентаре имения «Большое Островно» (1778 г.) крестьяне разделены на три группы: «богатые», «зажиточные» и «бедные». Если исходить из количества

---

[1] РОББУ, А-1410, л. 29.

[2] Расчеты произведены по инвентарю 1791 г. (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4710, лл. 6—8).

упряжек, эта классификация полностью совпадает с нашей. Как показали расчеты, «богатые» (5 хозяйств из 91) имели в среднем по 6 лошадей на двор, по 10 коров, 12 овец и коз, 9,4 свиньи, 3,8 улья. Земли — по 1,2 волоки. В то же время на долю «бедных» (41 хозяйство) приходилось на каждое хозяйство лишь 0,7 лошади (в среднем), 0,7 коровы, 1,3 овцы, 1,2 свиньи и по 0,3 волоки земли. В руках верхней группы крестьян, составлявших 5% всех дворов, было сосредоточено 11% земли, 17% лошадей, 21% крупного рогатого скота, 15% овец, 16% свиней, 16% ульев. В то же время низшая группа, насчитывавшая 45% всего населения, владела лишь 24% всей земли, 15% лошадей, 13% крупного рогатого скота, 14% овец, 17% свиней. Правда, «богатые» в большинстве своем были многосемейными, у них на двор приходилось по 15 душ, а у «бедных» только по 5,1 души. Однако и на душу населения верхняя группа была намного лучше обеспечена всеми видами имущества, чем низшая.

У «богатых» приходилось на душу по 0,08 волоки земли, 0,4 лошади, 0,66 головы крупного рогатого скота, 0,8 овцы, 0,6 свиньи, 0,25 улья, а у «бедных» — 0,06 волоки земли, 0,14 лошади, 0,14 головы крупного рогатого скота, 0,26 овцы, 0,23 свиньи [1].

Если бы мы ограничивались только данными волостных переписей, картина дифференциации была бы неполной, ибо далеко не всегда в эти переписи включались беднейшие крестьяне — безземельные коморники, кутники, бобыли. В источниках по магнатским вотчинам сохранилось немало свидетельств о бобыльской прослойке. О ней упоминается в документах по латифундиям различных районов (Несвиж, Клецк, Лахва, Койданово, Заславль, Смядынь — центр; Зденцел, Ружаны — запад; Дубровно, Межевичи — восток) [2]. Часто такие упоминания не имеют цифрового выражения, и поэтому не могли войти в таблицы. Подавляющее большинство сведений о кутниках, бобылях в магнатских вотчинах относится ко второй половине XVIII в. Приходится сделать вывод, что

[1] ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1142, лл. 7—10.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2087, лл. 10, 11; д. 2255, лл. 12—22; д. 3388, л. 12; д. 4207, лл. 1—31; д. 8066, л. 188; оп. 3, д. 4197, лл. 4, 8; ф. 3258, оп. 1, д. 14, лл. 25—50; д. 32, лл. 76—77; д. 38, лл. 5—17; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1. д. 221, л. 22; РОБВУ, А-1586, л. 18; РОБАН, $В_3$, ед. хр. 77, лл. 9—10.

в магнатских вотчинах к концу XVIII в. численность крестьян, лишенных средств производства, возросла.

Некоторые источники содержат подробные списки бобылей с указаниями на состав семьи, имущественное положение. По данным инвентарей Дубровненского графства (1775 г.) и владения Радзивилмонты (1791 г.), в первом из них «хозяйства» бобылей и кутников составляли по нашим подсчетам 16%, во втором — 11%. Аналогичный результат дает подсчет «люзных» душ мужского пола. По отношению к общему числу мужских «душ» в Радзивилмонтах в 1793 г. их было 11% [1].

Дифференциация крестьянства создавала экономическую основу для применения найма в сельском хозяйстве Белоруссии. Крестьяне работали у феодалов, у богатых односельчан, уходили на заработки за пределы своей волости.

Наемный труд в господском хозяйстве Белоруссии второй половины XVIII в. освещен в трудах А. Жабко-Потопович, Д. Л. Похилевича, А. М. Карпачева. Однако магнатские вотчины ими подробно не изучались. В своих исследованиях эти авторы пришли к неодинаковым выводам. А. Жабко-Потопович, исходя из данных по старостам, утверждал, что применение наемного труда в господском хозяйстве в целом и в полеводстве в частности сократилось. Д. Л. Похилевич показал, что наем в господском хозяйстве имел немалое значение, особенно на промышленных предприятиях, но применялся и в полеводстве, главным образом мелкими землевладельцами [2].

Рост наемного труда в господском животноводстве, его широкое использование в вотчинной промышленности (прежде всего мануфактурной) и на лесных промыслах раскрыты в работах А. М. Карпачева. Им отмечено,

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, лл. 347—352; д. 6683, лл. 1—40; ф. 3258, оп. 1, д. 14, лл. 25—50.

[2] A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w w. XVIII, s. 59—180; Д. Л. Похилевич. Наймана праця в сільскому господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серія історична, 1962, № 1, стор. 100—114; А. М. Карпачев. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 285—293; Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8, стр. 59—74.

что и в полеводстве наемный труд в этот период имел несколько большее значение, чем считали ранее.

Наши исследования по магнатским вотчинам позволяют дополнить выводы Д. Л. Похилевича и А. М. Карпачева и расширить представление о наемном труде в господском хозяйстве. В магнатских вотчинах во второй половине XVII — первой половине XVIII в. наемный труд использовался в ограниченных масштабах; в полеводстве применялись барщина или издольщина. В 70—90-х годах XVIII в. магнаты расширили применение наемного труда. В Тимковичском графстве (1778—1794 гг.) работали по найму, кроме административного персонала, личных слуг и лесной службы, гуменные, экономки, ведавшие молочным хозяйством и птицей, «девки»-скотницы, конюхи, пастухи, свинопасы, винокуры, солодовники, слесари, столяры, плотники, каменщики, кирпичники, пильщики, кузнецы, «паробки» — разнорабочие на вотчинных предприятиях, «грабари»-землекопы. Они получали денежное вознаграждение («солярий») и плату натурой: зерном, салом, солью («ординарий»). Для выполнения отдельных работ привлекались за вознаграждение деньгами и натурой котельщики, стекольщики, шорники, каменщики и др.

Такое широкое применение найма мы встречаем во второй половине XVIII в. во всех изучаемых магнатских вотчинах (Давид-Городок, Лахва, Белица, Копыль, Койданово, Уречье, Мир, Смядынь, Кореличи, Негневичи, Деречин, Быхов, Островно, Поставы, Чересс и др.).

Товаризация господского хозяйства привела к тому, что простейшие операции выполнялись наемными людьми за денежную плату. Радзивиллы, владевшие десятками тысяч крепостных душ, нанимали за деньги трубочистов, расплачивались деньгами за починку садовых леек [1].

Более всего наемный труд применялся на вотчинных предприятиях и строительстве. В Радзивилмонтах с 4 июня по 4 августа 1790 г. работали на предприятиях одновременно 106 «паробков». Постоянные работники-кирпичники и «разнорабочие» трудились на кирпично-

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 17—18; д. 1913, л. 42; д. 2055, л. 82; д. 5705, лл. 7, 21; д. 8438, лл. 3—8; д. 8450, лл. 11—12; д. 9031, л. 6; д. 9384, лл. 65, 198—201; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1142, л. 4; д. 1225, л. 16; РОБВУ, А-1275, лл. 44, 72.

черепичном заводе в Ганусове (Несвиж, 1795 г.). В Чернавчицком графстве (1787 г.) постоянно работали «паробки» на винокурне и в столярной мастерской. Речными баржами ведал шкутник [1].

Из всех отраслей магнатского хозяйства менее всего применялся наемный труд в полеводстве. Однако во второй половине XVIII в. он стал широко использоваться и здесь. В фольварке «Радзивилмонты» Клецкого княжества Радзивиллы постоянно держали шесть «плугарей», работавших на господской пашне (1789—1798 гг.). Они получали вознаграждение деньгами или натурой. Постоянных наемных работников — «ратаев» держали и в фольварках Тимковичского графства. Такие же наймиты, работавшие на волах, имелись и в Чернавчицах (1787 г.). Из люстрации Деречинского графства Сапег за 1795 г. явствует, что во всех фольварках этой латифундии были господские «паробки», пахавшие на господских же волах. Аналогичные сведения имеются за этот период и о Ружанском графстве. Во владении Яблоновской Высокое общее количество наемных работников, занятых в полеводстве, составляло 34 человека (1794 г.). Наряду с трудом постоянных работников в магнатских фольварках применялся также сезонный наемный труд на полевых работах. Во владении Тизенгауза Каменка крестьян нанимали в жатву. Жнецам платили по 15 грошей в день. В Чернавчицах за такую же плату нанимали молотить [2].

Полностью отменил барщину и перешел к системе найма в фольварочном хозяйстве граф Иоахим Хрептович. В его имениях «Щорсы» и «Негневичи» имелся штат постоянных работников, получавших содержание, одежду и денежную плату [3].

Таким образом, в отличие от староств применение наемного труда в магнатских вотчинах во второй половине XVIII в. значительно возросло.

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1340, лл. 8, 22—23; д. 6673, лл. 198—199; д. 9384, лл. 65, 198—201.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 125; д. 8438, лл. 3—8; д. 8439, лл. 28—29, 34, 35; д. 8450, лл. 11—12; д. 9384, лл. 65, 198, 201; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3529, л. 25; д. 11529, лл. 57—120; РОБВУ, А-1410, лл. 10, 11; А-1883, лл. 1—15.

[3] См. М. Довнар-Запольский. Вотчинное учреждение графа И. Хрептовича, дополненное сыном его Адамом. «Университетские известия». Киев, 1905, № 8, стр. 104—110.

Для оценки значения наемного труда в господском хозяйстве весьма важно определить его характер (свободный или принудительный наем) и установить порядок расчетов. Д. Л. Похилевич и А. М. Карпачев отмечают применение в фольварках как свободного, так и принудительного найма, указывая при этом на различия в оплате труда наемных работников. А. М. Карпачев пришел к выводу, что во второй половине XVIII в. получили распространение более прогрессивные формы оплаты, стимулировавшие повышение производительности труда [1]. Материалы магнатских вотчин подтверждают эти выводы. Наряду с наймом, носившим в большей или меньшей степени принудительный характер, магнаты обращались и к свободному найму. Лично свободной была часть слуг, о чем имеются прямые свидетельства в источниках. Резерв свободных людей, существовавших за счет найма, представляли собой «люзные».

Однако наем мог носить свободный характер и в тех случаях, когда нанимавшийся был крепостным, в том числе и крепостным нанимателя. Таким был наем кормчих-лоцманов и «паробков» для речных судов магнатов. Их набирали как из числа «люзных», так и из своих крепостных, но наем не был принудительным. С этими лицами заключали «контракты» (договоры), им давали задатки, платили довольно высокое денежное жалованье. Иногда по контрактам магнаты нанимали различного рода специалистов: мельников, винокуров, плотников, огородников, каменщиков — своих и чужих подданных, свободных людей, крестьян и мещан. Заключались контракты и при найме крестьян, не являвшихся специалистами, для работы на лесных промыслах (в ордашнях), лесоразработках, трелевке, кирпичных заводах, для строительных работ [2].

---

[1] См. Д. Л. Похилевич. Наймана праця в сільскому господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серія історична, 1962, № 1, стор. 107—109; А. М. Карпачев. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 287—289.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, лл. 7, 10; оп. 2, д. 1714, лл. 259—260; д. 3388, лл. 1, 5, 10; д. 6673, лл. 78—80; д. 6678, лл. 9—10; д. 6683, лл. 5, 604; д. 9014, л. 108; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 351, л. 11; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 1, д. 1275, л. 13; РОБВУ, А-1275, лл. 44, 60; А-1427, л. 3; А-2049, л. 1.

Состояние источников не позволяет охватить все случаи свободного найма. Отсутствие упоминаний о наличии письменного договора не всегда означает, что наем являлся принудительным.

В магнатских вотчинах второй половины XVIII в. широко применялось стимулирование труда посредством дифференцированной платы. В животноводстве и полеводстве размер денежной платы зависел от квалификации и значимости труда. Пастухи крупного рогатого скота в Тимковичском графстве получали по 32 злотых в год, а свинопасы—по 24 злотых. В Малеве старшему пастуху платили 20, а младшему — 18 злотых. В Чернавчицах овчары получали: один — 80 злотых, другой — 50, третий — 46 злотых 20 грошей [1]. Тизенгауз в своей Поставской вотчине завел такие же порядки, какие описаны в литературе по материалам Гродненской экономии [2]. Все работники фольварков были им разделены на 9 классов и получали различную плату деньгами и натурой. Пастухи были отнесены к 7-му классу, а подпаски — к 9-му. Дифференциация по труду применялась и в полеводстве. В Высоком занятые в полеводстве работники делились на 2 категории: «паробков» и «броновлоков». В Каменке нанятым на сезон жнецам платили поденно, а за укладку хлеба в скирды существовал другой расчет [3].

Весьма отчетливо выступают различия в оплате труда по его квалификации на вотчинных предприятиях магнатов. «Фабричным людям» (столярам, плотникам, каменщикам, черепичникам), занятым на строительных работах в Несвиже (1758 г.), платили поденно. Квалифицированные работники получали по 15—20 грошей в день, подсобные («помощники») — по 13 грошей. Винокур в Чернавчицах получал 100 злотых в год, первый паробок на той же винокурне — 8, а второй (кроме «ординария») — 6 злотых. На ружанской винокурне было

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4713, л. 5; д. 8439, л. 4; д. 9384, лл. 198—201.

[2] См. Д. Л. Похилевич. Наймана праця в сільському господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серія історична, 1962, № 1, стор. 108—109; А. М. Карпачев. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8, стр. 64.

[3] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3529, л. 25; д. 3988, л. 44; д. 11529, лл. 51—120.

три разряда работников: винокур, паробки и хлопцы. Паробки на коптильне в Смядыне зарабатывали по 10, а «старший»—15 злотых в сезон [1].

Наряду с повременной на магнатских предприятиях и лесоразработках применялась сдельная оплата труда. Кирпичники в Тимковичском графстве получали плату от количества выжженного ими кирпича, винокуры в Смядыне — от каждой кадки вина, в Давид-Городке — от «браги» (т. е. от разового задела) [2].

Лесоразработки в Дубинской пуще Радзивиллов (Виленский и Ошмянский поветы) велись за наличный расчет со сдельной оплатой. Об этом свидетельствует письмо управляющего Доната, направленное Радзивиллу (Слуцк, 8 января 1768 г.): «Все эти лесотовары, т. е. брусья, вырабатывались отнюдь не какой-либо барщиной, а только за деньги, которые должны быть немедленно уплачены каждому за то количество, какое он выделал» [3].

Наш анализ найма в фольварках, на предприятиях и промыслах магнатских вотчин второй половины XVIII в. позволяет согласиться с положением Д. Л. Похилевича о том, что наем в господском хозяйстве этого периода приобретал новые черты, отличные от найма второй половины XVII — первой половины XVIII в.[4] Изучение порядка оплаты труда во всех отраслях магнатского вотчинного хозяйства подтверждает вывод А. М. Карпачева о деформации феодальных производственных отношений, сделанный им на основании материалов по мануфактурам. Подтверждается также и его мнение о том, что «нисходящая» стадия в развитии феодализма для Белоруссии начинается во второй половине XVIII в.[5]

Работа по найму становилась постоянным и важным элементом в жизни крестьянства.

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4995, лл. 2—24; д. 6154, л. 7; д. 9384, лл. 198—201; РОБВУ, А-1883, л. 10.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 226; д. 6154, л. 7; д. 8438, лл. 23—24.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, лл. 7, 10; РОБВУ, А-1275, л. 60.

[4] См. Д. Л. Похилевич. Наймана праця в сільскому господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серія історична, 1962, № 1, стор. 112.

[5] См. А. М. Карпачев. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8, стр. 68—69, 74.

Это обстоятельство учитывали магнаты. Ревизор, производивший люстрацию Деречинского графства, предлагал восстановить заброшенную плавильню, так как «это дало бы возможность заработка для крестьян» (1795 г.)[1].

Наемная рабочая сила крестьян находила применение не только в господском, но и в крестьянском хозяйстве. Многие бедняки нанимались к зажиточным односельчанам или в другие деревни. В источниках по магнатским вотчинам за вторую половину XVII — начало XVIII в. наем у крестьян, как правило, не фигурирует. Главная причина, видимо, в том, что в этот период еще имели некоторое значение различные формы издольщины, сохранялись частично сябры, потужники, участники.

Начиная со второй четверти XVIII в., особенно во второй его половине, документы магнатских вотчин все чаще приводят сведения о найме у крестьян. Инвентарь Копыльского графства за 1744 г. содержит сведения о наемном труде крестьян д. Дохторовичи в своем же селе. О челяди у крестьян говорит инвентарь владения Давид-Городок (1760 г.). В инвентаре имения «Сухличи» Клецкого княжества есть указание о том, что «паробки и девки, находящиеся на службе у крестьян, у кого бы они ни служили, не привлекаются к гвалтам, разве что за своего хозяина» (1779 г.). Аналогичное предписание содержит инвентарь владения Сморгонь (1788 г.). О найме работников в крестьянских хозяйствах упоминается в документах по владениям Койданово, Чернавчицы, Смядынь, Малынка и др.[2]

Далеко не всегда крестьяне могли найти работу в пределах своей волости или в границах данной латифундии. Иногда они вынуждены были уходить «на сторону», надолго отрываясь от своего хозяйства. Отходничество крестьян из магнатских вотчин отмечается уже в первой половине XVIII в. Инструкция по владению Россь за 1718 г. отмечает, что «в этой волости имеется немало землекопов, господских подданных, которые весной отсюда уходят, нанимаясь к чужим господам на работу...» В инструкции, адресованной главному эконому радзи-

---

[1] РОБВУ, А-1410, л. 17.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1711, л. 26; д. 2055, л. 66; д. 3388, л. 5; д. 3776, лл. 57—58; д. 4698, л. 2; д. 8066, лл. 36—39; оп. 3, д. 4197, лл. 18, 42; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1201, л. 20.

вилловских вотчин центра Белоруссии (1722 г.), предписывалось, чтобы каменщики и лоцманы («стерники»), уходящие в наем, предварительно являлись к эконому, который отбирал тех из них, кто ему нужен для господского сплава и строительства, остальным же разрешалось наниматься на стороне.

Гораздо больше сведений об отходничестве содержат документы второй половины XVIII в. Жители деревень Быховской волости нанимались к ремесленникам в город (1760—1761 гг.). Из Деречинского графства крестьяне уходили на службу в чужие волости (1764—1789 гг.). От них требовали, чтобы на такой уход было получено согласие господской администрации. Отправлялись на заработки бедняки из волостей Несвижского княжества, у которых не хватало хлеба до нового урожая (1793 г.). Служили «на стороне» и крестьяне Клецкого княжества (1762—1791 гг.). Во владении Негорелое в 1790 г. отмечалось отсутствие на месте «множества отходников», которые ушли из волости и служили у земян и ремесленников, нанимались на «вицины» (на сплав). Больше всего отходников поглощал сплав и лесоразработки [1].

Эксплуатация наемного труда в крестьянском хозяйстве и отходничество крестьян представляют собой явления огромной важности. По мнению ряда историков, они выражают прогрессирующее буржуазное расслоение крестьянства, характерны для начального этапа капиталистического развития [2]. Чтобы определить значимость этих процессов в магнатских вотчинах Белоруссии второй половины XVIII в., необходимо установить их масштаб, степень распространения. Однако неполнота источников создает непреодолимые трудности для определения удельного веса этих явлений по всем магнатским вотчинам. Поэтому мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми объектами. Полученные результаты следует считать минимальными, так как и в тех объектах, в ко-

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 7; д. 2087, лл. 10—11; д. 4710, лл. 7—8; д. 5920, л. 20; д. 6678, лл. 9—10; оп. 3, д. 2, лл. 3, 6; оп. 4, д. 1661, лл. 8, 25—26; оп. 7, д. 864, л. 23; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 245, лл. 5—6; д. 247, л. 4; д. 307, лл. 19—20; РОБВУ, А-1282, лл. 7—8; А-1427, лл. 2—3; AG, д. 4575, лл. 18—19.

[2] См. Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв. «История СССР», 1962, № 3, стр. 89, 91, 100.

торых велся интересующий нас учет, он был далеко не полным. Подсчеты по пяти владениям дали следующие результаты.

В Чернавчицком графстве 14% крестьянских дворов вынуждено было выделить работников, трудившихся по найму за пределами своего хозяйства, в Деречине — 15%, в Каменке — 26%. Все эти владения расположены на западе. В Несвиже, находящемся в центральной зоне, таких дворов было 8%. Нанимали рабочую силу в Чернавчицах (запад) — 11%, в Радзивилмонтах (центр) — 12%. Свыше 5% (5,4) всех трудоспособных лиц обоего пола или каждый девятнадцатый в Чернавчицах жил за счет наемного труда. А в отдельных деревнях этого владения (Деменичи, Воля) по найму работало около $^1/_{10}$ части всего взрослого населения [1].

Наши сведения по магнатским вотчинам подтверждаются более полными данными переписей, произведенных непосредственно после воссоединения Белоруссии с Россией. Так, по ревизским сказкам 1795 г., на 1745 душ, населявших Василишковское староство Лидского повета (в державии магната Тышкевича), приходилось всего 163 (9,3%) «вольных», которые служили по найму. В Круглянской волости (бывш. Оршанский повет) в 1772 г. насчитывалось 148 наемных людей и пастухов на 2286 душ крестьян мужского пола, т. е. 6,5% [2].

Эти данные говорят о довольно значительном для рассматриваемого периода распространении наемного труда в сельском хозяйстве, в том числе в крестьянском хозяйстве, и о наличии отходничества в магнатских вотчинах Белоруссии. Рост применения найма и отходничества создавал предпосылки для формирования в будущем рынка рабочей силы.

В исторической литературе отмечается, что в Белоруссии второй половины XVII—XVIII в. бедным, малоземельным и безземельным крестьянам противостояла группа богатых. Это были многоземельные хозяева, особенно из числа бояр и земян. Они держали по нескольку

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2255, лл. 3—20; д. 6683, лл. 1—40; д. 9411, лл. 5—27; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3991, лл. 1—12; д. 11778, лл. 42—71.

[2] ЦГИА ЛитССР, ф. 515, оп. 15, д. 149, л. 138; ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XII, д. 159, л. 28 (материал из ЦГАДА предоставлен А. М. Карпачевым).

упряжек, много продуктивного скота, часто пользовались наемной рабочей силой [1].

Об этой группе уже говорилось при рассмотрении имущественной дифференциации, однако там не освещался вопрос об эксплуатации наемных работников. Что собой представляли такие хозяйства, можно убедиться на примерах, приведенных в инвентаре владения Радзивилмонты за 1791 г. Тяглый крестьянин д. Мошуки Василий Уласевич пользовался одной волокой земли, причем $^3/_4$ составляла приемная. У него имелось 5 упряжек (3 лошади и 4 вола), 11 голов крупного рогатого скота, 8 овец, 6 свиней, 8 ульев пчел. В его семье насчитывалось 5 трудоспособных мужчин и одна женщина, не был престарелым и сам дворохозяин (50 лет). Тем не менее он держал двух молодых наемных работников: паробка Прокопа и девку Ульяну.

Другой крестьянин той же деревни Захар Шостак с полуволочным наделом, имея в семье четырех работоспособных мужчин (трое из них в возрасте 18—30 лет) и трех женщин такого же возраста, держал еще двоих работников. В хозяйстве его было 4 упряжки, 7 голов крупного рогатого скота, 6 овец, 3 свиньи, 10 ульев. Совершенно очевидно, что у обоих крестьян хватало в своих семьях рабочих рук для ведения среднего хозяйства. Наем носил здесь производственный характер; он был обусловлен стремлением к расширению хозяйства, производству продукции на сбыт. Подобных примеров можно немало найти в материалах по магнатским вотчинам. Существование производственного найма в крестьянских хозяйствах во второй половине XVIII в. подтверждается и другими источниками. Согласно ревизской сказке Гольшанского прихода Ошмянского повета (1795 г.), крестьянин Игнат Деркач, 30 лет, имея братьев в возрасте 20 и 15 лет, а также жену 29 лет, при отсутствии малых детей нанимал работницу и пастуха. Другой крестьянин — Юзеф Рабецкий, 32 лет, с женой 29 лет держал трех постоянных работников [2].

[1] См. К. І. Кернажыцкі. Гаспадарка староставў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII стагоддзя. У зб. «Досьледы і матар'ялы па вывучэньні гісторыі», серыя 2, вып. 2, стар. 60.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, лл. 19—23; ЦГИА ЛитССР, ф. 515, оп. 15, д. 87, лл. 2—3.

Естественно, что наряду с производственным в источниках встречается и вынужденный наем, когда одинокие или малосемейные крестьяне, вдовы и немощные нанимали работников, чтобы управиться с хозяйством или заменить дворохозяина на барщине. Однако если отделить такого рода наем, не имеющий принципиального значения, останется достаточно много фактов, свидетельствующих об эксплуатации богатыми крестьянами труда бедноты в производственных целях. Иногда разбогатевшие крестьяне выступали в роли предпринимателей, заключали подрядные договоры с феодалами и организовывали производство с применением наемного труда. Например, Данило Малышко, крепостной крестьянин Радзивиллов из д. Бурачки Клецкого княжества, заключил в 1789 г. договор («контракт») со своим же вотчинником на производство и обжиг на княжеском кирпичном заводе ежегодно по 150 тыс. штук кирпича. Подрядчик обязался на свой счет нанять семь работников, а также взял на себя заготовку и доставку дров.

Аналогичный договор был заключен тогда же с другим крепостным — Яном Карповским. К подрядным операциям приближались сделки радзивилловской администрации со своими крестьянами на выжиг и доставку извести. Крестьяне Несвижского княжества Алесь Шумейко, Хведор Савко, Ясько Малуйло и многие другие получили денежный аванс и должны были доставить определенное количество извести. Такая операция предполагала наличие у крестьян, пусть самых примитивных, напольных известковых ям (1794 г.). Десятками подвод еженедельно возили крестьяне Клецкого княжества камень, уголь, дранку, дуб для паркета, предназначенные для господского строительства и предприятий, получая за это денежное вознаграждение (1789 г.) [1]. Такая доставка представляла собой скорее реализацию продукции крестьянских промыслов, однако и она могла при расширении масштабов перерастать в подрядные операции.

В конце XVIII в. известное распространение в магнатских вотчинах получила аренда земли небольшими

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4995, л. 14; д. 6673, лл. 7—16, 74—76; д. 9102, лл. 81—82.

участками. Арендовала земельные участки мелкая шляхта, «вольные» люди, пользовавшиеся личной свободой. Как видно из ревизских сказок, таких людей было немало в белорусской деревне. В роли арендаторов выступали также земяне, не являвшиеся шляхтой, и крепостные крестьяне других разрядов. Ряд случаев такой аренды обнаружен нами в материалах по Койдановскому графству, в Дубровненском графстве, на Копыльщине[1].

Имущественная поляризация деревни, выделение группы богачей, эксплуатация ими наемного труда крестьянской бедноты в сельскохозяйственном производстве и на промыслах, появление подрядчиков из числа крепостных, попытки мобилизации земли при посредстве аренды — все эти явления, довольно отчетливо вырисовывавшиеся в магнатских вотчинах в конце XVIII в., были предвестником рождения нового класса—сельской буржуазии, началом процесса классового расслоения.

Реальная историческая действительность опровергает измышления буржуазных националистов о мнимом единстве крестьянства, отождествляемого ими со всем белорусским народом. В ходе экономического развития в белорусской деревне, находившейся под гнетом феодалов, появлялись «свои» эксплуататоры и эксплуатируемые.

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5056, лл. 20—192; д. 5058, лл. 17—264; оп. 4, д. 5858, лл. 40, 73, 163—164, 273—274; ЛНБ Ро, ф. Оссолинских, д. 6067/III, св. 24, докум. 5.

Глава V

КЛАССОВАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН ПРОТИВ МАГНАТОВ

Для осуществления своего классового господства магнаты Белоруссии располагали соответствующим аппаратом принуждения, состоявшим из администрации и военных слуг. Во второй половине XVIII в. в связи с рационализацией господского хозяйства, административный аппарат усложнился; он стал делиться на несколько иерархических ступеней, носивших в разных местах различные названия (губернаторы, экономы ключей, наместники, подстаросты). Кроме местной администрации, существовало и центральное управление имениями данного магната, во главе с «генеральным» экономом. В состав управления входили «комиссары» и «ревизоры». Должностные лица совмещали функции хозяйственного управления с административными правами и судебными полномочиями по отношению к населению вотчин.

Низшая группа администрации комплектовалась из крестьян. Это были войты, лавники, десятники, возглавлявшие крестьянскую общину. Во второй половине XVII и в XVIII в. эти лица выступали главным образом как слуги феодала и приносили ему присягу.

Администраторам магнатских владений помогали должностные лица и слуги, имевшие чисто хозяйственные функции: казначей и бухгалтер главного управления, гуменный или тиун — в фольварке, «коповничие» — по деревням, лесная служба и т. п. Однако и они иногда выполняли некоторые административные обязанности [1].

Важным рычагом воздействия феодалов на крестьян был патримониальный суд. Крестьян за неповиновение, за уклонение от барщинных работ и других повинностей

[1] W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w., s. 20—22.

наказывали экономы, подстаросты и лавники. В качестве меры наказания в основном применялась порка. Уставы магнатских вотчин регулировали телесные наказания, дифференцировали орудия истязаний (розги, кнуты, палки, плети, ремни, веревки и т. п.) применительно к степени виновности, а иногда нормировали количество ударов (например, «100 розог»). Наряду с телесными наказаниями крестьян подвергали тюремному заключению. Тюремные помещения, кандалы, колодки с цепями, железные обручи на шею имелись во всех крупных владениях. Вплоть до 1768 г. феодалы Речи Посполитой могли и казнить крестьян.

Во второй половине XVIII в. феодалы усилили полицейский надзор за крестьянами, установили за ними постоянную слежку [1].

Магнаты содержали вооруженные отряды, служившие для подавления крестьянских выступлений. Их костяк составляли регулярные наемные войска, оплачиваемые магнатом и приносившие ему присягу. Среди офицерского состава этих отрядов было много иноземцев. Магнат лично командовал войсками, выдавал патенты на офицерские звания. «Милиция» Радзивиллов в XVIII в. состояла из пехотных и кавалерийских частей, имела свою артиллерию. Кроме наемных войск, в распоряжении магнатов были отряды, состоящие из военно-служилых людей, проживавших на их землях. Они несли военно-полицейскую службу за пользование своим наделом. Наконец, магнаты содержали также вооруженных слуг — «пахолков», набранных из крестьян, которые получали обмундирование, содержание и денежное жалование от господского двора [2].

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 57; д. 1913, л. 93; д. 3606, лл. 30, 32; д. 5920, л. 19; д. 6673, л. 1; д. 8149, лл. 63—68; д. 8264, л. 9; д. 9259, л. 43; оп. 3, д. 4210, л. 1; оп. 4, д. 13, лл. 36—38; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 3, 110; д. 3991, л. 3; д. 11363, л. 44; д. 11529, лл. 9, 18.

[2] История Польши, т. I. М., 1954, стр. 205; M. Lech. Milicje Radziwiłłów jako oręż feudałów w walce z ruchami chłopskimi na Białorusi i Litwie. «Rocznik Białostocki», t. III. Białystok, 1962, s. 33—60; I. Baranowski. Epigon feudalizmu na Białej Rusi. «Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1909», t. III. Wilno, 1910, s. 81—82; А. П. Грицкевич. Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 246—247.

В магнатских владениях имелись арсеналы с большим количеством оружия [1].

В случае неуплаты в срок денежного чинша или натурального оброка администрация имения направляла к недоимщикам вооруженных слуг для принудительного взыскания («экзекуция»). Экзекуторы останавливались на постой у крестьянина, изымали у него в погашение недоимки зерно, скот или иное имущество. Находясь на постое, они обирали дворохозяина. Бывали случаи, что экзекуторы под предлогом сбора недоимок находились на постое в деревне по три месяца. Экзекуция являлась величайшим бедствием для крестьянства [2].

Крестьяне магнатских вотчин, как и все крестьянство Белоруссии, вели упорную борьбу против своих угнетателей. Наибольший размах приняло крестьянское движение в середине XVII в. в ходе Освободительной войны белорусского народа и его борьбы за соединение с Русским государством (1648—1667 гг.). Величественная эпопея Освободительной войны уже освещалась в исторической литературе. С большой полнотой она раскрыта в трудах Л. С. Абецедарского [3].

В задачи настоящего исследования, посвященного экономической истории белорусской деревни, входит лишь рассмотрение особенностей классовой борьбы крестьян магнатских вотчин конца XVII—XVIII в. В этот период в вотчинах преобладали такие формы классовой борьбы, как подача жалоб магнату на временных держателей имений, администраторов и слуг, уклонение от выполнения феодальных повинностей, бегство.

Открытый отказ от выполнения повинностей, крестьянские волнения, а тем паче восстания происходили редко. Однако последствия Освободительной войны сказывались на взаимоотношениях крестьян и феодалов долгие годы. Магнаты опасались нового массового воору-

---

[1] ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 418, лл. 17—20.

[2] ИЮМ, вып. 27, стр. 258; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 246; д. 2001, л. 54; д. 2055, л. 66; д. 3676, л. 275; д. 9378, л. 18; РОБАН, B_3, ед. хр. 77, л. 9.

[3] См. Л. С. Абецедарский. Освободительная война белорусского народа. Борьба за воссоединение Белоруссии с Русским государством в середине XVII в. История БССР, т. I, стр. 165—189; Борьба белорусского народа за соединение с Россией (вторая половина XVI—XVII в.). Автореферат докторской диссертации. Минск, 1965.

женного движения крестьян и поэтому старались не обострять своих отношений с подданными. Подача жалоб сулила крестьянам некоторые надежды на улучшение их положения, так как магнатам было невыгодно разорение деревни арендатором или администратором имения.

Однако вручение жалоб магнату являлось делом нелегким. Администраторы имений не останавливались ни перед какими мерами насилия, чтобы воспрепятствовать доставке жалобы. Так, эконом Деменичского фольварка владения Чернавчицы в середине XVIII в. с отрядом из восьми слуг гнался за крестьянином Карпом Шумским, который отправился в Варшаву с жалобой на него. Однако последний успел убежать от погони и доставил жалобу князю Радзивиллу, владельцу имения [1]. Не всем ходокам это удавалось.

К жалобам прибегали, отстаивая свои интересы, все разряды крестьянства: тяглые, чиншевые, бояре, земяне и крестьяне, несшие какую-либо специальную службу [2]. Индивидуальные жалобы обычно касались отдельных случаев произвола, допущенного по отношению к тому или иному крестьянину. Как форма классовой борьбы важнее были коллективные жалобы. В них жители деревень протестовали против увеличения феодальных повинностей и захвата крестьянских земель. По материалам магнатских вотчин отчетливо прослеживается связь между огромным потоком жалоб во второй половине XVIII в. и ростом в этот период отработочных повинностей.

Несвижское княжество Кароля Радзивилла с 1764 по 1767 г. находилось во временном держании подканцлера Пшездецкого. За неполных четыре года Пшездецкий и его экономы нанесли крестьянам много обид. Жители 15 деревень (350 крестьянских дворов) подали Радзивиллу 122 жалобы. Сумма материального ущерба, причиненного крестьянам экономами Пшездецкого, исчислялась в 11 245 злотых, т. е. по 32 злотых на каждый двор, что равнялось стоимости одного рабочего вола [3].

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 66.
[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3676, л. 274; д. 5001, лл. 70—81; д. 9009, лл. 2—9; оп. 4, д. 5858, лл. 1—366.
[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4982, лл. 9—24; д. 4992, л. 10; д. 5001, лл. 31—35.

Причиненный несвижским крестьянам ущерб распределялся (по нашим подсчетам) следующим образом[1]:

	Злотых польских	%
Барщинные дни сверх инвентарной нормы согласно оценке	1978	18
Поездки сверх нормы с господским грузом	1069	9
Прочие отработочные повинности сверх нормы	6327	56
Перебор денежного чинша	91	1
Взятки, незаконные поборы, отнятое имущество, скот, изделия крестьянских промыслов	1780	16
	11 245	100 %

Таким образом, 83% жалоб было вызвано превышением установленных ранее норм отработочных повинностей.

В имении «Вязынь» Койдановского графства Радзивиллов общая сумма ущерба, фигурирующая в крестьянских жалобах за 1770—1780 гг., составляет 46 764 злотых. Она распределяется следующим образом[2]:

	Злотых польских	%
За побои (в том числе за убийство одного человека)	2470	5
Превышение норм барщины	17 984	39
Поездки с грузами (включая падеж лошадей и волов из-за непосильной поклажи)	8038	17
Перебор денежного чинша	1000	2
Взятки, незаконные поборы администраторов, отнятое имущество	4796	10
Захват крестьянских земель	1388	3
Прочее (неправосудные решения вотчинного суда, обиды, связанные с феодальными монополиями, и т. п.)	11 084	24
	46 760	100 %

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4982, лл. 9—24; д. 5001, лл. 31—35.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5858, лл. 1—366. Подсчет производился путем выборки и классификации фактов, приведенных в источнике. Оттуда же почерпнута оценка барщинных дней, отработанных сверх нормы.

Имению «Вязынь» в 80—90-х годах XVIII в. принадлежало 650 крестьянских дворов[1]. Это значит, что в среднем на один двор за два года приходилось по 72 злотых ущерба от всяких злоупотреблений временных держателей, т. е. в несколько раз больше, чем в Несвиже. Но и здесь наибольший удельный вес имеет превышение барщинных повинностей (56%).

В имении «Станьково» Койдановского графства, насчитывавшем 150 дворов, за 1766 г. держателем, князем Воронецким, крестьянам нанесен ущерб в сумме 3982 злотых, т. е. по 27 злотых на каждый двор[2].

За этими цифрами стоят факты бесчеловечного обращения с жителями деревень и нещадного их ограбления. Крестьянин Янко Громаза из д. Маковчицы Койдановского графства в своей жалобе сообщал, что мать его, служившая на протяжении шести лет «хозяйкой» (экономкой) у княгини Воронецкой, в 1785 г. была избита плетьми так, что на четвертые сутки скончалась[3]. Случаи смерти крестьян от побоев отмечаются и в Деречинском графстве Сапег в конце XVIII в. (1785 г.)[4].

Особо следует остановиться на взятках, вымогательствах и поборах, которые выколачивались из крестьян представителями администрации магнатских владений. Источники пестрят сообщениями о таких фактах[5]. Эконом Лютостанский во владении Негневичи Новогрудского повета в середине XVIII в. каждую осень совершал объезд деревень и требовал отсыпать ему лично по нескольку корцев овса, хотя владельцы имения никогда не давали ему полномочий на такое «полюдье». Тот же эконом по своему усмотрению отбирал у одних крестьян пахотные земли и передавал другим, наделяя того, кто ему давал покрупнее взятку[6]. Эконом Мокшецкий в Мирском графстве «брал шостаки» и за это освобождал от барщины и гвалтов, а более бедные, «которые не имели чего дать, вынуждены были работать за себя и за

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3377, лл. 2—4.

[2] Там же, д. 3374, лл. 118—125; д. 3377, лл. 4—5.

[3] Там же, д. 3388, л. 3.

[4] РОБАН, B_3, ед. хр. 80, л. 29.

[5] S. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII w., t. I, s. 230; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4356, л. 8; д. 5001, лл. 41—42; д. 8149, л. 63; д. 9014, л. 194; д. 9373, л. 18.

[6] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4975, л. 173.

других» (1755—1756 гг.)[1]. Об аналогичных фактах сообщает устав Дубровненского графства за 1775 г.[2] Вымогательство взяток часто сопровождалось побоями и истязаниями крестьян[3].

Таким образом, частым мотивом жалоб были акты произвола, допускавшиеся администрацией магнатских владений.

Сопротивляясь росту феодальной эксплуатации, крестьяне чаще всего ссылались на инвентари и грамоты наследственного владельца либо на старинные обычаи. Так, крестьяне Копыльского княжества утверждали, что временные держатели их волостей нарушили нормы инвентаря, определявшие размер барщинных повинностей. Жители деревень Несвижского княжества жаловались на превышение установленного в инвентаре денежного чинша (70-е годы XVIII в.). В Вязыне крестьяне возмущались денежной повинностью — куницей, самовольно введенной экономом Харкевичем[4].

Особенно тщательно проверялись крестьянские жалобы, когда владение возвращалось к вотчиннику от другого феодала по истечении срока арендного или залогового держания. Нередко проверка была связана с уже возникшей судебной тяжбой. В таких случаях соответствующая комиссия вызывала к себе представителей от всех деревень каждой волости и производила их опрос[5]. Иногда созывались сходки всех дворохозяев деревни. Тогда жалобы излагались ими в устной форме. В источниках отмечены случаи единодушных жалоб всех крестьян, «заявленных открыто»[6]. Жалобы подтверждались присягой крестьян. При таком подтверждении жалоба считалась доказанной и ответчик был обязан возместить ущерб, нанесенный по его вине[7]. Так, обвиненный в переборе чинша с крестьян Поречской волости Слуцкого княжества залогодержатель Янишевский в 1769 г. вначале утверждал, будто каждый крестьянин

[1] S. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII w., t. I, s. 230; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, лл. 41—42; д. 4483, л. 215.

[2] ЦГИА БССР, ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 53.

[3] РОБАН, $В_3$, ед. хр. 77, л. 5.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 66; д. 3676, л. 274; д. 5001, лл. 33—71; оп. 4, д. 5858, л. 15.

[5] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5858, л. 300.

[6] Там же, л. 7.

[7] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9007, л. 14.

дал ему по одному тынфу (злотому) «bene vole» (добровольно). Затем он был вынужден признать ряд фактов побоев и вымогательств [1].

Насколько распространенным явлением были тяжбы магнатов-вотчинников с временными держателями их имений, можно убедиться из того факта, что они отмечены даже между представителями одного рода Радзивиллов, несмотря на связывавшие их тесные узы родства, традиций и ординатского устава [2]. Рассмотрение крестьянских жалоб было непременной составной частью такого разбирательства. Отсюда видно, что жалобы крестьян при известных обстоятельствах могли быть довольно эффективным средством борьбы.

Магнаты понимали, что их могущество зиждется на платежеспособности крестьянского хозяйства. В 1781 г. крестьяне д. Староселье подали жалобу с просьбой освободить их от поборов, поскольку деревня погорела. На жалобе положена резолюция князя Радзивилла, адресованная «губернатору» Давид-Городокской вотчины: «чинша не брать» [3]. Комиссар Станислав Качинский, прибыв в имение «Сухличи» Клецкого княжества 22 декабря 1780 г., составил там документ следующего содержания: «По распоряжению кн. Юзефа Радзивилла... рассмотревшего жалобу подданных Сухличской волости, освобождаю... их с 1 января 1781 г. от пятого дня барщины с четверти тяглой волоки» [4]. Изданная в 1761 г. для владения Негневичи хозяйственная инструкция требует от администратора справедливого обращения с крестьянами и предупреждает, что частое поступление жалоб от крестьян может навлечь на него господскую немилость [5].

Разумеется, далеко не все жалобы крестьян удовлетворялись магнатами. Если в жалобах затрагивались интересы вотчинников, они не имели никаких шансов на успех.

Сопротивляясь росту феодальных повинностей, крестьяне часто снижали производительность труда на барщинных работах. Так, во владении Вязынь Минского

---

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7440, лл. 107—113.
[2] Там же, д. 9007, лл. 1—2.
[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 311, л. 290.
[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8066, л. 41.
[5] Там же, д. 5898, л. 12.

воеводства, по свидетельству администрации этого владения, в 70-е годы XVIII в. они «притворялись лентяями», плохо работали на господской пахоте, умышленно затягивали сроки выполнения полевых работ, хотя, как говорит опыт прошлого, могли эти работы выполнить значительно быстрее[1]. В Зденцельском графстве Слонимского повета, как видно из инструкции 1771 г., крестьяне плохо работали на молотьбе. Значительную часть зерна они оставляли в соломе. На работу приходили с неисправными цепами и зачастую на починку цепа крестьянин затрачивал больше времени, чем на молотьбу. Стоило только отвернуться надсмотрщику, как крестьяне отбрасывали в солому выданные им для обмолота снопы, что приводило к прямой потере зерна[2].

Следует отметить, что и в тех случаях, когда феодалы для тех или иных групп крестьян заменяли полевые работы обслуживанием вотчинных предприятий, они не избегали скрытого крестьянского сопротивления. Об этом свидетельствуют расчеты по сдаче в 1795 г. жителями деревень золы поташному заводу владения Лахва. Всего причиталось с 220 дворов 990 бочек золы. Крестьяне не сдали 104 бочки золы, а из числа сданных оказалось золы, непригодной для производства, 300 бочек[3].

Богатые крестьяне очень часто откупались от барщины. Об этом сообщают инвентари Дубровненского владения за 1775 г., имения «Радзивилмонты» за 1791 г. и многие другие источники[4]. Основная масса сельского населения не имела такой возможности. И все же крестьяне под различными предлогами уклонялись от выхода на барщину. В 1793 г. 13 человек из д. Ясевичи Деречинского графства Сапег не вышли бороновать зябь, ссылаясь на дождь. Администратор жестоко наказал уклонявшихся[5].

Об уклонении крестьян от барщинных работ сообщают хозяйственные инструкции по Быховскому графству за 1761 г.[6] Иной раз в страдную пору вместо выхода на господское поле они отправлялись на базары

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5858, л. 149.
[2] S. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII w., t. I, s. 102.
[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4408, лл. 2—5.
[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, л. 39; ф. 3258, оп. 1, д. 14, л. 53.
[5] РОБАН, B_3, ед. хр. 87, л. 1.
[6] AG, д. 4575, л. 19.

или сидели по корчмам[1]. В результате уклонения крестьян от работ возникала их «задолженность» по барщине. Магнаты вели энергичную борьбу против таких трудовых «недоимок», требовали от своих администраторов ведения точного учета, а за неиспользованные барщинные дни налагали на эконома штраф[2]. Несмотря на это, в документах фольварков можно обнаружить внушительные цифры не отработанных «по неуважительным причинам» барщинных дней[3].

Наряду с уклонением от барщины крестьяне уклонялись и от уплаты денежного и натурального оброков. Если внимательно изучить реестры недоимок и сопоставить их данные со сведениями об имущественном положении отдельных плательщиков, становится очевидным, что многие из них имели возможность рассчитаться, но умышленно затягивали платежи. Так, в д. Липово Несвижского княжества из года в год числился в недоимщиках лесник Иосиф Гнедько, у которого к 1794 г. имелось около 2 волок пахотной земли, лошадь, 2 вола, 4 головы нерабочего крупного рогатого скота, 8 овец, 3 свиньи. Семья его насчитывала 5 человек. Тяглый крестьянин Андрей Ярошеня из д. Похабовщина того же княжества также был «хронический недоимщик». Его семья состояла из 6 человек (в том числе трое работоспособных), он имел 1,25 волоки земли, лошадь, 2 волов, 3 головы нерабочего крупного рогатого скота, 3 овец, свинью[4]. Крестьянин д. Тимошевка Ленинской волости владения Лахва Карп Иович задолжал чинш и дякло за 3 года, хотя у него было 1,75 волоки земли, имелся рабочий вол, 2 коровы, и все четверо членов семьи были работоспособными[5]. В документе по Быховскому графству отмечалось, что часть крестьян «выходила из повиновения» в отношении уплаты чинша (1761 г.)[6]. В имении «Погост» в 1775 г. целые деревни (Селец, Исенно, Працевичи, Замошье) не вносили денежной платы, установлен-

---

[1] S. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII в., t. I, s. 231.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9102, лл. 5—6.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4659, лл. 1—74; д. 8066, лл. 204—217; оп. 4, д. 5858, л. 40.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2255, лл. 14, 16; д. 9102, лл. 69—82.

[5] Там же, д. 4408, л. 24.

[6] AG, д. 4575, л. 19.

ной взамен сдачи мотков ниток[1]. Не приходится сомневаться, что крестьяне попросту не желали выполнять эту повинность.

Таким образом, выколачивание из крестьян феодальной ренты происходило в обстановке постоянной борьбы между администрацией магнатских имений и плательщиками, которые всячески сопротивлялись феодальному грабежу.

Весьма важной формой борьбы крестьян было их бегство от магнатов. Во второй половине XVIII в. отмечены массовые случаи бегства крестьян по всей территории Белоруссии.

Ревизией Друйской латифундии Сапег, произведенной за десятилетний период (1784—1793), установлено, что крестьяне почти ежегодно бежали из этого владения[2]. Массовое бегство отмечалось и в инвентаре Быховского графства за 1758 г.[3] и в актах сверки Иеронима и Юзефа Радзивиллов по владению Уречье[4].

В некоторых инвентарях есть списки беглых, которые позволяют сопоставить количество беглых с общей численностью населения волости. Так, во владении Высокое-Литовское в 1794 г. значилось 314 беглых, а всего там проживало 2927 человек. Значит, в бегах находилось 9,8%, или почти 1/10 часть всех крестьян данного владения. Поскольку обычно бежали наиболее активные, трудоспособные крестьяне, целесообразно сопоставить количество беглых с числом трудоспособных, проживавших на месте, которых в Высоком насчитывалось 1662 человека. Вместе с беглыми это составит 1976 человек. При таком расчете удельный вес беглых возрастает до 16%[5].

В Ружанском графстве Сапег в 1762 г. в бегах числилось 36 семейных дворохозяев; некоторые из них бежали с семьями, в том числе со взрослыми сыновьями. Кроме того, в бегах находилось 10 холостых крестьян. Если сопоставить с общим числом дворов графства (666) только семейных беглецов, применяя такой же метод расчета, как и в Высоком, окажется, что удельный вес беглых

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6423, л. 160.
[2] РОБВУ, А-1275, л. 32.
[3] AG, д. 4568, л. 19.
[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9007, лл. 16—17.
[5] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, лл. 119, 122—124.

крестьян в Ружанах был равен 5,4%[1]. Большое количество беглых значится в 1783 г. во владениях Тизенгауза Поставы и Каменка[2].

В случае, если бежала вся семья крестьянина, его хозяйство поступало в распоряжение феодала[3]. Но иногда беглецам удавалось угнать с собой скот и увезти некоторое имущество. Так, из Поречской волости Слуцкого княжества около 1769 г. бежали девять дворохозяев, в том числе Леон Астапов с двумя сыновьями. Они угнали с собой две лошади. Иванов Андрей с сыном также захватили своего коня и др.[4]

Большинство беглых крестьян направлялось к другим феодалам. Заботясь о заселении своего имения, последние очень неохотно выдавали беглых[5]. Во многих источниках отмечается, что беглые крестьяне живут по соседству, у другого феодала, но возврат их сопряжен со значительными трудностями[6]. Немало было и таких, которые бежали далеко. Судя по данным инвентарей Ружан и Высокого, беглые из западных районов Белоруссии уходили преимущественно на Украину («Волынь») и на Полесье[7]. Жители восточной и северной Белоруссии бежали в Россию[8].

Большой интерес представляет такое явление, как переселение крестьян в города и местечки. Имеются сведения о бегстве крестьян в частновладельческие города Дубровно, Зельву, Глуск, Раков, Столбцы, а также в королевские города Могилев, Люблин, Гданьск[9].

В источниках содержатся прямые сведения о том, какое влияние оказывали побеги на взаимоотношения

---

[1] ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, лл. 32, 42, 50, 71, 81.

[2] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 45—53; д. 3991, лл. 1—12; д. 3993, лл. 1—5; д. 3997, лл. 1—7.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6154, лл. 5—12.

[4] Там же, д. 7440, л. 111, д. 5001, л. 88.

[5] J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski (do r. 1864), s. 202; A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, s. 71—76.

[6] Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 398—409, 418.

[7] ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, лл. 32—81; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, лл. 64, 78, 87, 89, 109, 119.

[8] L. Żytkowicz. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794—1797, s. 315.

[9] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, л. 78; AG, д. 4577, лл. 20—21.

крестьян и феодалов. В 1780 г. наследники подканцлера Пшездецкого в своем объяснении в суде говорили, что разрешили крестьянам расчистку леса под пахоту в радзивилловских пущах, так как иначе те ушли бы из имения [1]. В 1751 г. ревизор, проверявший жалобу жителей д. Ляховичи Делятичского владения Радзивиллов о захвате их лугов за Неманом соседним феодалом, отмечал: «Если луга не будут им возвращены, крестьяне разбегутся» [2]. В уставе владения Давид-Городок за 1753 г. Радзивиллы приглашали всех беглых крестьян вернуться, гарантируя им возврат их прежних земель и усадеб, в чьих бы руках они ни находились в настоящее время, а также предоставляли беглецам большие льготы в повинностях [3]. Такие же гарантии льгот («слобода») для возвращающихся беглых содержатся в уставе Глусской волости 1772 г.[4] Инструкция для владения Россь Христины Сапега, изданная в 1759 г., предупреждает администратора, чтобы, наказывая крестьян, наносить не более 5 ударов розгами, иначе крестьяне разбредутся, а он будет за каждого в ответе [5]. Подобные предписания мы находим в люстрации Друи за 1793 г.[6]. Опасаясь побегов, феодалы иногда делали крестьянам небольшие уступки в обеспечении их землей.

Массовые побеги, низкая производительность труда сказывались на рентабельности фольварка. Наряду с экономическими причинами крестьянская борьба была одним из факторов, определявших переход на денежную ренту, состоявшийся в некоторых магнатских владениях Белоруссии в конце XVIII в.

В магнатских вотчинах во второй половине XVII и в XVIII в. широко были распространены извечные и повсеместные формы крестьянской борьбы: браконьерство, самовольные порубки, потравы. Крестьяне систематически нарушали установленные магнатами запреты, охотились в господских пущах, вели по ночам лов рыбы в господских озерах, рубили лес, в том числе «пригодный для лесного товара» и «на золу». Массовым явлением

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5858, л. 299.
[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4975, л. 183.
[3] Там же, д. 1708, л. 45.
[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 222, л. 12.
[5] Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w., t. I, s. 405.
[6] РОБВУ, А-1275, л. 43.

были самовольная запашка пустошей, разработка новых земель, потравы господских полей и сенокосов крестьянским скотом. Магнаты отвечали на это телесными наказаниями, высокими штрафами, конфискацией орудий лова и т. д.[1]

Борьба крестьян за угодья иногда перерастала в вооруженные выступления. Жители волости Казадавка, расположенной вблизи Себежа Полоцкого воеводства, 11 января 1732 г., узнав, что радзивилловский служащий Ян Слясский организует облов озера Синего, которое они считали своим, явились на озеро под предводительством шляхтича Вольбека. Они были вооружены ружьями, рогатинами, кольями и цепами. Сначала крестьяне пытались убедить радзивилловских слуг прекратить облов. Когда же уговоры не помогли, крестьяне напали на них и разогнали, а Слясского, получившего три ранения в голову, захватили и заковали в цепи[2].

Серьезные крестьянские волнения отмечались в первой половине XVIII в. в Глусском графстве Радзивиллов. Они отразились в более позднем документе — инвентаре 1756 г. В нем говорится, что крестьяне Погостского войтовства ранее поднимали «бунт и восстание», выходили из повиновения, совершали разбойные действия. Администратору от имени магната предлагалось добиваться от крестьян повиновения, строго наказывать непослушных, «усмирять бунты и своеволие»[3].

Широкий отголосок в Минском воеводстве получило выступление крестьян д. Домошаны в радзивилловском имении «Драчково» (1748 г.) против отряда шляхтичей, истязавших жителей деревни. В выступлении приняло участие свыше 100 крестьян, которые разгромили шляхетский отряд[4].

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о крестьянских волнениях в магнатских вотчинах немногочисленны, однако они свидетельствуют, что и в наследственных владениях магнаты не избежали открытых классовых столкновений. Таких столкновений отмечено

[1] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 22, 250; д. 4207, лл. 16—32; д. 5920, л. 19; д. 8149, лл. 63, 65; д. 9102, л. 57; оп. 4, д. 5858, л. 227; оп. 7, д. 220, л. 2; РОБВУ, А-1410, л. 11.

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1701, л. 2.

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 221, л. 42.

[4] См. А. М. Карпачев. Крестьянское движение. История БССР, т. 1, стр. 221.

гораздо больше в королевских староствах и экономиях, находившихся во временном держании тех же магнатов[1]. Различие объясняется, на наш взгляд, разными условиями жизни крестьян в королевских и в частных владениях.

Магнаты больше эксплуатировали крестьян в королевских, чем в своих наследственных владениях, подрывать экономические основы которых они остерегались. Вместе с тем государственные крестьяне могли в какой-то мере рассчитывать на вмешательство королевской власти, а это порождало надежды на успех и создавало более благоприятную обстановку для выступлений. К тому же надо полагать, что в источниках по частным владениям крестьянские выступления не всегда упоминались. Магнат-вотчинник не должен был ни перед кем отчитываться за расправу над своими крепостными и мог не фиксировать ее в документах.

---

[1] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 162—174; А. М. Карпачев. Крестьянское движение. История БССР, т. 1, стр. 221.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XVII и в XVIII в. крестьяне магнатских вотчин составляли значительную часть всего крестьянства Белоруссии. Их связь с магнатским поместьем, игравшим ведущую роль в аграрной структуре Белоруссии того времени, определяет особый интерес к этой группе крестьян. Изучение их судеб имеет большое значение для понимания исторического процесса развития белорусской деревни.

После тяжелых потрясений, вызванных войнами и разорением в 50—60-е годы XVII в. и во время Северной войны, крестьянское хозяйство дважды восстанавливалось. При этом оно проявило огромную жизнеспособность, преодолевая экономические последствия разорения в неблагоприятных условиях крепостнического гнета и господства консервативного государственного строя шляхетской Речи Посполитой. Известную роль в процессе восстановления сыграло временное уменьшение удельного веса барщины в системе феодальной эксплуатации в периоды наиболее глубокого разорения крестьянства. Однако в магнатском поместье этот фактор не имел решающего значения. Скорейшему восстановлению крестьянского хозяйства во второй четверти XVIII в. способствовала его товаризация, растущая в условиях общеисторического прогресса.

Во второй половине XVIII в. крестьянское хозяйство вступило в новую полосу экономического развития. Оно достигло заметных успехов в развитии агротехники, добилось повышения урожайности, роста поголовья рабочего и продуктивного скота. Укрепились и расширились рыночные связи. Часть сельскохозяйственной продукции предназначалась на сбыт. Рост производительных сил

крестьянского хозяйства тормозился усилением феодальной эксплуатации, обусловленным развитием магнатского фольварка. Однако увеличение повинностей не остановило процесса экономического развития крестьянства, который способствовал углублению его имущественной дифференциации. Часть беднейшего крестьянства переходила к наемному труду как основному источнику существования. Условия для этого создавались в результате применения вотчинниками найма отчасти в сельском хозяйстве, а особенно — на бурно развивавшихся предприятиях.

Наемный труд стали применять и зажиточные крестьяне. У более богатых появились накопления, которые они вкладывали в сельское хозяйство и промышленные предприятия. Некоторые из них выступали в роли подрядчиков.

Материалы магнатских вотчин свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII в. уже происходил процесс социального расслоения белорусской деревни. В недрах феодального строя зарождался капиталистический уклад.

Одним из важнейших факторов, определявших развитие крестьянства магнатских вотчин, была классовая борьба. Несмотря на то что магнаты располагали мощным аппаратом принуждения, крестьяне упорно боролись против феодального гнета, используя как пассивные, так и активные формы классовой борьбы.

История белорусского крестьянства во второй половине XVII—XVIII в., раскрываемая по материалам магнатских вотчин, является одним из многих доказательств несостоятельности реакционных концепций современной буржуазной историографии. Вопреки теориям эволюции, регресса, цикличности, отрицающим социальный прогресс, конкретные факты из истории белорусской деревни говорят о прогрессивном, несмотря на все трудности и помехи, развитии экономики, о закономерности смены общественных формаций.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Магнатские вотчины Белоруссии XVIII в., включенные в исследование

Владение	Воеводство, повет	Владелец	Год	Количество: фольварков (имений)	Количество: крестьянских дворов
Несвиж	Новогрудское	Радзивилл	1764	6	808
Мир	»	»	1791	6	968
Кореличи	»	»	1791	4	566
Любча	»	»	1791	3	437
Негневичи	»	»	II пол. XVIII в	5	1392
Клецк (12 владений)	»	»	1790	15	1566
Тимковичи	»	»	1778	7	1210
Копыль	»	»	1765	8	647
Ивань	»	»	1704	1	518
Погост	»	»	1787	1	530
Уречье	»	»	1785	1	247
Деревно	Минское	»	1791	3	280
Негорелое	»	»	1794	1	272
Койданово	»	»	1791	12	2155
Аннополь (Лошица)	»	»	1785	1	77
Смолевичи	»	»	1791	1	146
Лахва	Пинский	»	1794	4	711
Давид-Городок	»	»	1798	3	472
Манкевичи	»	»	1776	3	210
Смядынь	Пинский и Мозырский	»	1781	4	446
Глуск	Речицкий	»	1756	2	369
Глубокое	Полоцкое	»	1766	нет данных	800
Чернавчицы	Брестское	»	1791	9	1064

Владение	Воеводство, повет	Владелец	Год	Количество	
				фольварков (имений)	крестьянских дворов
Малынка	Гродненский	Радзивилл	1780	1	71
Зденцел	Слонимский	»	1796	4	734
Роготно	Слонимский	»	1762	1	135
Белица	Лидский	»	1791	9	1300
Сморгонь	Ошмянский	»	1788	3	291
Дрисвяты	Браславский	»	1787	нет данных	667
Чересс	»	»	1778	2	303
Деречин	Слонимский	Сапега	1794	14	1070
Ружаны	»	»	1762	7	666
Свислочь	Волковыский	»	1778	1	37
Черлена	Гродненский	»	1785	1	49
Лавна	»	»	1775	1	43
Друя	Браславский	»	1796	10	1134
Заславль	Минское	»	1760	4	429
Быхов	Мстиславское	»	1796	16	2949
Головчино	Оршанский	»	1728	1	254
Дубровно	»	»	1775	2	1520
Черея	»	»	1796	8	1286
Освея	Полоцкое	»	1749	3	1550
Сария	»	»	1753	1	284
Россь	Волковыский	Потоцкий	1773	1	190
Туров	Пинский	»	1777	—	340
Подберезье	Оршанский	»	1746	1	19
Накрышки	Слонимский	Завиша	1746	1	43
Высокое	Брестское	Яблоновская	1794	11	541
Воронцевичи	Оршанский	Пац	1747	1	161
Гили	Полоцкое	»	1723	—	103
Свираны	Ошмянский	»	1752	нет данных	16
Киватичи	Брестское	»	1747	1	160
Мышь	Новогрудск.	Сенявский	1725	9	1055
Шклов	Оршанский	»	XVII—XVIII вв.	3	2100
Смоляны	Оршанский	Сангушко	1742	8	1642
Толочин	»	»	1749	1	225
Путилово	Витебское	Поцей	1717	—	153
Островно	»	»	1778	2	421
Глозомичи	»	»	1730	—	400
Кадин	Мстиславское	»	1729	1	287
Рясна	Мстиславское		1729	1	194

Владение	Воеводство, повет	Владелец	Год	Количество фольварков (имений)	Количество крестьянских дворов
В. Ельня	Брестское	Поцей	1725	1	126
Горки	Мстиславское	Соллогуб	1758	3	1294
Скипоровщина	Минское	»	1766	1	17
Бытень	Слонимский	Тизенгауз	1783	3	335
Каменка, Лидские и Гродненские имения (9 владений)	Лидский и Гродненский	»	1783	9	302
Поставы	Ошмянский	»	1783	11	675
Городок	Минское	Тышкевич	1784	5	324
Косин	»	»	1784	2	162
Мильча	»	»	1731	1	76
Любавичи	Оршанский	Друцкий-Любецкий	1784	11	1319
Королищевичи	Минское	Друцкий-Горский	1732	1	72
Залужье	Полоцкое	Зенович	1704	—	нет данных
Хальча	Речицкий	Халецкий	1717	—	159
Дорогово	Новогрудский	Неселовский	1784	1	30
Зерченичи	Полоцкое	Селява	1758	1	17
Менница	Минское	»	1767	1	40
Голенищево	Браславский	Бужинский	1755	1	40
Рутки	Ошмянский	Бжостовский	1782	1	77
Свяды	Оршанский	Жаба	1750	1	302
Богушевск (часть)	Витебское	Хрептович	1793	2	53
Всего				286	44133

Примечание.

Все таблицы составлены на основании инвентарей и люстраций, хранящихся в следующих архивных фондах: ЦГИА БССР, ф. 694 (кн. Радзивиллов), оп. 1, 2, 3, 4, 7; ф. 3258 (кн. Любомирских), оп. 1; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 529 (Пинского земского суда), оп. 2; ф. 1006 (Слонимского земского суда), оп. 1; ф. 1143 (Коллекция древних инвентарей помещичьих имений), оп. 1, 3; ф. 1146 (Оршанского земского суда), оп. 3; ф. 1305 (Минского земского суда), оп. 1; ф. 1312 (Новогрудского земского поветового суда), оп. 1; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА (Древних актов); ф. 459 (Комиссии для разбора долгов кн. Радзивиллов), оп. 1; ф. 515 (Виленской губернской казенной палаты), оп. 15; ф. 525 (Виленской палаты го-

сударственных имуществ), оп. 1, 8; ф. 1135 (Виленского общества любителей наук), оп. 14; РОБВУ, ф. «А» древних рукописей (документы Сапег); РОБАН, ф. 9 (общий BF); ф. 17 (Рукописная коллекция, отдел рукописей б. Виленской публичной библиотеки — B_3); ф. 20 (Коллекция судебных актов, собранных Т. Врублевским — ТА); ф. 21 (Виленский Белорусский фонд — VBF); ф. 86 (Акты Буховецкого — BGA); ф. 139 (Корреспонденция Сапег — SK); ф. 148 (Тышкевичей — TF); ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 181 (Лянцкоронских), оп. 2; ЛНБ Ро, ф. Сапег; ф. Оссолинских; Хозяйственный архив Музея Чарторысских в Кракове (AG); АВАК, ИЮМ.

Таблица 2

Динамика господских посевов в магнатских вотчинах[1]

Годы	Владение	Посеяно, бочек виленских	Годы	Владение	Посеяно, бочек виленских
		А. Запад и Центр			
1749	Чернавчицы	350	1670	Тимковичи	77
1791	»	844	1691	»	164
1754	Лавна	48	1735	Лахва	79
1775	»	66	1794	»	130
1746	Налибоки	44	1653	Давид-Городок	95
1757	»	48	1691	»	70
1778	»	53	1702	»	57
1782	»	78	1724	»	55
1742	Несвиж	126	1753	»	84
1793	»	162	1798	»	91
1645	Сопотвин (Радзивилмонты)		1687	Манкевичи	74
		66	1699	»	60
1679	»	108	1702	»	48
1714	»	93	1764	»	137
1791	»	178	1776	»	148
1665	Островчицы	80	1663	Погост	54
1713	»	76	1748	»	151
1789	»	114	1772	»	206
1654	Цепра	34	1786	»	295
1664	»	20			
1702	»	20		Б. Восток	
1763	»	65	1761	Быхов	226
1795	»	98	1784	»	313
1730	Малево	65	1722	Дубровно	6
1784	»	114	1751	»	66
1790	»	132	1700	Островно	30
1638	Тимковичи	47	1778	»	106

[1] Посевы исчислены на основании данных о количестве высеянного зерна или о площади под посевами, содержащихся в инвентарях, люстрациях, амбарных книгах, суммариушах соответствующих владений.

Таблица 3.

Динамика численности сельского населения в магнатских вотчинах Белоруссии по отдельным владениям

Годы	Владение	Число дымов	Количество душ крестьян		Процентн. отношение к исходн. дате
			в среднем на один двор	всего душ	
		Центр			
1670	Тимковичи	103	6,5	670	100
1691	»	148	7,0	1036	155
1713	»	181	6,5	1177	176
1761	»	247	7,0	1729	258
1778	»	309	7,0	2163	323
1654	Греск	338	7,0	2366	100
1722	»	336	6,5	2184	92
1765	»	368	7,0	2576	109
1645	Клецк (Радзивилмонты)	167	7,0	1169	100
1679	»	98	6,5	637	54
1714	»	122	6,5	793	68
1791	»	223	7,0	1561	134
1665	Островчицы	80	6,5	520	100
1713	»	125	6,5	813	156
1761	»	147	7,0	1029	198
1790	»	195	7,0	1365	263
1645	Моствиловичи	160	7,0	1120	100
1665	»	54	6,5	351	31
1730	»	117	7,0	819	73
1790	»	117	7,0	819	73
1653	Лахва	367	7,0	2569	100
1739	»	563	7,0	3941	153
1794	»	711	7,0	4977	194
1653	Давид-Городок	474	7,0	3318	100
1665	»	417	6,5	2711	82
1691	»	414	7,0	2898	87
1724	»	325	6,5	2113	63
1753	»	321	7,0	2247	65
1798	»	472	7,0	3304	99
1663	Манкевичи	113	6,5	735	100
1702	»	163	6,5	1070	145
1764	»	214	7,0	1498	204
1776	»	210	7,0	1470	200
		Запад			
1666	Чернавчицы	441	6,5	2867	100
1749	»	412	7,0	2884	100
1791	»	449	7,0	3143	110

Годы	Владение	Число дымов	Количество душ крестьян		Проценты, отношение к исходн. дате
			в среднем на один двор	всего душ	
1646	Деречин	219	7,0	1533	100
1711	»	154	6,5	1001	65
1758	»	199	7,0	1393	91
1782	»	225	7,0	1575	103
1664	Зельва	120	6,5	780	100
1701	»	124	6,5	806	103
1785	»	167	7,0	1169	150
1640	Сморгонь	212	7,0	1484	100
1672	»	101	6,5	657	44
1689	»	138	7,0	966	65
1723	»	129	6,5	839	56
1755	»	188	7,0	1316	89
1788	»	227	7,0	1589	107
1692	Поставы	142	7,0	994	100
1783	»	198	7,0	1386	139
1738	Полово	107	7,0	749	100
1783	»	137	7,0	959	128
		Восток			
1700	Сария (Друйская)	160	6,5	1040	100
1753	»	284	7,0	1988	191
1729	Островно	141	7,0	987	100
1778	»	179	7,0	1253	127
1760	Черея (волости Мелешковская и Рыдомыльская)	274	7,0	1918	100
1796	»	361	7,0	2527	132
1722	Дубровно	743	6,5	4830	100
1775	»	1509	7,0	10563	219
1746	Быхов	204	7,0	1428	100
1783	»	256	7,0	1792	125
1670	Горки	553	6,5	3595	100
1683	»	673	7,0	4711	131
1750	»	776	7,0	5432	151
1692	Глуск	264	7,0	1848	100
1727	»	257	6,5	1671	90
1756	»	307	7,0	2149	116

Таблица 4

Динамика площадей пахотных земель в отдельных магнатских вотчинах

Годы	Владение	Пахотная земля, %	
		обрабатываемая	пустующая
1638	Тимковичи	94	6
1670	»	96	4
1691	»	93	7
1713	»	96	4
1730	»	96	4
1778	»	97	3
1742	Несвиж	88	12
1793	»	96	4
1645	Радзивилмонты	94	6
1679	»	84	16
1714	»	80	20
1791	»	95	5
1654	Цепра	84	16
1664	»	35	65
1763	»	97	3
1786	»	100	—
1710	Сухличи	87	13
1761	»	92	8
1779	»	92	8
1653	Давид-Городок	95	5
1691	»	54	46
1724	»	85	15
1753	»	94	6
1798	»	96	4
1702	Манкевичи	78	22
1776	»	81	19
1690	Чернавчицы	90	10
1749	»	56	44
1791	»	91	9
1672	Сморгонь	38	62
1689	»	58	42
1723	»	55	45
1755	»	90	10
1788	»	91	9
1700	Островно	53	47
1778	»	76	24
1672	Дубровно	27	73
1722	»	60	40
1775	»	80	20

Таблица 5

Эволюция крестьянского надела по материалам 15 латифундий[1]

Периоды	Пахота в волоках			Число крестьянских дворов	В среднем на двор волок			Удельный вес приемной земли
	основные наделы	приемные земли	всего		основного надела	приемной земли	всего	
Центр								
I пол. XVII в.	639	69	708	1356	0,47	0,05	0,52	10
II пол. XVII в.	400	175	575	1113	0,36	0,16	0,52	30
I пол. XVIII в.	743	258	1001	1880	0,39	0,14	0,53	26
II пол. XVIII в.	981	650	1631	2819	0,35	0,23	0,58	40
Запад								
I пол. XVII в.	206	47	253	431	0,48	0,10	0,59	19
II пол. XVII в.	433	218	651	1281	0,34	0,17	0,51	33
I пол. XVIII в.	259	135	394	886	0,29	0,15	0,44	34
II пол. XVIII в.	395	356	751	1349	0,29	0,27	0,56	47
Восток								
I пол. XVIII в.	440	357	797	1147	0,38	0,31	0,69	45
II пол. XVIII в.	950	796	1746	2821	0,34	0,28	0,62	46

[1] Клецк, Давид-Городок, Манкевичи, Несвиж, Зельва, Чернавчицы, Ружаны, Деречин, Сморгонь, Глуск, Островно, Черея, Дубровно, Быхов, Тимковичи.

Таблица 6

Среднее обеспечение рабочим скотом крестьянских хозяйств

Годы	Владение	Количество крестьянских дворов	Число упряжек у крестьян	В среднем упряжек на один двор
1638	Тимковичи	111	146	1,3
1670	»	195	227	1,1
1691	»	272	314	1,2
1713	»	284	380	1,3
1730	»	663	945	1,4
1757	»	339	342	1,0
1778	»	819	1188	1,4
1706	Косин	29	58	2,0

Годы	Владение	Количество крестьянских дворов	Число упряжек у крестьян	В среднем упряжек на один двор
1784	Косин	162	375	2,3
1645	Клецк	167	244	1,5
1679	»	94	105	1,1
1714	»	122	116	0,9
1791	»	223	351	1,6
1645	Кр. Став	133	207	1,6
1726	»	44	62	1,4
1645	Мостволовичи	158	240	1,5
1665	»	68	97	1,4
1730	»	111	133	1,2
1760	»	113	198	1,8
1790	»	107	189	1,8
1665	Малево	60	76	1,4
1678	»	66	64	0,9
1730	»	124	140	1,1
1791	»	120	186	1,5
1645	Цепра	58	58	1,0
1664	»	14	8	0,6
1702	»	34	51	1,5
1763	»	44	69	1,6
1792	»	44	87	1,9
1665	Давид-Городок	417	246	0,5
1691	»	413	404	0,9
1798	»	472	549	1,1
1663	Манкевичи	113	60	0,5
1702	»	162	170	1,0
1764	»	214	317	1,5
1776	»	210	256	1,2
1666	Чернавчицы	285	45	0,2
1690	»	543	408	0,7
1749	»	412	179	0,4
1791	»	449	429	0,9
1687	Ружаны	461	426	0,9
1728	»	46	10	0,2
1762	»	329	362	1,1
1711	Деречин (Александрия)	121	69	0,6
1758	»	190	204	1,1
1794	»	177	262	1,5
1664	Зельва	113	32	0,3
1785	«	167	199	1,1
1689	Сморгонь	138	169	1,2
1723	»	114	137	1,2
1755	»	172	357	2,1
1788	»	199	246	1,2
1692	Глуск	262	420	1,6
1727	»	257	300	1,1
1756	»	369	393	1,1

Годы	Владение	Количество крестьянских дворов	Число упряжек у крестьян	В среднем упряжек на один двор
1758	Быхов	250	418	1,6
1783	»	256	532	2,1
1729	Островно	141	286	2,0
1778	»	179	317	1,7

Таблица 7

Обеспечение рабочим скотом крестьянских хозяйств в магнатских вотчинах во второй половине XVIII в. (в абсолютных цифрах)[1]

Зоны	Всего		В среднем на один двор упряжек
	упряжек	дворов	
Центр	8456	5985	1,4
Запад	7979	5485	1,5
Восток	11226	5137	2,2
По всей территории Белоруссии	27661	16607	1,7

[1] Составлена на основании документов, относящихся к 39 владениям: Несвиж, Тимковичи, Погост, Косин, Заславль, Негорелое, Кореличи, Лошица, Клецк, Моствиловичи, Малево, Сухличи, Цепра, Лахва, Давид-Городок, Манкевичи, Туров, Смядынь, Чернавчицы, Высокое, Малынка, Ружаны, Бытень, Деречин, Зельва, Россь, Зденцел, Каменка, Сморгонь, Свираны, Поставы, Чересс, Друя, Глуск, Быхов, Дубровно, Островно, Черея, Горки.

Таблица 8

Динамика обеспечения рабочим скотом крестьянских хозяйств по 15 латифундиям (в абсолютных цифрах)[1]

Периоды	Всего			Крестьянских дворов	На один двор упряжек
	голов		упряжек		
	лошадей	волов			
По всей территории Белоруссии					
II пол. XVII в.	983	3194	2580	2579	1,0
I пол. XVIII в.	1163	2273	2300	2159	1,1
II пол. XVIII в.	7650	6532	10916	6762	1,6

Периоды	Всего			Крестьянских дворов	На один двор упряжек
	голов		упряжек		
	лошадей	волов			
Центр					
II пол. XVII в.	425	1412	1131	1062	1,1
I пол. XVIII в.	591	1473	1327	1072	1,2
II пол. XVIII в.	1731	4319	3891	2791	1,4
Запад					
II пол. XVII в.	385	1289	1029	1255	0,8
I пол. XVIII в.	215	357	393	690	0,6
II пол. XVIII в.	704	1591	1499	1323	1,1
Восток					
II пол. XVII в.	173	493	420	262	1,6
I пол. XVIII в.	357	443	578	397	1,5
II пол. XVIII в.	5215	622	5526	2648	2,1

[1] Несвиж, Тимковичи, Клецк с его отдельными владениями, Давид-Городок, Манкевичи, Зельва, Чернавчицы, Ружаны, Деречин, Сморгонь, Глуск, Черея, Островно, Дубровно, Быхов.

Таблица 9

Динамика численности нерабочего скота в отдельных вотчинах

Годы	Владение	Количество крестьянских дворов	Крупный рогатый скот		Овцы и козы		Свиньи	
			всего	на двор	всего	на двор	всего	на двор
1665	Давид-Городок	397	265	0,7	386	0,9	148	0,4
1798	»	478	1365	2,8	1351	2,8	673	1,4
1665	Сухличи	25	32	1,3	—	—	23	0,9
1792	»	69	193	2,8	378	5,5	202	3,0
1665	Малево	48	65	1,3	—	—	93	1,9
1791	»	120	262	2,2	437	3,6	227	1,9
1665	Клецк	72	167	2,3	33	0,5	167	2,3
1791	»	174	763	4,4	629	3,6	322	1,8
1774	Смядынь	129	419	3,2	454	3,5	272	2,1
1781	»	446	1867	4,2	2056	4,6	1031	2,3

Таблица 10

Количество нерабочего скота у крестьян магнатских вотчин во второй половине XVIII в.[1]

Зоны	Число крестьянских дворов	Количество голов					
		крупного рогатого скота		овец и коз		свиней	
		всего скота	в среднем на двор	всего	на двор	всего	на двор
Центр	3745	10414	2,8	12047	3,2	6567	1,8
Запад	5033	15384	3,1	23692	4,7	12123	2,4
Восток	5748	12942	2,3	23575	4,1	14660	2,5
По всей территории Белоруссии	14526	38740	2,7	59314	4,1	33350	2,3
в том числе:							
Северо-запад	1855	7933	4,3	9991	5,4	6697	3,6
Юго-запад	3178	7451	2,3	13701	4,3	5426	1,7

[1] Составлена на основании документов, относящихся к владениям: Несвиж, Негорелое, Тимковичи, Лахва, Давид-Городок, Сухличи, Малево, Клецк, Смядынь, Чернавчицы, Бытень, Высокое, Деречин, Каменка, Поставы, Чересс, Друя, Островно, Дубровно, Быхов, Черея, Воронцевичи.

Таблица 11

Разряды (категории) крестьянства и распределение крестьянской земли (пахоты) по форме ренты в отдельных магнатских вотчинах

Годы	Владение	Всего дворов	В том числе тяглых		Всего волок	В том числе тяглых	
			количество	%		количество	%
			Центр				
1734	Несвиж	367	260	71	232	68	30
1793	»	305	177	58	262	47	18
1638	Тимковичи	114	105	92	59	36	61
1670	»	222	181	82	178	67	38
1691	»	297	172	58	151	45	30
1713	»	329	210	64	150	52	35
1730	»	718	345	48	286	76	26
1757	»	417	274	66	171	44	26
1778	»	831	465	56	396	101	26
1706	Косин	28	22	79	30	11	37
1784	»	47	30	64	85	40	48

Годы	Владение	Всего дворов	В том числе тяглых		Всего волок	В том числе тяглых	
			коли-чество	%		коли-чество	%
1645	Клецк-Сопотвин (Радзивилмонты)	241	149	62	146	49	34
1679	»	181	84	47	130	35	27
1714—34	»	191	87	46	96	25	26
1791	»	313	244	78	157	61	39
1645	Мостиловичи	160	146	92	86	45	52
1730	»	117	107	92	101	25	25
1760	»	113	104	92	88	26	30
1790	»	117	99	85	125	29	23
1678	Малево	72	65	90	75	33	44
1730	»	134	119	89	70	33	47
1791	»	120	96	80	82	24	29
1665	Островчицы	64	40	63	77	21	27
1713	»	125	76	61	104	35	34
1761	»	147	73	50	73	24	33
1654	Цепра	59	55	95	22	15	68
1664	»	14	14	100	6	6	100
1702	»	49	44	90	33	22	67
1763	»	45	39	87	33	10	30
1792	»	50	42	84	29	10	35
1654	Сухличи	87	24	28	37	9	24
1710	»	75	22	30	50	11	22
1743	»	85	30	35	52	14	27
1761	»	75	70	94	48	32	67
1792	»	69	64	94	50	16	32
1653	Давид-Городок	474	254	54	302	75	25
1665	»	417	217	52	251	61	24
1691	»	414	220	53	—	—	—
1724	»	325	138	43	245	21	9
1753	»	321	117	37	305	17	6
1798	»	472	156	33	297	18	6
1663	Манкевичи	113	112	99	51	50	98
1702	»	163	131	80	70	31	45
1764	»	214	180	84	95	42	45
1776	»	210	170	81	98	38	38
		Запад					
1666	Чернавчицы	441	365	83	227	131	58
1690	»	573	432	75	250	107	43
1749	»	412	292	71	107	52	49
1791	»	449	369	82	205	61	29
1687	Ружаны	450	308	69	241	76	32
1728	»	67	43	64	19	9	47
1762	»	329	304	92	178	76	43

Годы	Владение	Всего дворов	В том числе тяглых		Всего волок	В том числе тяглых	
			количество	%		количество	%
1646	Деречин	219	157	71	132	72	55
1711	»	154	89	58	89	36	41
1758	»	199	145	73	100	46	46
1794	»	177	128	72	99	33	33
1664	Зельва	120	113	94	58	44	75
1701	»	124	120	97	65	31	47
1785	»	224	135	61	100	34	34
1640	Сморгонь	212	135	64	127	44	35
1672	»	101	50	50	72	23	32
1689	»	138	65	47	102	29	28
1723	»	129	44	34	101	21	21
1755	»	188	56	30	136	24	18
1788	»	227	59	26	158	29	18
		Восток					
1692	Глуск	264	139	53	132	37	28
1727	»	257	17	7	122	9	7
1756	»	369	85	23	165	19	12
до 1717	Хальча	159	104	65	—	—	—*
после 1717	»	159	—	—	25	—	—
1758	Быхов	250	125	50	347	92	27
1783	»	256	103	41	—	—	—
1672	Дубровно	—	—	—*	337	—	—*
1722	»	743	101	14	427	30	7
1775	»	1509	746	49	769	221	29
1700	Островно	101	87	86	108	42	39
1729	»	141	53	38	126	24	19
1778	»	179	54	30	130	24	19
1760	Черея	274	175	64	229	61	26
1793	»	361	167	46	1095	380	35
1683	Горы-Горки	—	—	—*	1267	—	—*
1750	»	—	—	—	779	—	—
1758	»	—	—	—*	772	67	9

* Сведения о наличии тяглых в прошлом имеются, но без указания их количества.

Таблица 12

Разряды (категории) крестьянства и распределение крестьянской земли (пахоты) по 15 латифундиям[1]

Периоды	Всего дворов	В том числе тяглых дворов		Всего земли волок	В том числе тяглых волок	
		коли-чество	%		коли-чество	%
Центр						
II пол. XVII в.	1113	698	63	575	219	38
I пол. XVIII в.	1880	1194	63	1001	312	31
II пол. XVIII в.	2819	1806	64	1631	420	26
Запад						
II пол. XVII в.	1281	906	71	651	256	39
I пол. XVIII в.	886	584	66	394	148	38
II пол. XVIII в.	1349	995	74	751	234	31
Восток						
I пол. XVIII в.	1147	190	17	1576	68	4
II пол. XVIII в.	4115	1532	37	2518	510	20

[1] Тимковичи, Клецк, Давид-Городок, Манкевичи, Несвиж, Зельва, Чернавчицы, Ружаны, Деречин, Сморгонь, Глуск, Островно, Черея, Дубровно, Быхов и, частично, Горы-Горки.

Таблица 13

Разряды крестьянства в магнатских вотчинах

Зоны	Всего дворов	В том числе							
		тяглых		чиншевых		боярских и земянских		«вольных»	
		коли-чество	%	коли-чество	%	коли-чество	%	коли-чество	%
А. Первая половина XVIII в. (по 25 владениям)[1]									
Центр	1957	1260	64	469	24	118	6	110	6
Запад	1119	714	64	76	7	222	19	107	10
Восток	1578	316	20	989	63	178	11	95	6
Всего	4654	2290	49	1534	33	518	11	312	7

[1] Несвиж, Тимковичи, Косин, Клецк, Мостviловичи, Малево, Островчицы, Цепра, Сухличи, Кр. Став, Давид-Городок, Манкевичи, Чернавчицы, Ружаны, Деречин, Зельва, Сморгонь, Поставы, Друя, Глуск, Головчино, Хальча, Дубровно, Островно, Черея.

Зоны	Всего дворов	В том числе тяглых		чиншевых		боярских и земянских		«вольных»	
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Б. Вторая половина XVIII в. (по 47 владениям)[2]									
Центр	6375	3618	57	1393	22	999	15	365	6
Запад	6460	5056	78	483	8	776	12	145	2
Восток	6886	3045	44	2594	38	985	14	262	4
Всего	19721	11719	60	4470	22	2760	14	772	4

[2] Те же и Городок, Лахва, Смядынь, Туров, Высокое, Каменка (и 8 др. имений А. Тизенгауза), Бытень, Черлена, Лавна, Веселый Двор, Чересс, Малынка, Быхов, Горы-Горки (без Головчина, Красного Става и Хальчи).

Таблица 14

Распределение земли по форме ренты в магнатских вотчинах

Зоны	А. Первая половина XVIII в. (22 вотчины)[1]			Б. Вторая половина XVIII в. (32 вотчины)[2]		
	всего волок пахоты	в том числе тяглой		всего волок пахоты	в том числе тяглой	
		количество	%		количество	%
Центр	1050	277	26	3130	992	32
Запад	611	238	39	1108	410	37
Восток	1691	100	6	3278	803	24
Всего	3352	615	18	7516	2205	29

[1] Несвиж, Косин, Мир, Тимковичи, Клецк, Моствиловичи, Давид-Городок, Манкевичи, Чернавчицы, Ружаны, Зельва, Деречин, Сморгонь, Полово, Друя, Горы-Горки, Глуск, Хальча, Головчин, Дубровно, Островно, Черея.

[2] Те же и Заславль, Лахва, Смядынь, Каменка (и 8 др. владений А. Тизенгауза), Веселый Двор, Быхов (без Мира, Полова, Друи и Головчина).

Таблица 15

Основные повинности крестьян в отдельных вотчинах

Годы	Владение	Еженедельная барщина, дней		Денежный чинш с волоки, злотых польск.	
		с волоки	с дыма (двора)	с тяглой	с куничной (чиншевой)
		Центр			
1734	Несвиж	—	—[1]	3,5	50,0
1793	»	—	—	15,0	51,0
до 1680	Койданово	5	2	—	—
с 1680	»	10	5	—	—
1758	»	12	6	—	—
1792	»	10	5	—	—
1684	Заславль	6	1	2,5	30,0
1760	»	5	4	—	—
1706	Косин	8	4	нет	—
1784	»	8	4	1,3	—
1744	Копыль (Усово)	9,5	3	5,0	—
1780	»	9,5	3	5,0	—
1654	Копыль (Пуково)	7,5	3	—	—
1722	»	6	2,4	—	—
1765	»	12	3	—	—
1654	Греск	нет барщины		2,5	15,0
1722	»	6	2	10,0	25,0
1765	»	12	3	нет	50,0
до 1765	Уречье	нет		—	—
1774	»	10	2	19,0	—
1638	Тимковичи	6	1,9	2,0	7,5
1670	»	6	2,4	2,0	45,0
1691	»	8	2,4	7,0	60,0
1713	»	8	1,6	10,0	50,0
1730	»	8	1,6	10,0	66,0
1761	»	12	2,4	8,0	80,0
1778	»	8	1,6	10,0	80,0
1789	»	8	1,6	10,0	160,0
1645	Клецк	9	2,2	1,5	3,3
1679	»	8	3,2	2,0	20,0
1714	»	8	2,4	5,0	50,0
1791	»	12	3,0	2,5	50,0
1645	Денисковичи	2 недели в год		1,4	5,0
1679	»	нет		2,5	—
1704	»	нет		2,5	30,0
1734	»	обработать поле		—	—
1773	»	10	2,4	5,0	—
1788	»	10	2,0	5,0	—
1665	Островчицы	8	4	1,8	—
1713	»	7	3,5	5,0	30,0
1761	»	8	2,4	5,0	30,0
1645	Мостviловичи	5	1,6	0,7	5,0

Годы	Владение	Еженедельная барщина, дней		Денежный чинш с волоки, злотых польск.	
		с волоки	с дыма (двора)	с тяглой	с куничной (чиншевой)
1730	Мостviловичи	10	2	5,0	50,0
1760	»	10	3	5,0	50,0
1790	»	12	3,6	6,0	52,0
1678	Малево	8	4	1,7	30,0
1730	»	11	3,3	5,0	40,0
1791	»	12	2,4	5,0	40,0
1654	Сухличи	6,5	2,2	1,4	7,5
1710	»	10	5	2,5	50,0
1761	»	10	4	2,5	50,0
1779	»	20	5	5,2	—
1781	»	16	4	5,2	—
1792	»	16	3,2	5,2	—
1654	Цепра	7	2,2	2,5	6,0
1664	»	10	4	—	—
1702	»	10	5	1,6	—
1763	»	12	3,6	2,0	—
1792	»	12	2,4	2,0	—
1653	Давид-Городок	9	2,9	8,5	3,7
1665	»	9	2,9	8,3	5,0
1691	»	13	2,6	12,5	—
1702	»	—	—	—	42
1724	»	13	2,6	—	—
1753	»	23	2,3	32	42
1798	»	23	3	41	60,0
1663	Манкевичи	9	3,6	5,0	—
1687	»	8	1,6	—	—
1699	»	8	1,6	—	—
1702	»	8	1,6	6,7	40,0
1776	»	12	2,4	12,0	30,0
	Запад				
1750	Малынка (Заблудовская)	10	2,5	13,0	—
1780	»	16	4	8,0	—
1687	Ружаны	11	2,7	2,5	5,0
1728	»	11	2,4	2,5	5,0
1762	»	13	3,3	0,5	12,0
1650	Мышь	10	4,5	—	—
1725	»	13	3,9	—	—
1646	Деречин	4	2	3,3	10,0
1711	»	11	4,4	3,3	10,0
1750	»	11	4,4	3,3	10,0
1758	»	11	3,3	3,3	10,0
1782	»	11	3,3	3,3	10,0

Годы	Владение	Еженедельная барщина, дней		Денежный чинш с волоки, злотых польск.	
		с волоки	с дыма (двора)	с тяглой	с куничной (чиншевой)
1794	Деречин	12	3,6	нет	10,0
1636	Чешейковщина	4	2,2	—	—
1684	»	9	3,2	—	—
1727	»	12	4,4	—	—
1737	»	11	3	—	—
1764	»	11	3,3	—	—
1747	Киватичи	16	4,0	—	—
1664	Зельва	6	2,5	1,3	5,0
1701	»	10	2	1,3	5,0
1785	»	12	3	3,3	12,0
1699	Зденцел	8	2	10,0	60,0
1737	»	8	2	10,0	60,0
1784	»	12	3	12,0	62,0
1796	»	8	2	—	—
1738	Поставы	9	3	—	—
1783	»	16	4	16	20
1725	Друя	—	—	19,0	23,0
1793	»	—	—	26,0	94,0
1666	Чернавчицы	—	—	5,5	14,0
1689	»	—	—	4,0	—
1749	»	—	—	6,5	16,0
1791	»	—	—	6,5	40,0
1640	Сморгонь	8	2,5	2,7	20,0
1672	»	7	3,5	2,7	20,0
1689	»	7	3	2,7	20,0
1723	»	7	3,5	2,7	25,0
1755	»	8	3,2	2,7	25,0
1788	»	8	3,2	3,0	40,0
	Восток				
1692	Глуск	6	1,8	6,3	30,0
1708	»	4	2	—	22,0
1727	»	6	3	10,0	32,0
1756	»	9	3	10,0	60,0
1758	Быхов	4	2	—	—
1783	»	4	2	—	—
до 1765	Шклов	10 дней в год		—	—
с 1765	»	нет барщины		—	—
1624	Горы-Горки	нет барщины		—	—
до 1650	»	была барщина		—	—
1683—9	»	нет барщины		—	45,0
1750	»	нет барщины		—	60,0
1758	»	2	0,5	—	—
до 1650	Дубровно	была барщина		—	—
1672	»	нет барщины		—	25,0

Годы	Владение	Еженедельная барщина, дней		Денежный чинш с волоки, злотых польск.	
		с волоки	с дыма (двора)	с тяглой	с куничной (чиншевой)
1722	Дубровно	2	0,6	—	50,0
1775	»	4	1,2	44,0	66,0
1747	Воронцевичи	3	2,2	—	—
1669	Смоляны (Обольцы и Немойтово)	3	1,5	—	—
1675	»	3	1,5	—	—
1739	»	4	2	—	—
1742	»	4	2	—	—
1641	Подберезье	нет барщины		—	—
1746	»	2	2	—	—
1700	Островно	4	2	32,0	—
1729	»	4	1,6	13,0	63,0
1775	»	4	1,6	18,0	80,0
1747	Сария (Друйская)	4	3,6	—	—
1753	»	4	3,2	—	—

[1] Прочерк означает отсутствие данных.

Таблица 16

Динамика еженедельной барщины по материалам 15 латифундий[1]

Периоды	Число дней еженедельно		Процентное отношение			
			к исходному периоду		к предшествующему	
	с волоки	с дыма	с волоки	с дыма	с волоки	с дыма
Центр						
II пол. XVII в.	8,6	2,8	100	100		
I пол. XVIII в.	9,4	2,6	109	93	100	100
II пол. XVIII в.	13,8	3,2	160	114	147	123
Запад						
II пол. XVII в.	8,2	2,7	100	100		
I пол. XVIII в.	7,2	2,6	88	96	100	100
II пол. XVIII в.	11,2	3,2	136	120	155	123
Восток						
II пол. XVII в.	2,0	0,8	100	100		
I пол. XVIII в.	3,2	1,8	120	144	100	100
II пол. XVIII в.	4,6	1,9	230	237	160	123

Периоды	Число дней еженедельно		Процентное отношение			
			к исходному периоду		к предшествующему	
	с волоки	с дыма	с волоки	с дыма	с волоки	с дыма
Всего						
II пол. XVII в.	6,3	2,1	100	100		
I пол. XVIII в.	6,6	2,3	105	110	100	100
II пол. XVIII в.	9,9	2,8	157	133	150	122

[1] Тимковичи, Клецк, Давид-Городок, Манкевичи, Койданово, Зельва, Ружаны, Сморгонь, Чешейковщина, Зденцел, Глуск, Островно, Дубровно, Горы-Горки, Сария Друйская.

Таблица 17

Еженедельная барщина во второй половине XVIII в.[1]

Зоны	Количество объектов	Еженедельная барщина, дней	
		с волоки	с дыма
Центр	25	10,6	3,0
Запад	29	10,0	3,6
Восток	8	5,0	1,9
Всего	62	8,6	2,8

[1] По материалам 61 владения: Несвиж, Клецк, Койданово, Негорелое, Копыль (Пуково), Копыль (Усово), Уречье, Вязынь, Косин, Городок, Заславль, Мостиловичи, Островчицы, Малево, Сухличи, Цепра, Денисковичи, Греск, Мир, Кореличи, Давид-Городок, Манкевичи, Лахва, Смядынь, Высокое Литовское, Малынка (Заблудовская), Бытень, Каменка, Ельна, Дземброва, Бычковщина, Спуша, Лесище, Протасовщина, Старинка, Мильковщина, Рутки, Милевичи, Роготно, Дорогово, Люшнево, Веселый Двор, Здятел, Деречин, Зельва, Чешейковщина, Чернавчицы, Ружаны, Сморгонь, Поставы, Голенищево, Чересс, Друя, Глуск, Дубровно, Островно, Черея, Сария Друйская, Быхов, Горы-Горки, Тимковичи.

Таблица 18

Денежный чинш с волоки земли в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII в. (в номинальном выражении)[1]

Зоны	Тяглой		Приемной	Куничной		Боярской, злотых	Земянской, злотых
	злотых	грошей	злотых	на малом чинше, злотых	на большом чинше, злотых		
Центр	10	3	13	26	67	28	38
Запад	7	19	16	32	62	23	59
Восток	27	—	20	56	72	—	43
По всей территории (46 объектов)	14	27	16	38	67	26	47

[1] Составлена на основании данных табл. 15.

Таблица 19

Эволюция денежного чинша в магнатских вотчинах Белоруссии в XVII-XVIII вв. (по сопоставимым владениям)[1]

Периоды	Количество объектов	Средн. чинш в злотых польских (номинал)	Курс польского гроша в серебр. коп.	Чинш в серебр. коп.	Коэффициент роста цен	Реальный чинш	Показатели изменений чинша, %		
							номинального	в серебре	реального
А. Чинш, уплачиваемый барщинными крестьянами с тяглой волоки									
I пол. XVII в.	8	2,7	1,4	113	1	5,94	100	100	100
II пол. XVIII в.	8	8,8	0,52	137	2,2	8,8	326	121	148
I пол. XVIII в.	20	8,2	0,6	148	—	—	100	100	—
II пол. XVIII в.	20	9,5	0,52	148	—	—	116	100	—
Б. Чинш, уплачиваемый оброчными крестьянами с волоки									
I пол. XVII в.	6	9,1	1,4	382	1	20,2	100	100	100
II пол. XVIII в.	6	33,2	0,52	518	2,2	33,2	365	136	164
I пол. XVIII в.	13	45,4	0,6	817	—	—	100	100	—
II пол. XVIII в.	13	64,7	0,52	1009	—	—	142	124	—

[1] Составлена на основании данных табл. 15.

Таблица 20

Изменения феодальной ренты со среднего тяглого хозяйства Тимковичской волости с первой половины XVII по вторую половину XVIII в. (в пересчете на деньги по ценам второй половины XVIII в.)[1]

Формы ренты	Первая половина XVII в. (1638 г.)		Вторая половина XVIII в. (1778—1789 гг.)		Рост во второй половине XVIII в. (1638 г.— 100 %), %
	в польских злотых	%	в польских злотых	%	
Отработочные повинности	70,5	68	96,5	75	—
Натуральный оброк	23,3	23	11,0	8	—
Денежный оброк	9,2	9	21,5	17	—
Всего	103,0	100	129,0	100	125

[1] Составлена на основании инвентарей и других документов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3374, лл. 96—98; д. 5705, лл. 6—7; д. 7165, л. 8; д. 8149, лл. 1—83; д. 8417, лл. 26—33; д. 8437, лл. 1—57, д. 8438, л. 14; оп. 3, д. 4206-а, лл. 1—8; оп. 4, д. 5858, лл. 55—56; 195; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1312, оп. 1, д. 55, лл. 53—55; AG, д. 4568, лл. 147—153.

Таблица 21

Зерновой баланс среднего тяглого хозяйства в магнатских вотчинах Новогрудского повета (вторая половина XVIII в.)

	Единица измерения	Исходн. данные	Приход	Расход
Общая площадь надела	волоки	0,6		
Площадь под посевами	»	0,4		
То же	морги	12		
Норма высева на морг	бочки виленские	0,25		
Всего посеяно	бочки	3		
То же	центнеры	7,2*		
Средний урожай	самы	4		
Валовый сбор	центнеры		28,8	
Расход зерна на отсев	»			7,2
Число душ во дворе	человек	7		
Душевая норма потребления	центнеров	2,6		
Внутрихозяйственные расходы	»			18,2
Натуральный оброк с тяглой волоки — ржи	бочки	1,0		
» овса	»	1,0		

	Единица измерения	Исходн. данные	При-ход	Рас-ход
Тяглая доля надела	волоки	0,3		
Расход на дякло с хозяйства зерна	центнеров			1,4
Общий приход зерна в хозяйстве	центнеров		28,8	
Общий расход зерна в хозяйстве	»			26,8
Реализационные излишки	»		2,0	

* Пересчет из объемных мер в меры веса произведен исходя из данных о весе бочки озимых — 280 кг и бочки яровых — 200 кг.

Таблица 22

Дифференциация крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии (по материалам 15 латифундий)[1]

Количество волок в хозяйстве	Вторая половина XVII в.		Первая половина XVIII в.		Вторая половина XVIII в.	
	число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%
А. По пахотным площадям						
Без пахоты	4	0,2	31	0,8	35	0,6
Меньше 1/4	201	7,9	332	9,2	294	4,6
1/4	558	22,0	751	20,8	873	13,7
1/3	416	16,3	362	10,0	642	10,1
1/2	696	27,3	1075	29,8	2313	36,4
2/3	154	6,0	150	4,2	448	7,0
3/4	212	8,3	318	8,8	763	12,0
1	195	7,7	345	9,6	602	9,5
1—2	86	3,4	209	5,8	341	5,4
Больше 2	25	0,9	37	1,0	45	0,7
Всего	2547	100	3610	100	6356	100
Б. По рабочему скоту						
Без скота	583	24,4	419	21,7	581	9,3
0,5 упряжки	434	18,0	375	19,4	781	12,4
1,0	597	25,0	563	29,1	1729	27,5
1,5—2,5	696	29,0	428	22,1	2040	32,5
3 и более	87	3,6	148	7,7	1148	18,3
Всего	2396	100	1933	100	6279	100

[1] Составлена на основании источников, указанных в сноске к табл. 5.

Таблица 23

Имущественные различия среди крестьян Тимковичского графства в 1778 г.[1]

	Количество хозяйств	Трудоспособных	Пахоты, волок	Упряжек	Нерабочего крупного рогатого скота	Овец	Свиней	Ульев пчел
Всего:	831	2856	396	1188	1389	2287	1012	438
на одно хоз-во		3,4	0,5	1,4	1,7	2,7	1,2	0,5
Хоз-ва высшей группы	103	437	64	342	318	500	255	165
на одно хоз-во		4,2	0,6	3,3	3,1	4,9	2,5	1,6
Хоз-ва неполноупряжные	210	589	68	71	181	312	122	26
на одно хоз-во		2,8	0,3	0,3	0,9	1,5	0,6	0,12

[1] Составлена на основании инвентаря 1778 г. (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8437, лл. 1—57).
Включены четыре волости: Тимковичская, Раевская, Васильчицкая и Варшавская. Хозяйства высшей группы — имевшие по 3 и более упряжек.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Козловский П. Г.

К59 Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII
Минск, «Наука и техника», 1969.

204 с. (АН БССР, Ин-т истории) 1200 экз. 71 к. В переп

Это — первое в белорусской исторической науке исследован посвященное крестьянству магнатских вотчин. В книге рассматрива ся динамика земельного надела, изменения форм феодальной ре и усиление эксплуатации крестьян, рыночные связи деревни, раскр вается процесс разложения феодальных производственных отношен и зарождения капиталистического уклада в сельском хозяйстве. Би лиогр. в подстроч. примеч.

9 (с)14+9(с

1-6-4
4-69

КОЗЛОВСКИЙ ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

КРЕСТЬЯНЕ БЕЛОРУССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII—XVIII В.

Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68

Редактор Л. *Булавинцева.* Обложка М. *Карпука.* Художествен редактор Л. *Усачев.* Технический редактор А. *Атлас.* Корректо З. *Райнес*

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ РИСО АН БССР

АТ 02076. Сдано в набор 31/I-69 г. Подписано в печать 16/IV-69 Бумага тип. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 6,375. Усл. печ. л. 10 Уч.-изд. л. 11,1. Изд. зак. 732. Тип. зак. 91. Тираж 1200 экз. Цена 71 к

Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Нау и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по печати. Минс Ленинский проспект, 68.

71 к.